

ВЛАДИМИР

КОЛЬЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СЕМЬЯ В ЗАКОНЕ

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/isbn_9785699437061

ВЛАДИМИР

КОЛЬЧЕВ

СЕМЬЯ

В ЗАКОНЕ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВЛАДИМИР
КОЛЬЧЕВ

СЕМЬЯ
В ЗАКОНЕ

ЭКСМО
МОСКВА
2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 60

Оформление серии *С. Власова*

К 60 **Колычев В. Г.**
Семья в законе : роман / Владимир Колычев. —
М. : Эксмо, 2010. — 352 с. — (Мастер криминальной
интриги).

ISBN 978-5-699-43706-1

Весь город подмяла под себя сплоченная, жестокая семья Савелия Бурыбина по кличке Бурбон. Ни сам папаша, ни четверо его сыновей отступать не умеют, никому ничего не прощают, делиться ни с кем не хотят — все у них схвачено, куплено, завязано. А с теми, кто не хочет жить по их законам, разговор короткий — пуля или удавка. Так бы победно и катилась мафиозная колесница, подминая под себя все, если бы не строптивый майор милиции Павел Никифоров. Криминальная семейства убила его жену, нажив таким образом себе лютого кровного врага. Теперь он как кость в горле у всемогущей Семьи — ничего не боится, взятки не берет, от своих принципов не отрекается. Что ж, Бурбон приготовил для мента такой хитроумный крючок, с которого простому смертному вовек не сорваться. Вот только Павел оказался отнюдь не простым смертным...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-43706-1

© Колычев В. Г., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

глава 1

Ночное небо затянуто тучами. Фонари на улице не горят. Тьма плотная, холодная, моросящая... В гулком гудящем зале пивного бара, в клубах табачного дыма под потолком тускло мерцают засиженные мухами лампы дневного света. Но тьма, казалось, проникла и сюда, заползала под ворот рубахи, через позвоночную артерию проникла в кровь, студеными пальцами хватала за душу...

В зале было душно, накурено, но мужчина, сидевший за столиком в дальнем углу бара, поежившись, застегнул джинсовую куртку до самого верха. Вид он имел несвежий, слегка запущенный: волосы слипшиеся, сальные, печать усталости на лице, взгляд выхолощенный, уголки тонких губ приспущенны, словно траурные флаги. Но все же смотрелся он внушительно. Широкое лицо с резкими, выразительными чертами, развитые надбровные дуги, большие черные глаза, нос широкий, с небольшой впадиной посередине, черные усы, короткие, но столь же густые, как и брови. Крепкая шея, не очень широкие, но плотные плечи, сильные руки. Не нужно было напрягать взгляд и фантазию, чтобы определить в нем крепкую кость и энергетику высокого напряжения. Но упадок духа, в котором он сейчас пребывал, значительно снижал ярость его мужского обаяния.

Чем дальше в ночь уходили стрелки часов, тем черней и гуще становилась тоска этого несчастного человека. Холодно, зябко. И одиноко, как в могиле.

За массивной стойкой из больших грубо отесанных камней краснела упитанная физиономия бармена, пиво ручьем лилось из крана, наполняя кружки и бокалы. Худосочный паренек, сидящий на высоком стуле за барной стойкой, нехотя обнимал упитанную девушку с прической под «одуванчик», за столиком неподалеку — два степенных, хорошо одетых парня в компании с ярко накрашенной, игривой брюнеткой. Две женщины среднего возраста в поисках попутного ветра, на пивных волнах и под рваными парусами личных неурядиц. Рядом уютно разместилась компания работяг — эти обмывают зарплату, пьют, но не шумят, на соседок не заглядывают, их больше привлекает немолодая уже, но еще бодрящаяся красотка в коротком платье, что взобралась на жердочку барного стула. С ней можно все и за скромную плату. Судя по тому, как посматривают на нее мужчины, ей приставать без работы долго не придется.

Бар «Забегаловка» — заведение далеко не самое респектабельное, но посидеть здесь можно неплохо: и выпить, и перекусить, и приключение найти — с женщиной подружиться и даже подраться. Но мужчину в застегнутой доверху джинсовой куртке интересовала только выпивка. Тусклым безучастным взглядом он обозрел зал и склонился над своей тарелкой, вяло ковырнул вилкой кусочек бифштекса, после чего апатично и безотчетно затолкал его в пространство между двумя ломтиками жареного картофеля. Кому-то весело, у кого-то здоровый аппетит, а ему, Павлу Никифорову, тоскливо, и кусок в рот не лезет...

Он помнил, как приходил в этот бар с женой. Со-

всем недавно это было, месяца три назад. Снег на крышах, сосульки на карнизах, красные грудки снегирей на проводах. Они шли по обледеневшему тротуару, Лена крепко держала его за руку, грудью прижавшись к нему, что-то шептала на ухо, смотрела на него красными от слез, грустными глазами. Она могла поскользнуться, упасть, но пугало ее не это. Больше всего Лена боялась потерять мужа... В тот день Павла ждала женщина, с которой он изменял жене. Но Лена так плакала, так уговаривала его никуда не ходить, что он вынужден был сдаться. И еще она очень просила сходить с ней в город — в кино, в музей, в кафе, куда угодно, лишь бы создать иллюзию крепкой и дружной семьи, о которой она всегда мечтала. Но Павла раздражали ее слезы, и он назло ей выбрал бар «Забегаловку», недалеко от дома. Они пили дешевое пиво, ели неприятный на вкус жирный шницель, посыпанный сухим укропом. Он небрежно жевал мясо, с открытым ртом, замасливая губы, с шумом поглощал пиво, чего бы никогда не позволил себе в присутствии чужой женщины. Как будто давал понять, что Лена для него ничего не значит. Она, глупая, влюбленно смотрела на него глазами боязливой мышки, а он, поглядывая поверх нее, думал о том, чтобы поскорее покончить с этим «домашним заданием» и отправиться к своей Оксане, к этой зрелой красавице с роскошными формами...

И часа они тогда не провели здесь с женой. Павел сказал, что после столь невкусного обеда ждет от Лены хорошего ужина, даже похвалил ее кулинарные способности. И даже по пути домой купил бутылочку недорогого болгарского вина. А когда она встала у плиты, он с мобильного телефона позвонил на свой домашний, вызвал себя на разговор, после чего зая-

вил, что его срочно вызывают на службу. Он обещал вернуться к ужину, но Лена ему не поверила. Она чувствовала, что у мужа есть другая женщина, поэтому в глазах у нее стояли слезы. Она тогда ничего ему не сказала, лишь тихонько всхлипнула, закрывая за ним дверь...

Лену он знал с самого детства. Женихом и невестой их объявили еще в первом классе. Он таскал за ней портфели, выслушивал жалобы на несправедливых учителей, на мальчиш, дергавших ее за косички, утешал, грязным носовым платком вытирали ей слезы после каждой «двойки», задир-обидчиков укрощал кулаками... Впрочем, плохих оценок у Лены было мало, а с каждым годом становилось все меньше. Павел же со временем завоевал репутацию бедокура-двоечника с крепкими кулаками. Это не мешало ему водить дружбу с примерной ученицей.

Но их теплая дружба так и не переросла в любовь. Лена его любила, не раз признавалась в этом, говорила, что жить без него не может. А он не понимал, как это нельзя жить без кого-то. В десятом классе он часто задавался таким вопросом и всякий раз находил разумный ответ. Если бы вдруг Лена уехала в другой город, он бы смог забыть ее. Может, и не легко, но смог бы... Впрочем, не очень серьезное отношение к ней не удержало его от греха. В десятом классе, в новогоднюю ночь они с Леной заперлись у нее на квартире, и она под бой курантов прошла посвящение в женщины.

А незадолго до последнего звонка Павел всерьез увлекся Светкой из параллельного класса. Девушка готова была ответить ему взаимностью, но вдруг выяснилось, что Лена ждет ребенка. Эта новость его совсем не обрадовала, но и в панику не ввергla, более

того, заставила принять ответственное решение. После школы они с Леной расписались, в конце сентября она родила ему девочку, а в ноябре он ушел в армию...

В кармане затрезвонил телефон, глянув на дисплей, Никифоров неторопливо поднес его к уху.

— Да, родная.

Звонила дочка. Маше уже восемнадцать лет... Ему тридцать шесть всего, а она уже совершенолетняя.

— Ты где? — с ~~небольшим~~ каким-то беспокойством спросила дочка.

Еще год назад отца и дочь можно было встретить вместе на улицах города. Она держала его под руку и шла, легонько покачивая бедрами; юная, красивая, длинноволосая. Встречные мужчины с завистью рассматривали на Павла, думая, что это его девушка.

Но сейчас они уже никуда вместе не ходят. У Марии своя жизнь, она живет с мужчиной, у него дома, и общаться с ней Павел мог только по телефону.

— Да так, сижу, — невыразительно пожал плечами Никифоров.

— Где сидишь, в кабаке? Опять наклюкаешься?

— Да нет, нормально все. Домой сейчас пойду...

— Давай, давай, а то у тебя уже язык заплетается.

— Тебе это кажется, — мотнул головой Павел.

— Не кажется... Все, домой давай иди. Пока, я тебя люблю...

— Я тебя тоже.

Павел уже собирался нажать на кнопку сброса, когда до его слуха донесся грозный голос:

— Кого ты там любишь?

В трубке послышались короткие гудки. А спустя время снова раздался звонок.

— Ты кто такой? — нахраписто надавил на перепонки знакомый мужской голос.

— Ты что, Слава, обкурился? — грубо спросил Павел.

— А-а, это ты, Пал Михайлович! — успокаиваясь, небрежно, на тяжелом натужном выдохе проговорил Слава. Похоже, он был порядком подшофе.

Никифорову не нравился выбор дочери. Славе уже за тридцать. Лысая голова, бульдожьи щеки, второй подбородок, жирное брюхо и задница такая, что мягкая мебель не нужна. И характер нехороший... Но у него были деньги. Сеть автомагазинов по городу, элитный коттедж на окраине города, две иномарки в гараже. А жил он с Машей в гражданском браке, и это больше всего смущало Павла.

— Ты чего там на мою дочь рычишь?

Злость усилилась, когда он услышал в трубку приглушенный расстоянием всхлип. Или это ему показалось, или дочь плачет.

— Да нет, нормально.

— Что нормально? Учи, если узнаю, что ты хоть пальцем ее тронул!..

— И что будет? — заносчиво хмыкнул Слава.

— А вот когда тронешь, тогда и узнаешь.

— Тронул уже. Вон сидит, кровь по щекам размазывает.

— Что?!

В ответ Никифоров услышал короткие гудки.

Механически отточенным движением он вернул телефон в карман, невидяще глядя в тарелку, взял за горлышко графинчик, налил в рюмку водки, выпил, после чего сделал несколько глотков из кружки с пивом.

Под потолком сизыми волнами качался табачный

дым, где-то рядом звякнула вилка, чуть поодаль кто-то кому-то что-то сказал, нервно хихикнула женщина, послышался звук льющейся жидкости, крышка звонко стукнулась о кастрюлю, заурчала кошка, набросившись на упавший кусок мяса. Обострившийся вдруг слух позволил Павлу слышать даже то, что происходило на кухне. Но эти звуки, смешавшись в глухую какофонию, казалось, доносились откуда-то из прошлого, упрямо продавливая полупрозрачную стенку бычьего пузыря, в который было упаковано настояще. Тоска сгустилась до плотности критической массы, а потом перетекла в злость на гражданского зятя.

Павел подозревал рыхлотелую официантку в засаленном переднике, велел подать счет, расплатился и вышел в ночь. Его старая «девятка» с проржавевшим крылом была припаркована неподалеку, но как ехать, если в голове пьяное болото?.. Домой надо идти, а машину забрать утром. Ну, а как же гражданский зять? Он дочь избивает, а за это наказывают...

Никифоров сел в машину, пристегнулся, постарался сосредоточиться. Аккуратно выехал на дорогу, неторопливо свернул на Челябинскую улицу. Он понимал, к чему может привести управление автомобилем в нетрезвом виде, поэтому вел себя осторожно, внимательно всматривался в дорогу, не разгонялся, хотя, казалось, нужно было спешить.

Но чем ближе он подъезжал к дому гражданского зятя, тем сильнее вдавливал педаль акселератора, и стрелка спидометра нервно подрагивала.

Сознание все глубже погружалось в сумерки, во мгле которых скрывалось зудящее желание покончить с жизнью... Павел не видел смысла жить дальше...

Это случилось три месяца назад, через несколько дней после того, как он сводил жену в «Забегаловку». Лена задержалась на работе, возвращалась уже затемно, но домой так и не пришла. Ее подкараулили на улице, при свете фонарей ударили по голове молотком, забрали сумку и пакет с продуктами... Свидетели видели двоих, но в лицо преступников никто не запомнил.

Лена умерла по дороге в больницу. А ее убийц по горячим следам найти не удалось... Павел служил в городском УВД, в отделе по раскрытию тяжких преступлений. Уж как он был заинтересован в раскрытии этого убийства, и то ничего не смог поделать. Следствие ни к чему не привело, и секретные осведомители молчали, словно сговорившись. Возможно, это был не обычный разбой; очень даже могло быть, что кто-то свел с Павлом счеты. Так это или не так, но удар ему нанесли в самое сердце. И он понимал, что никогда не сможет оправиться от него...

Никифоров почувствовал, как откуда-то из груди поднялась и подступила к глазам горькая слезоточивая волна, кончик носа потяжелел, набух, будто березовая почка. Он попытался, но не смог сдержать слезы. Они скатывались по щекам, стекали в щетинистые усы...

Он вспомнил, как в позапрошлом году отдыхал с Леной на Черноморском побережье. Утяжеленная водорослями волна упруго накатывала на берег, с шумом сдирая с него шлифованную гальку. Он лежал в шезлонге, нежась в солнечных лучах, а Лена выходила из моря. На одну руку она наматывала длинные мокрые после купания волосы, другой весело махала ему. Павел был тогда в темных очках, и она думала, что он смотрит на нее. А он в это время любовался

юной девушкой, которая заходила в воду. Уж очень замечательно выглядела она в купальных стрингах. И все-таки Лена узнала, куда направлен был его взгляд. Надо было видеть, как улыбка на ее лице превращалась в страдальческую гримасу...

Тогда Павлу было все равно. Потому что тогда он не любил жену. Верней, так ему казалось... А сейчас тяжесть этих воспоминаний сдавила ему грудь — дыхание перехватило. А слезы крупными каплями показались из глаз...

Только после того, как Лена погибла, он явственно осознал, насколько она была ему дорога. И как сильно он ее любил. Он возненавидел себя за то, что изменял ей, унижал своим невниманием, не согревал ее лаской...

Боль утраты оказалась настолько страшной, что жизнь, казалось, остановилась. Он даже не думал о том, что нужно соблюсти траур: желание изменять жене умерло вместе с ней. Не нужны ему были другие женщины, и его возмущала сама мысль о том, чтобы пополнить коллекцию своих побед. А сами эти прошлые завоевания казались ему отвратительными...

Жизнь остановилась. А машина неслась по ночных улицам на большой скорости. Впереди мрак и пустота. Тогда какой смысл ехать дальше?.. Взять бы вправо да врезаться на скорости в придорожный столб!..

Нет, это безумие. Нельзя так делать, взывал к разуму Павел. Но руки сами по себе вывернули руль вправо, и машина, не снижая ход, устремилась к обочине... Только тогда сознание включило защитный механизм, и машина чуть ли не в последний момент выровняла курс.

Свет фонарей растекался перед глазами, руки

тряслись, ноги, казалось, онемели... Прижавшись к обочине, Никифоров остановил машину, до боли за-жмурил глаза. Надо было собраться с мыслями, сжать в кулак обломки рассыпавшейся воли.

Да, ему нужно на тот свет. Найти жену, встать перед ней на колени, вымолить прощение и остаться с ней навсегда... Но как же грех самоубийства?.. Лена не святая, но по сравнению со многими она могла показаться эталоном благочестия. И если где-то ей уготовано место по ту сторону мироздания, то наверняка в раю. А души самоубийц даже в ад не пускают, у них и шанса нет, чтобы очиститься. Они гибнут сразу, безвозвратно... Нет, через самоубийство к Лене не попадешь.

Павлу стало стыдно. Ведь у него есть дочь, о ней нужно заботиться — хотя бы по мере сил и возможностей. Она прямо сейчас нуждается в нем, и он ехал к ней, но забыл об этом. И чуть не оставил Машу полной сиротой... Разве так можно?

Он набрал полные легкие воздуха, на три-четыре секунды задержал дыхание, а потом резко выдохнул. Сознание немного прояснилось, посвежело. И даже промелькнула мысль, что на пьяную голову дальше ехать нельзя... Какое-то время Никифоров боролся с нежеланием выходить из машины, но проиграл самому себе и продолжил путь.

В конце концов он оказался на улице, где среди обычных домов стоял высокий коттедж под «минеральной шубой». Кирпичный забор, кованые ворота, закрытые полупрозрачным пластиком, у калитки кнопка звонка.

Ждать пришлось долго. Наконец калитка открылась, и показалась Маша в теплом, плотно запахну-

том халате. Светлые волосы стянуты на затылке, на лице косметическая маска из белого крема.

Эта маска и не понравилась Павлу: ему показалось, что под толстым слоем крема под глазом скрывается синяк.

— Он тебя бил?

Вопрос прозвучал настолько хлестко, что Маша невольно вздрогнула. Но именно поэтому, будто стыдясь своей слабости, она вдруг завелась.

— Нет! — с вызовом ответила она. И на еще больших оборотах грубо спросила: — Зачем ты приехал?

— С мужем твоим поговорить. Если его можно назвать мужем...

— Можно. И нужно. Потому что Слава — мой муж, понял?

— Да вот, все пробую понять...

— Что ты можешь понять? Тебе все равно, в каких условиях жить! А я хочу жить, как человек. И Слава мне позволяет так жить...

— А любовь?.. Или если бьет, значит, любит?

— Не бьет... И любит...

— Вот я и хочу узнать, как он тебя любит. Пусти, мне к нему надо.

— Не пущу!

Павел хотел пройти во двор, но дочь загородила проход. Руками уперлась в кирпичные столбы, чтобы удержать отца.

— Не трогай его! Не смей!.. Я сейчас кричать буду! — истошным голосом предупредила она.

Свет уличного фонаря падал на ее лицо, но как ни присматривался Никифоров, так и не смог разглядеть припухостей вокруг глаз. Может, и не было синяка. Может, Слава всего лишь нос Маше разбил... За та-

кое «всего» наказывать надо жестоко, но дочь твердо стояла на своем. Не пущу, и точка.

— Ты уже кричишь. — Павел озадаченно почесал щеку.

Против дочери силу он применить не мог. Такую возможность он исключил еще давно, с самого ее рождения...

— Буду кричать еще громче!

— Может, Слава твой сам ко мне выйдет? — спросил Павел. — Или он боится?

— А может, и боится. Ты же мент! От тебя всего можно ждать!

Опомнившись, Маша сконфуженно прикрыла рот ладошкой, но воинственный блеск из ее глаз не исчез. Она хоть и дрогнула, но оборонительные позиции сдавать не собиралась.

— Это кто тебе такое сказал, он или ты сама придумала?

— Какая разница?

— Значит, он.

— Может, и он. Только он тебя не боится! — язвительно сощурилась Маша. — А знаешь, почему? Потому что ты ни на что не способен! Ты нашел тех подонков, которые маму убили? Нет! Потому что не можешь их найти!..

Это был удар ниже пояса. Павел вздрогнул, беспомощно сгорбился. Увы, но ему нечем было ответить своей дочери.

— А может, ты не хочешь их искать? — продолжала она.

Он отвернулся, направился к машине и получил удар в спину.

— Я же знаю, ты никогда не любил маму!

Он еще ниже опустил голову, даже просел в коле-

нях, как будто на плечи ему взвалили десятипудовую штангу. Под этой тяжестью и продолжил путь.

Маша опомнилась, когда он уже открыл дверцу, чтобы сесть в машину. Нагнала его, обняла, повисла у него на шее, мокрой щекой прижалась к его подбородку.

— Ну прости! Ну, пожалуйста!.. Я же знаю, как ты страдаешь!

Она продолжала висеть у него на шее, но Никифоров, казалось, не чувствовал этой тяжести. Более того, он разогнулся так легко, будто с его плеч свалился полутонный груз.

Но камень в душе все же остался. Он, конечно же, простит дочь, уже простил, но ведь Лену этим не вернешь. И ее убийца не найдешь...

— Ты же знаешь, я не умею на тебя обижаться, — тепло, но с грустью улыбнулся он.

— Знаю... Помнишь, как я покрасила тебе ногти, когда ты спал? — с той же улыбкой ответила она. — Ты чуть так на работу не ушел. Представляю, как бы на тебя там смотрели!

— Ничего страшного, все же знали, какая у меня проказница дочь, — пошутил он.

— Ну, не все... И совсем не проказница... Пап, я хочу туда, где я могла красить тебе ногти. Я хочу туда, где мы с мамой...

— Все, не надо больше, — мотнул он головой и сощурился, чтобы сдержать слезы.

— Не буду.

— Теперь у тебя своя семья. А Славе передай, что я сделаю ему очень больно, если он еще раз тебя обидит.

— Да нет, он больше не будет... Нашло на него

просто. Приревновал. И вообще... Неприятности у него. С бизнесом. Потому и злой...

— А если неприятности дальше будут продолжаться? Он что, и дальше злиться будет?

— Да нет, он сказал, что сможет разобраться.

Маша пристально и с напряжением смотрела на отца. Она ждала, когда он спросит, в какие проблемы впутался ее гражданский муж. Но Павлу вовсе не хотелось вникать в них. Хотя он и понимал, что трудности, которые испытывал Слава, могут ударить и по ней.

— Ну, если пацан сказал, то пацан должен сделать, — пренебрежительно усмехнулся Павел и открыл дверцу машины. — Поеду я.

— Поедешь? — Девушка озадаченно приставила ко лбу палец. — В таком виде?! Ты же пьяный!

— Я осторожно.

— А если нет? Если человека собьешь? Знаешь, давай-ка к нам, у нас переночуешь!

— Сначала гонишь, потом к себе зовешь, — показал головой Павел.

— А вот я такая... Давай, давай, загоняй машину во двор!

Никифоров сел за руль. Но к тому времени, как Маша открыла створку ворот, он уже катил по дороге прочь от ее дома.

глава 2

Струи воды, распыляясь, создавали облака мелкой взвеси, в которых радужной дугой отражалось яркое летнее солнце... А ведь фонтан мог быть и мощней, выше, и мраморная чаша — шире и глубже.

Погода превосходная — яркое летнее солнце, лег-

кий освежающий ветерок. Туч много — больших, серых и рыхлых, но все они в душе; плывут, рваными краями цепляя за нервы.

Эдуард Лихопасов угрюмым взглядом осмотрел двор своего дома. Брусчатка, английские газоны, фонтан, клумбы, туи стройными рядами... Брусчатка обычная, а не гранитная, и газон плохонький: травка могла быть и ярче, и сочней. Клумбы маленькие, а ведь могли простираться метров на тридцать вправо. Могли, но не хватало участка, а чтобы прикупить соседский, не хватало денег. Все на дом ушло, на обстановку.

И джип далеко не самый-самый — серебристый «Хюндай».

Дом тоже не радовал. Вроде бы два этажа, и крыша черепичная, и кирпич финский, но жилая площадь не впечатляла — каких-то двести квадратных метров. Двери сосновые, мебель в основном из МДФ, а ведь он так хотел массив красного дерева...

Эдуард неприязненно посмотрел на жену. Вот кто всем в этом доме доволен. Только вид у нее почему несчастливый? Неужели что-то почувствовала?

Эдуард задорно покрутил пальцем несуществующий ус, вспомнив, как любил вчера свою новую секретаршу. Лесное озеро, багровый вечер, машина с распахнутыми дверями, ложе из откинутых кресел, два страждущих тела...

Но что поделаешь, если на Карину любо-дорого смотреть? Красивая, юная, свежая, упругая. Все знает, все умеет... А Юлю, увы, иначе как недоразумением и не назовешь. Волосы да, роскошные — густые, темно-русые, но почему она все время сплетает их в косу и накручивает на голову, как это было принято в прошлом веке?.. А лицо? Нет, черты лица правиль-

ные, даже профиль благородный, но какое же оно узкое, худое, блеклое. А этот нос — острый, длинный. И косметикой она не пользуется, даже брови не подкрашивает, хотя они далеки от совершенства. А фигура и вовсе не выдерживала никакой критики — плечики узенькие, руки тонюсенькие, грудь — два прыщика, туловище длинное, ноги короткие, еще и сутулится... И немолодая уже, тридцать лет вот-вот исполнится... Ну как такую любить?

Зато девочки любили мать. Малышку Дину Юля несла на руках, а Соня вприпрыжку бежала за ней, огромный бант забавно подпрыгивал в такт. Юля открыла дверь, и Соня со смехом ворвалась в салон, сама забралась в детское кресло. В такое же кресло рядом с ней Юля усадила и Дину, тщательно закрепила детское тельце ремнями. На мужа она при этом не смотрела.

— Могла бы меня попросить, я бы помог, — недовольно сказал Эдуард.

Дина была его родной, а Соня — приемной дочерью... С Юлей он жил всего три года, но за это время она успела ему опостылеть. И ведь не разведешься...

Одета Юля была неважно — серый костюм: длинная юбка и жакет с нелепым кружевным воротом, туфли тяжелые, тупоносые, на низком каблуке. А машина... Дешевый малолитражный «Пежо». А ведь могла бы позволить себе и новенький «Мерседес» представительского класса.

— Да нет, не надо, — без раздражения, но скучно посмотрела на него супруга. — Надо, чтобы кто-то один. У семи нянек, сам знаешь, как бывает...

Голос у нее звонкий, но дребезжащий, чем-то напоминающий звучание бормашины. Эдуард даже ощутил, как у него заныл зуб мудрости. Это нервное,

и Юле лучше об этом не говорить, ведь она по профессии стоматолог — если прицепится, не отвяжешься, пока не окажешься в ее кабинете ...

Юля работала в городской стоматологии, обычным рядовым врачом, а ведь запросто могла стать директором дорогой платной клиники... А не стала потому, что глупая. Так думал Эдуард, глядя, как жена садится в машину.

Дождавшись, когда «Пежо» скроется за воротами, он сел за руль, завел двигатель. И спустя примерно полчаса уже входил в двери казино, расположенного на первом этаже высотного дома.

Нет, он приехал сюда вовсе не для того, чтобы проигрывать деньги. Напротив, он собирался их зарабатывать. Охранник в черном костюме молча склонил перед ним голову в знак приветствия, а больше на пути в кабинет ему никто не попался. Утро для казино все равно что ночь для мэрии. Днем чиновники работают, а вечером едут сюда, чтобы пощекотать себе нервы. Ночью в здании мэрии пусто, а здесь крутится рулетка и скачет шарик счастья. А утром все столы в большом игровом зале пустуют, крупье не видно. И в небольшом стриптиз-баре тишина, и только слышно, как орудует шваброй уборщица.

Зато в директорской приемной все как у людей — и компьютер включен, и красавица Карина уже складывает на мониторе тетрис. Завидев начальника, она мило улыбнулась, но со своего места не поднялась, лишь слегка обозначила стартовое движение. Пышные волосы, большие глаза под цветными линзами, эротический аромат духов.

Еще вчера Карина поднималась ему навстречу в полный рост, но тогда между ними ничего не было, кроме ожиданий. А вчера Эдуард повез девушку до-

мой, но так вышло, что они оказались за городом... Сейчас ему казалось, что иначе и быть не могло.

— Ты что там, голых мужиков разглядываешь? — кивнув на экран монитора, спросил он.

— Ну что ты, Эдик! — с жеманным притворством протянула девушка.

— Я же просил, на работе по имени-отчеству, — поморщился он.

— Да, Эдик... То есть Эдуард Михайлович.

— И кофе, пожалуйста. Покрепче и без сахара...

Лихопасов любил выкурить утром сигару, сдабривая одну табачную горечь другой, тоже табачной. Начнет он с легкой, ямайской сигары, а после обеда возьмется за мексиканскую, будет смаковать ее под аперитив; ну а вечером в ход пойдет еще более тяжелая, кубинская... Для настоящего ценителя сигар всему свой черед. А Эдуард считал себя ценителем. Хотя, если честно, сигары он курил больше для престижа, нежели из удовольствия. И церемония этого «священнодействия» порой казалась ему фарсом — эти хьюмидоры, гигростаты, гильотинки, пробойники, щепки для прикуривания, специальные пепельницы... Уж куда приятней сунуть в рот обычную сигарету «Мальборо», прикурить от зажигалки, глубоко затянуться, чтобы взбодрить и вместе с тем успокоить сознание.

И все-таки он достал сигару из хьюмидора, срезал кончик. Но щепу поджигать не стал. Сначала дождалася Карину, которая подала ему кофе.

— Может, еще чего-нибудь? — кокетливо спросила она, прижав руки к груди так, как собачка, вставая на задние лапы, поднимает передние.

Еще и бедрами качнула, будто песик хвостиком махнул.

— Ну, не с утра, — неуверенно мотнул он головой.

Карина вдохновляла его на воплощение самых смелых фантазий, но для начала он должен хотя бы выкурить сигару. Сначала дело, потом удовольствие...

— Можно и чуть позже, — гравюзно повела она тонко выщипанной бровью.

— Вот-вот, попозже...

Щепка дрогала в руке, но Эдуард ждал, когда Карина уйдет. Но девушка не торопилась покидать кабинет. Руки опустились ниже, пальцы теребили пуговицу кофточки. Стоит, с ноги на ногу переминается. Своим подозрительным поведением она, казалось, подготовливала своего шефа к неприятной неожиданности.

— Эдуард Михайлович, у меня проблема тут. Зарплата только через две недели, а у меня деньги закончились...

Вот тебе и зубная боль, с досадой подумал Лихопасов. И жена с ее стоматологическим креслом здесь не помощник, скорее наоборот.

— Сколько?

— Ну, долларов двести.

— До зарплаты? — в лоб спросил он.

— Э-э, ну да... — неуверенно ответила девушка.

Ей бы сейчас две запрошенные сотни получить, а, схватившись за них, как за синицу, со временем она затребует журавля... Эдуард прекрасно понимал, что за все нужно платить, по этому принципу он жил и сам. Но деньги доставались ему нелегко, и щедрость никогда не была его недостатком.

Две стодолларовые бумажки он вынул из бумажника так, будто часть души отдавал дьяволу в залог. И думал о том, что неплохо было бы получить эти деньги обратно. Но ведь Карина не отдаст, так же как

и он не сможет вернуть ей вчерашний вечер, когда они были близки. Может, провести эти деньги через бухгалтерию, как аванс к зарплате? Но тогда Карина оставит его без сладкого. А если еще и пожалуется, тогда совсем худо будет.

— Ты знаешь, я тут подумал, — нерешительно сказал он. — Может, тебе оклад поднять? На двести долларов, а?

— Эдуард Михайлович! — просияла девушка.

— Ну а что, работаешь ты хорошо...

— Даже не знаю, как вас отблагодарить!

— Знаешь, знаешь. А если забыла, то могу напомнить.

— Сама вспомнила, — жантильно зарумянилась она.

И шагнула к нему, но Лихопасов сначала осадил ее движением руки, а затем выпроводил за дверь.

Раскуривая сигару, он думал о том, как ловко обманул девушку. Он не станет ей ничего говорить, а через две недели она сама узнает, что ее новая зарплата урезана как раз на те самые двести долларов. Эти деньги он, разумеется, положит в свой бумажник.

Но настроение все равно не улучшилось. Сигара казалась какой-то прелой, кофе пах клопами. А тут еще дверь в приемной хлопнула, и Карина подозрительно вскрикнула. С шумом опрокинулось кресло, открылась дверь в кабинет, и Лихопасов увидел двух атлетов, чье появление, как обычно, не сулило ему ничего хорошего.

— Рэкет не вызывали? — громыхнул басом Семен.

Парень отличался необычным строением головы. Сверху она была зауженной, от линии глаз резко расширялась, а затем плавно уменьшалась по ширине, в

районе подбородка сливаясь с могучей борцовской шеей. И уши у него были такие большие, что голова напоминала кувшин, поставленный на постамент из дубового бревна.

Вытянув голову вперед, он повел мощными плечами, отчего дорогой клубный пиджак на нем затрепещал по швам.

— Что, не вызывал?! — осклабился Ждан. — Тогда за ложный вызов кучу бабла!

Он был еще более громадным, чем Семен, но выглядел почему-то не так внушительно. Может, потому, что черты лица у него были более мягкие, размытые, и в глазах не хватало той непоколебимой уверенности, которой отличались его старшие братья. И еще — походка у него недостаточно твердая, его все время заносило куда-то в сторону, отчего он цеплялся за предметы, которые, казалось, не стояли у него на пути. Вот и сейчас он умудрился опрокинуть журнальный столик, находившийся в метре от линии, по которой он двинулся к Эдуарду.

Братья всегда начинали визит этой незатейливой сценкой с рэкетирами. Семен был далеко не глуп, чтобы не понимать, насколько истерта эта присказка, но, казалось, ему доставляло удовольствие терзать слух Эдуарда, которому ничего не оставалось, как отвечать на весь этот фарс любезной улыбкой. От братьев он зависел, как цирковой пони от дрессировщика с бичом.

Семен первым занял место за приставным столом. Неповоротливый Ждан мог сесть рядом, но и его уже тянуло к тому креслу, в котором развалился брат. Остановиться он вовремя не успел, и всей своей массой навалился на Семена, едва не опрокинув его на пол. Тот воспринял это как нечто неизбежное; насмешли-

во глянул на Ждана, но ничего ему не сказал. Зато заговорил с Эдуардом.

— Ну что, толстяк, как поживаешь? — спросил он, нехорошо сощурившись.

— Как поживаешь? — усевшись-таки в свободное кресло, вторил ему Ждан.

— Э-э, нормально, — смущенный таким началом, пробормотал Эдуард.

Во-первых, он не толстяк. Ну, есть, конечно, лишний вес, но это за счет легкой упитанности, но никак не ожирения. А то, что в спортзалах он не пропадает, как братья Бурыбины, так ему пудовые бицепсы и не нужны. Да и легкие у него слабые — быстро задыхается.

— Классную ты себе секретутку нашел, — зловеще продолжил Семен.

— Ага, классную! — повторил Ждан.

— Э-э... Ну, это было нетрудно... — нервно поправив галстук, отозвался Лихопасов. — Старобоярск большой, красивых девушек много...

— А сам девочкой не хочешь стать?

— Девочкой не хочешь? — эхом отозвался младший брат.

— Э-э, а что такое? — от плохого предчувствия похолодел Эдуард.

— Да то, что размял ты вчера эту тутку, — в упор глядя на него, жестко сказал Семен.

— Да, утку, — неправильно повторил Ждан.

— Э-э... Кто вам такое сказал? — не на шутку раз волновался Лихопасов.

Семен молча и неторопливо поднялся со своего места, крутнул шеей до хруста в позвонках, нагнетая на Эдуарда панический страх, подошел к нему, встал сзади, неспешно и даже мягко взял его руками за

уши. И вдруг со всей силой дернул вверх. Ощущение было таким, будто голову оторвали от плеч, вытаскивая из разорванного позвонка толстую нить слухового нерва. От боли у Лихопасова из глаз хлынули слезы.

— Тебе не все равно, кто сказал? — взревел Семен.

— А-а!.. Все равно!

Парень отпустил Эдуарда, и тот, схватившись за надорванные, казалось, уши, плюхнулся в директорское кресло.

— Ну, тогда зачем спрашиваешь? — почти ласково спросил Семен.

Он по-прежнему стоял у Лихопасова за спиной, но при этом, склонившись над столом, умудрялся смотреть ему в глаза.

— Просто!

— Ты смотри, брат... — обращаясь к Ждану, сказал Семен.

— Смотрю! — перебил его тот.

— Смотри, смотри... — иронично сощурился Семен. — Смотри, как у этого козла все просто. Наша сестра страдает, а он капусту, гад, с чужого огорода жрет.

Лихопасов хлюпнул носом, проклиная себя за неосторожность.

Казино с потрохами принадлежало семье Бурыбинах. Отец, четыре брата и старшая сестра, то есть Юля. И Эдуард понимал, что за ним, за его поведением следят. А братья еще до свадьбы предупредили его, что сестру обижать — смертный грех. А супружеская измена, понятное дело, большая обида... Да и сама Юля вчера почувствовала, что муж изменил ей. Может, сама и пожаловалась. Хотя вряд ли. Она, если честно, не очень-то жалует своих братьев. То есть их

самых любит, но ненавидит дело, которым они занимаются. Но у них-то братская любовь к ней безусловная. И ради нее они способны на многое. Ждан, Семен, Лев, Стас... А об их отце лучше не думать, настолько страшный он человек. Мощный, хитрый, жестокий и еще жадный...

Эдуарду вспомнился большой семейный ужин, один из немногих, которые согласилась посетить Юля. Савелий Федорович, эта глыба из кожи и плоти, сидел во главе стола, нависая над тарелкой жирного борща. Правил этикета для него не существовало. Рубаха его была расстегнута чуть ли не до пупа, массивный золотой крест на толстой цепи глубоко зарылся в густые куши седых волос. В большом каминном зале было почему-то сумрачно, пепельно-розоватый свет заходящего солнца через высокое окно падал на его широкое, рельефное лицо, отчего оно приняло неестественную для живого человека ультрамариновую окраску. В какой-то момент Эдуарду показалось, что за столом сидит покойник. Но страшно ему стало не от этого, а от мысли, что, если страшный тесть вдруг умрет, он все равно не оставит свою семью без своего отцовского пригляда. Живой он или мертвый, он все равно будет присутствовать в своем доме, жадно есть борщ, хлюпать, шумно жевать размокающий во рту хлеб, жирно чавкать, сипеть и радостно фырчать, облизывая ложку. Он всегда будет здесь непрекаемым авторитетом, могучим, властным, непобедимым. И его дети, такие же сильные и жестокие люди, как и он сам, всегда будут склонять перед ним голову. А Эдуарду так и вовсе следовало стоять перед ним на коленях...

Нет, он никогда не склонялся перед своим тестем так низко, но только потому, что этого никто от него

не требовал. Но скажи Савелий Федорович пасть перед ним ниц, и он тут же упрется лбом в землю, потому что смертельно его боится...

— Я... Я больше не буду! — затравленно мотнул головой Лихопасов.

— Чтобы завтра этой сучки здесь не было! — кивком головы Семен показал на дверь.

— Да, сучки чтобы не было, — продублировал его распоряжение Ждан.

— Э-э, не будет...

— Ну вот, хороший мальчик, — весело, но с пренебрежением улыбнулся Семен. — И смотри, больше сестру не обижай. Она у нас хорошая. И одна... И вообще, у нас в семье не принято от жен гулять. Папа этого не любит...

Только записной листец мог назвать Савелия Федоровича образцом добродетели. Но жене своей он никогда не изменял. Во всяком случае, так гласило семейное предание. Жена родила ему пятерых детей, но, видно, это истощило ее организм, и вот девять лет уже прошло, как ее нет.

Савелий Федорович мог привести в дом новую жену, но делать этого не стал. Может, так любил Екатерину, что и думать не мог ни о какой замене. А может, боялся вызвать тайное недовольство взрослых сыновей, которым вряд ли понравилась бы мачеха, будь она хоть «Мисс из Мисс». Он очень дорожил своим авторитетом в семье и не хотел терять его из-за слабости к женскому полу. А может, слабость у него-то как раз и была, с женщинами. Может, он вообще ничего с ними не мог. Потому и жил бобылем...

Но какими бы проблемами и комплексами ни страдал Савелий Федорович, сыновья старались брать с него пример. У всех четверых были жены, и они от

них не гуляли, во всяком случае, не афишировали свои связи на стороне. И дело даже не в том, что их отец не жаловал супружеские измены, а в том, что его невестки также были членами одной большой и хорошо организованной семьи. В равной степени, как и зять, Эдуард Михайлович Лихопасов. Как он управлял казино, так жены сыновей — рынками, ресторанами, магазинами, принадлежащими семье. Простое, но очень ответственное разделение труда. Настолько ответственное, что при определенном стечении обстоятельств вполне можно было угодить за решетку.

Неприятных обстоятельств, создаваемых этой семьей, хватало. И судя по всему, сейчас прибавится еще одно.

— Смотри сюда, — понизив голос, Семен вынул из кармана фотографический снимок, положил его на рабочий стол и щелчком переправил Эдуарду.

— Что это? — нервно дернулся щекой Лихопасов.

С фотографии на него смотрел широколобый мужчина с хлипкими волосами и блеклыми глазами. В его внешности ощущался недостаток жизненных сил, но при этом держался он высокомерно.

— Не что, а кто, — хмыкнул Семен.

— Кто, — кивнул Ждан.

— Хотя если разобраться, то ничто...

— Его что, убить надо?

Трясущимися руками Семен полез в ящик стола, достал оттуда пачку «Мальборо», дрожащими пальцами вытащил сигарету... Не до сигар, когда такое дело.

— Убить?! — расхохотался Семен. — Ты?.. Ты можешь убить?

Смех оборвался, и он строго глянул на младшего брата.

— Побудь в приемной. За секретуркой посмотри, раз такое дело.

Ждан кивнул, поднялся, умудрившись при этом перевернуть кресло, вышел в приемную.

— Да нет, она не сможет нас подслушать, — мотнул головой Эдуард. — Интерком у нее только на прием работает. Даже телефон прослушать не сможет... Я же инженер по образованию, знаю, как и что делать...

— А что, много тайн через тебя проходит, что секретурке слушать тебя нельзя?

— Э-э... Ну, наша семья — одна большая тайна...

— Правильно соображаешь, — кивнул Семен. — И то, что интерком у тебя в одну сторону работает, тоже хорошо... — И, поморщившись, махнул рукой перед носом. — Не кури, не люблю. В здоровом теле — здоровый дух. А какой у тебя дух в прокуренных легких?

— Э-э, да я так, не всерьез, больше балуюсь, чем по-настоящему...

— А чего ты все время оправдываешься, Эдик? Все время чего-то боишься... Меня, что ли? Так я не кусаюсь...

— Ну... Покусываешь, — натянуто улыбнулся Лихопасов.

— Вот, хоть какое-то откровение, а то все елозишь, как языком по рашилию... Так что ты там про свое инженерное образование говорил?

— Ну, я же политех закончил, как-никак...

— Да это я знаю... А на Юльке чего женился?

— Так это... любовь.

— К чему? К большим деньгам?

— Ну, скажешь...

— Да я что думаю, Эдик, то и говорю...

Лихопасову недавно исполнилось тридцать семь лет, Семену — двадцать шесть. Но разница в возрасте, казалось, имела минусовое значение: младший по годам относился к старшему так, будто тот был для него неоперившимся юнцом, которого еще учить и учить.

— Думаешь, я не знаю, что ты на Юльке из корысти женился? Знаю. Не любишь ты ее... Все ждал, когда хвостом крутить начнешь. Думал, ты со стриптизерш начнешь, а ты секретаршу завел... Зачем тебе секретарша, Эдик?

— Э-э, завтра ее уже не будет.

— Слыши, Эдик, ты мужик или не мужик, чего ты все огородами ходишь? Ты можешь подойти ко мне по прямой дороге? Слыши, брат, скажи: жена у меня хорошая, но пресная, а хочется остренького, посолоней, поэтому возьму-ка я и трахну секретаршу. Возьму! И трахну!.. Может, я тебе морду за это набью. Может, очень сильно набью. Но хоть уважать стану... Ты слышал, я Ждана братом называю. Потому что мне он брат родной. И Лева брат, и Стас. Это по крови. А ты по сестре как бы брат. Как бы, но не брат... Доверять мы тебе доверяем, но уважения особого нет. Ничего, что я так, начистоту?

— Да нет, ничего, — подобравшись, расправив плечи, хоть и дрогнувшим, но все же твердым голосом ответил Эдуард.

Пять месяцев он ухаживал за Юлей, три года живет с ней в браке, но так и не смог стать полноправным членом ее семьи. Получил в управление казино — верней, помещение под него и деньги на раскрутку. За два года сделал из этого проекта конфетку, завернул ее в золотую обертку. Савелий Федорович его хвалил, но близко к себе не подпускал. К женам

сыновей он относился, как к своим дочерям, а Эдуард родным для него так и не стал. И братья посматривали на него свысока, снисходительно похлопывая по плечу. Отчасти в таком отношении была виновата жена Юля. Она старательно дистанцировалась от своей семьи, хотя и позволяла мужу заниматься порученным ему делом. Но Эдуард понимал, что и сам виноват в том, что семья пренебрегает им. Братья росли на улице и жили по ее законам, и уважали они только сильных людей. А к рохлям относились в лучшем случае снисходительно.

Но ведь Эдуард никогда не был слабаком. И в школе приходилось драться, и спортом он занимался, и в армии служил. В институте даже карате увлекся, целых три года в секции продержался... А потом жизнь закружила, затянула в болото серой рутины. Первые три года после вуза он работал на машиностроительном заводе по специальности, потом женился, денег стало катастрофически не хватать. Пробовал заниматься коммерцией, но имел неосторожность взять кредит у человека, вхожего в криминальные круги, рассчитаться вовремя не смог и остался без квартиры, доставшейся ему в наследство от родной тетки. И без жены, которая по своей воле ушла к этому человеку... К этому времени Эдуард освоил компьютер и смог устроиться в частную компанию программистом. Там и проработал ни шатко ни валко несколько лет, пока не встретил Юлю. Для него это был ни к чему не обязывающий роман, и он бы наверняка бросил девушку, если бы не узнал, чья она дочь. Он хорошо знал, кто такой Бурбон. И понял, что Юля — его шанс на лучшую жизнь. Да и обижать ее было чревато. Тот же Семен мог сделать так, чтобы он навсегда потерял интерес к женщинам.

Он и сейчас мог вспомнить молодость. Всерьез заняться спортом, освежить мышечную память приемами карате. У братьев свой спортклуб с бассейном, и они, надо сказать, не раз его туда приглашали, а он, дурак, отказывался... А ведь надо принять приглашение. Подумаешь, намнут ему разок-другой бока, зато хоть за своего держать начнут. А если он вдруг нос кому-нибудь из них в спарринге разобьет, так еще и уважение появится.

— Казино ты поднял, молоток, не вопрос, — не-брежно похвалил его Семен. — А вот появился серьезный вопрос, кто его решать должен? Мы-то решим, но ты на вторых ролях так и останешься...

Помещение под казино находилось в районе, близком к центру города, но все же это была не Первомайская аллея, как называлась главная и самая красивая улица Старобоярска. Семья Бурыбинах держала там и казино, и ресторан. И никто не думал, что казино «Седьмая орбита» на улице Космонавтов со временем станет приносить доход, вполне сопоставимый с прибылью подобного заведения на Первомайской линии. А это произошло. Тогда и появилась идея расширить казино за счет двух магазинов, с которыми оно делило первый этаж высотного дома.

Эдуард попробовал договориться с владельцами этих магазинов, предложил им неплохую цену, но те заявили, что бизнес у них идет отлично, и съезжать категорически отказались. Тогда за дело и взялся Семен. Вопрос пока не решен, но локомотив уже в пути...

— Ну, вы-то решите одно, а площади буду осваивать я. И зал игровой расширим, и ночной клуб откроем...

— А может, сам решишь?

— В смысле? — поежившись под пристальным взглядом Семена, робко спросил Эдуард.

— В прямом... Ты вот человека собираешься убить.

— Я?! Собираюсь?!

— Ну, ты же сказал, что убить надо. — Семен кивком показал фотографию, лежащую на столе.

— Да нет, я только спросил...

— Если спросил, значит, ждал, что тебе такое дело предложат. Ждал и готовился...

— Нет, не готовился...

— А если подготовишься? Ты же не совсем еще чмо, Эдик. Из тебя еще можно человека сделать... Или ты не хочешь быть мне братом?

— Э-э... Ну, хочу...

— Стрелять ты умеешь... Или нет?

— Ну, немного... Из автомата...

— У нас тир в лесу, выедем, поработаем немного. Тут главное — желание... Пойми, пока ты не замажешься, нашим никогда не станешь...

Об этом Лихопасов догадывался и сам, но предполагал гнать от себя такие мысли. Убить человека — страшно. Но для братьев Бурыбинах это не проблема. Поэтому их Семья пишется с большой буквы. Поэтому что их Семье принадлежит город. И горе тому, кто с этим не согласен.

— Э-э, я не знаю... — бледнея, мотнул головой Эдуард.

— Пойми, ты уже созрел для того, чтобы стать нашим, — продолжал убеждать его Семен. — Осталось только сделать важный шаг... Вот я знаю, что ты обидел нашу сестру. Завтра я скажу об этом Леве, послезавтра — Стасу. Ну, а если отец узнает...

Испуганно вжав голову в плечи, рукавом пиджака

Лихопасов смахнул испарину со лба. Да, конец всему, если узнает Бурбон...

— Не, я все понимаю, Юлька у нас не красавица, а мужик на то и мужик, чтобы на сторону смотреть. Вот и смотри себе потихоньку, так, чтобы никто не знал... Верней, знать мы будем, просто никто ничего не скажет. Если потихоньку, чтобы Юлька ничего не знала... Ты меня понимаешь?

— Э-э, не совсем.

— Секретарша тебе сейчас не нужна.

— Да это я понял.

— Ничего ты не понял, Эдик. Не нужна она тебе сейчас. Потому что казино у тебя не очень большое. Сечешь? А когда расширишься, тогда и штат можно будет поднять. Тогда и секретарша тебе будет положена. А если положена, то пусть себе лежит, раздвинув ноги... Но сначала сделай дело, а потом уже гулять... Теперь понял?

На этот раз Лихопасов согласно кивнул. Он уберет человека, неугодного Семье, и тогда Семен станет относиться к нему как к своему брату. И тогда он закроет глаза на его маленькие мужские шалости.

— И долю в бизнесе увеличим. Мы же свои люди, сочтемся, — дожимал его Семен.

— Э-э... ну да... если свои, то сочтемся... — закивал Эдуард.

Казино приносило хорошую прибыль, но львиная ее доля уходила в Семью, Эдуарду же доставались крохи. А ведь он вполне мог поднять свой оклад на десять тысяч долларов в месяц... нет, лучше на двадцать... А еще лучше на тридцать...

— Эй, ты чего, деньги, что ли, считаешь? — прощел его мысли Семен.

— Ну-у...

— Гну!.. Нормально все будет. И тачку богатую возьмешь, и на цацки для секретутки хватит. Она у тебя баба красивая, такой смазка хорошая нужна... Главное, Юльку не забывать.

— Да ей ничего и не нужно, — сорвалось у Эдуарда.

— Ну да, она у нас такая, — сморщился Бурыбин. — Нос она воротить может... Но по-любому она из нашей семьи. И что бы там она о себе ни думала, нас она никогда не предаст... И ты тоже. Или нет?

— Или да! — встрепенулся Эдуард. — Я все понимаю!

Он прекрасно осознавал, какими возможностями обладает Семья. И ему не жить, если он вдруг пойдет против нее. И нет на земле места, где он мог бы спрятаться от братьев...

Семен предлагал скрепить союз с Семьей жертвенной кровью. Что будет, если он откажется?.. Что, если ему за это вынесут приговор?

— Ну, тогда в чем проблема?

— Э-э, ни в чем... Я попробую! — сдался Лихопасов.

— Да ты не бойся, дело плевое. Да и мы тебе поможем... — добившись своего, приободрил его парень.

— А со мной... Со мной потом ничего... Ну, все нормально будет?

Эдуард внутренне напрягся, вспомнив, что иногда случается с киллерами после того, как они становятся уже ненужными. Если судить по книгам и фильмам, то зачастую их, как опасных свидетелей, убивают свои же. Да и в жизни наверняка так же все происходит. Хотя бы потому, что в этом есть логика.

— За это даже не переживай, — с вызовом усмехнулся Семен. — Ты же из нашей семьи, а значит, мы

все за тебя горой. Но и ты, сам понимаешь, должен ценить нас дороже своей жизни. Ты меня понимаешь?

— Э-э, да, конечно.

— Только Юле ничего не говори. Ты же знаешь, как она ко всему этому относится.

Жена была единственным человеком, кто мог помочь Лесопасову выкрутиться из этой ситуации. Она не боялась ни отца, ни братьев и, узнай, на что Семен подбил мужа, непременно устроила бы ему сцену. И это при том, что женщина она совсем не скандальная и уж точно не истеричная. Таких спокойных и выдержаных людей, как она, еще поискать...

Но Эдуард решил не обращаться к жене за помощью. Он не хотел, чтобы братья его презирали. И еще он боялся остаться без своего казино... Нет, он все сделает, как ему скажут. Он свяжет себя с Семьей кровавыми узами, и тогда у него будет все — деньги, женщины. И главное, уважение...

— Кого нужно убрать? — собравшись с духом, спросил он. И взглядом показал на фотографию. — Этого?

— Эдик, не тормози, — хмыкнул Семен. — Со своими делами мы уж как-нибудь справимся. А тебе с магазинами проблему решить нужно. Вот ты ее и решишь... А этого, с фотографии, ты обслужишь сегодня. Это из мэрии человек, их там сейчас прокуратура так шерстит, что на лапу братья боятся. Но мы с ним договорились, он сегодня вечером к тебе придет. Делай, что хочешь, но выиграть он должен ровно сто тысяч. Ты меня понимаешь?

Эдуард все понял, но сказать об этом вслух не успел. В приемной что-то глохо громыхнуло, и он испу-

ганно вжал голову в плечи, решив, что это милицийский спецназ.

В действительности все оказалось куда прозаичней — это Ждан, общаясь с Кариной, умудрился столкнуть со стола монитор компьютера. Но все же Лихопасов воспринял это как дурной знак...

глава 3

Ветер не человек, и к уголовной ответственности его не привлечешь. А стоило бы. Мало того, что расстремал девушке волосы, разметав их по лицу, он еще залез к ней под платье, высоко поднял подол. Одной рукой она инстинктивно попыталась оправить волосы, а другой призвать к смирению платье. При этом папка с протоколом выпала у нее из рук, и листки, словно бумажные змеи, устремились ввысь. Иначе как хулиганством этот поступок не назовешь. Но как арестовать ветер?..

Один листок упал на лицо мужчины, безжизненно лежащего на земле. Разыгравшийся ветер попытался поднять его в воздух, но листок прилип к окровавленному носу и удержался.

Павел нагнулся, поднял этот листок, пошел за другим. Сержант и прапорщик из оцепления также принялись собирать рассыпавшийся протокол осмотра. Девушка зря надела штатское платье, будь она в форменной юбке, ветер не смог бы справиться с ней. Но никто ее за это не осуждал. Все-таки сегодня выходной день, и, возможно, прокурорскому следователю некогда было переодеться.

Павел Никифоров тоже находился дома, пил в одиночестве пиво перед телевизором, когда ему по-

звонил начальник и велел ехать на место происшествия.

Он прибыл позже всех. Следователь уже успела составить протокол осмотра, криминалист закрыл свой чемоданчик, судмедэксперт готовился накрывать покойника простыней. Оперативники из местного РОВД уже допросили сторожа гаражного кооператива и сейчас опрашивали жильцов близлежащих домов, искали свидетелей убийства.

Павел забрал у прaporщика и сержанта с трудом добытые ими страницы протокола, подал девушке. Он знал ее. Капитан юстиции Цветкова, молодая, симпатичная, с необычными рыжими волосами, отчего она только выигрывала в глазах мужчин. Но мужняя жена и строгих правил. Прошлой осенью они вместе работали над одним делом, и Павел пытался закрутить с ней роман. Но из этого ничего не вышло: Ульяна вежливо, но бесповоротно поставила крест на его надеждах.

— Привет. Как дела? — сухо спросил он, вручив ее пропажу.

— Ничего. Вот, из-за праздничного стола выдернули, — с сожалением сообщила она.

И выразительно посмотрела на Павла. Нет, она, конечно, девушка порядочная, но если он вдруг возьмется за старое, то, возможно, у него появится шанс. От нее приятно пахло хорошим парфюмом и свежим коньяком, и этот аромат заглушал запах смерти.

— Я не о том. Кто это с ним так?

Мужчина был убит выстрелом в лицо. Пуля попала в правый глаз и вышла за левым ухом, земля под его головой напиталась кровью.

Если бы он был жив, то, пожалуй, смог бы произвести выгодное впечатление. На вид ему было лет со-

рок, но выглядел бы он для своих лет хорошо — густые черные волосы в модельной прическе, сытое, но не полное лицо, спортивное телосложение, модная рубашка, дорогие джинсы, туфли, на руке часы, возможно, настоящая швейцарская фирма.

— Поставил машину в гараж, возвращался домой. Шел, шел и не дошел.

— И кто остановил?

— Сторож сказал, что машина какая-то была, то ли «десятка», то ли «девятка». Он в сторожке был, услышал выстрел, выглянул в окно, смотрит, этот лежит, а преступник барсетку с земли поднимает. Поднял, сел в машину и уехал. На пассажирское место, говорит, сел, значит, за рулем еще кто-то был...

— В лицо этого стрелка сторож видел?

— Говорит, что тот в очках был. С бородой... Борода, сказал, темная была, а волосы белые и пышные... Борода, говорит, как у мужчины, а волосы, как у женщины... Прямо трансвестит какой-то, — с кокетством во взгляде улыбнулась Цветкова.

Она была слегка тепленькая после праздничного стола, и труп ей уже порядком надоел. Ей хотелось вернуться к веселью, к беззаботному времяпрепровождению. И в таком настроении она совсем не прочь была немного пофлиртовать с мужчиной. А еще она знала, что нравилась Павлу...

Но нравилась она ему в прошлом. Сейчас же он воспринимал ее не более чем интересного коллегу. И не было никакого желания играть с ней в страшные мужские игры.

— Не трансвестит, — покачал он головой. — Просто маскировка.

— Понятно, что маскировка, — заскучала следователь.

Похоже, она поняла, что Никифоров не желал к ней на огонек.

— То ли бородач в женском парике, то ли блондинка с фальшивой бородой, — вслух подумал он. — Но скорее всего мужик в парике с накладной бородой...

— Попробуй такого опознай.

— Значит, барсетку забрал. Ограбление?

— Похоже на то... Ой, кажется, гроза надвигается!

Движением руки Цветкова показала в сторону, куда Павел и развернулся, а сама спряталась за его широкой спиной. К ним приближалась моложавая, стройная и подтянутая женщина лет сорока. Неподвижные глаза широко распахнуты, рот приткрыт, руки беспомощно опущены и чуть разведены в стороны. И шла она, как зомби — тяжело, на негнущихся ногах. Она потрясенно смотрела на погибшего мужчину, медленно и неотвратимо приближалась к нему. Вне всякого сомнения, женщина знала убитого более чем хорошо. Цветкова поняла, что сейчас произойдет, поэтому и спряталась за Павла.

Женщина подошла к покойнику, сдавленно застонала и, обхватив руками голову, опустилась перед ним на колени.

— Олег!.. Олеженька!..

Но вдруг, будто очнувшись, она легонько шлепнула его пальцами по щеке.

— Давай, вставай!.. Ну, чего ты лежишь?.. Нас же дети ждут!

— Он не встанет, — тяжко вздохнув, сказал Павел.

Женщина встрепенулась, будто ее окатили студеной водой, резко подняла голову и свирепо посмотрела на него.

— А вы кто такой?

— Уголовный розыск, майор милиции Никифоров.

— Милиции?! — поднимаясь, с безумной свирепостью протянула она. — И что вы здесь делаете?

— Вот, человека убили.

— Убили?! Да, убили... Я вижу, что убили... Это мой муж... Моего мужа убили... Почему его убили? Почему вы позволили его убить?! Почему? Почему?

Это была самая настоящая истерика. И Павел не удивился, когда женщина набросилась на него с кулаками. Но он не стал отбиваться, позволил ударить себя в грудь.

Каждый следующий удар был значительно слабее первого, и в конце концов приступ сошел на нет. Женщина уткнулась лбом в его грудь и разрыдалась. Он мягко взял ее за плечи, но отталкивать от себя не стал. Пусть выплачется, легче станет.

Но плакала она недолго. Цветкова спросила у нее, как далеко находится ее дом, и женщина нехотя, со слезами на глазах, но все же втянулась в разговор.

Жила она недалеко, в многоэтажном доме, за частными домами, которыми был окружен гаражный кооператив. Сегодня с утра они с мужем ездили по мебельным салонам в поисках дивана, затем он отвез жену домой, а сам отправился в гараж ставить машину. Не дождавшись, женщина пошла ему навстречу, а увидев милицию и лежащий на земле труп, поняла, что случилось страшное. И не ошиблась...

— Скажите, а диван вы купили? — спросила следователь.

— Нет, мы только присматривали.

— А какой диван вы присматривали, дорогой или не очень?

— Мы хотели кожаный купить, большой, с уголком и креслом...

— Значит, дорогой. Скажите, а ничего подозрительного вы не замечали? Может, кто-то ходил за вами, прислушивался, о чем вы говорите с продавцами. Может, вы выражали готовность купить диван прямо сейчас?..

— Нет, никто за нами не ходил. И с продавцами мы не разговаривали. Просто ходили, смотрели...

К ним подошел оперативник из районного уголовного розыска, молодой шустрой капитан с цепкими глазами. Судя по выражению его лица, он добыл информацию, которой спешил поделиться со следователем. И, похоже, не только из служебного рвения. Он явно хотел пообщаться с Цветковой еще и как с интересной женщиной. Павел знал его и протянул ему руку для приветствия.

— Что-то интересное нашел? — спросил Никифоров.

— А вы что, это дело забираете? — с надеждой спросил капитан.

— Это уж как начальство решит...

— Тут на заказное похоже. Может, РУБОП работать будет.

Парню все равно было, на кого свалить это дело, лишь бы самому им не заниматься. Павел его понимал, сам когда-то на «земле» работал. Штат маленький, дел невпроворот, и очень ограниченные возможности всерьез работать по сложным убийствам, где виновный не установлен.

— Почему заказное? Вроде бы без глушителя стреляли. И барсетку взяли.

— Я тут женщину одну разговорил, ее окна как раз на ворота выходят. Она видела, как от убитого

машина отъезжала. «Десятка» темно-серого цвета. На звук выстрела выглянула, смотрит, машина уже отъезжает. Так вот, эта машина здесь с утра стояла, вон, у того дерева, — капитан показал на раскидистый дуб, росший у закрытых ворот непонятно какого предприятия — может, цех какой-нибудь, может, просто склад.

— Значит, ждали, — решил Павел.

— В том-то и дело...

— Может, преступники давно его заприметили. Мужик солидный, видно, что при деньгах. Да и барсетка у него такая пухлая, что в глаза бросается, вот и потекли у них слюнки...

— Нет, барсеточники так не работают. В человека, из пистолета, среди бела дня... Да еще и в лицо...

— А каждый по-разному работает, всех под одну гребенку не причешешь.

— Ну, может быть... Только я что-то не пойму вас, товарищ майор. Вам что, этот глухарь нужен? Вы же просто по убийствам работаете, а заказуху пусть рубоповцы тянут.

— А почему глухарь?

— Да ясно же, и в магазин за глобусом ходить не надо. Машина с затемненными окнами, номера грязью забрызганы, парик, борода, очки. Следы от колес стандартные — это уже минус по горлу. Гильзу нашли, вроде как от «ТТ». Что это нам дает? А ничего... Ну, может, экспертиза что-нибудь покажет, тогда одного глухаря к другому пришьем, и все дела...

— А номера грязью забрызганы?

— Да. Я с одним тут разговаривал, «девятка» мимо него проезжала. Номеров не видно, стекла темные.

— Может, были приметы какие-то?

— Да какие там приметы? Ну, левое заднее крыло

помято, фары нет... Я уже звонил, на посты передали, может, и выгорит что, хотя вряд ли...

— Брось тоску наводить! Что сторож говорит? Может, и у преступника приметы какие заметил, ну кроме бороды и парика?

— Да вы сами к нему сходите, он в сторожке сидит. Скучно ему, поболтать не с кем...

Заметив, что Цветкова освободилась, капитан подошел к ней, а Павел отправился к сторожу.

В спертом воздухе тесного помещения пахло грязными носками, горелой пластмассой и табачным дымом. На кушетке, застеленной выцветшим верблюжьим одеялом, лежал с закрытыми глазами худощавый мужчина лет пятидесяти. Легкий батник, в котором нравится щеголять озабоченным юнцам, чересчур короткие шорты, некогда белые носки, стоптанные кроссовки.

— Физкульт-привет!

Мужчина вскочил как по команде, но в струнку перед Павлом не вытянулся.

— Майор милиции Никифоров.

— Так были уже, — мужчина сонно зевнул и, сунув руку под батник, почесал живот.

— Убийца куда делся?

— Ну, куда... В машину сел и уехал.

— Как он выглядел?

— Ну, роста примерно вашего. В плечах чуть пошире, но там больше жири, чем силы. Лицо крупное... Широкое такое, видно, что пожрать любит. Очки видел, бороду, волосы, как у бабы...

— Парик, — подсказал Павел.

— Парик? Ну да, он еще, когда в машину садился, руку к волосам прижал... Парик у него. Ну да, он по-

тому и схватился за него, потому что боялся потерять, спадал, видно...

— Так, подождите. В одной руке у него пистолет был, в другой, я так понимаю, барсетка, а чем он тогда парик поправлял?

— Так той рукой, в которой пистолет держал... Он его еще уронил, правда, сразу же поднял... Какой-то он суетливый был, не в себе как будто. Ну да, человека убил, как уж тут в себе остаться? Да, дела... Этот, который в машине был, тоже нервничал, рукой из салона ему махал, давай быстрей, говорит...

— Вы слышали, что он говорил?

— Ну, нет, конечно. Он руками показывал, давай, давай. А потом еще и за плечо его схватил, в салон втащил... Еще и дверь не сразу закрылась. Машина тронулась, и дверь сама по себе закрылась.

— На замок закрылась или как?

— Да нет, просто прикрылась... Потом открылась и закрылась. А потом снова открылась. Я еще смотрю, голова высунулась, вниз посмотрела, как будто что-то вывалилось там... Ну а потом закрылась. Да, точно открылась, и голова высунулась... Тут ваши приходили, спрашивали, но я тогда волновался сильно, а сейчас уже нет, валерьяночки немного выпил, — щелкнув себя пальцами по горлу, подмигнул Павлу сторож. — Успокоился. Вот и вспомнил... Может, правда, вывалилось что, а?

Труп уже укладывали на носилки, когда Павел вернулся к месту происшествия. На асфальте виднелась кровь, но со временем от нее ничего не останется. А следы, оставшиеся от преступников, уже уничтожены. Санитары топтались сейчас по тому самому месту, откуда примерно стрелял убийца. Но там ничего и не было, кроме мелких камешков.

Павел подошел к Цветковой, которая также собиралась уезжать, спросил, что подозрительного она смогла обнаружить на месте преступления. Может, преступник что-то обронил, когда садился в машину. Но, как выяснилось, после себя он оставил только стрелянную гильзу. Ну и пулю, которую выцарапали из дерева и приобщили к протоколу.

Тогда Павел просто пошел по дороге, в направлении, в котором скрылась машина с преступниками. Он внимательно смотрел себе под ноги — рассыпанная по асфальту щебенка, замасленная деревяшка, дырявый и грязный от времени целлофановый пакет в траве у обочины, обломок ветки, кусок кирпича, один старый окурок, другой, камушки, ржавая пружина от раскладушки, пластиковая дужка от очков, крупная хромированная гайка, обрывок газеты, выброшенной не одну неделю назад... Из того хлама, что попался Павлу на пути, он выделил только дужку от очков. Черный глянцевый пластик, еще даже не запыленный. Видно, что совсем недавно выпал из машины. Возможно, из той самой, на которой скрылись преступники. Уж ни ее ли пропажа так обеспокоила убийцу?

Сторож говорил, что преступник садился в машину нервно, суетно, и на нем были черные солнцезащитные очки. Что, если уже в машине он сделал резкое движение, отчего от очков отскочила дужка? Она попала в щель между порожком и прикрытой дверью. А когда преступник эту дверь открыл, чтобы затем захлопнуть, дужка и вывалилась на дорогу. Он догадался, куда она делась, открыл дверь, чтобы найти ее... Но если это так, то его действия наводили на мысль о чрезмерном душевном волнении. Ну, как можно увидеть такую мелкую пропажу из быстро движущейся

машины? А водитель не стал останавливаться, чтобы помочь ему. Не было у него на это времени.

Дорога находилась в стороне от основных магистралей — пользовались ею мало, к тому же дужка, видимо, стукнувшись об асфальт, отскочила на обочину. Не было на ней следов подошв и автомобильных колес, зато, возможно, на полированной поверхности остались жировые отпечатки пальцев.

Павел не стал поднимать дужку с земли, насколько мог низко склонился над ней, присмотрелся. Да, есть что-то похожее на жировое пятно...

— Что там у тебя такое? — спросила подошедшая Цветкова.

— Надеюсь, что улика, — разгибаясь, ответил он. — И с отпечатком пальца... Как минимум одного пальца...

— Дужка от очков? Это интересно, — заинтригованно сказала капитан.

— Сторож говорил, что у преступника лицо широкое, поесть, сказал, любит. А очки, похоже, детские, ну, может, женские, в общем, небольшие. Скорее всего, потому и сломались, что на широкий фасад с трудом налезли.

— Хорошо, если так... Давай-ка, я это дело оформлю.

Ульяна сфотографировала дужку под линеечку, затем уложила ее в специальный пакетик, вписала находку в протокол.

— Если очки маленькие были, значит, преступник готовился к убийству сумбурно.

— А парик, борода?

— Насчет бороды не знаю. А парик он мог у жены одолжить. Ну, может, у любовницы. И очки у нее же взять...

— Да, у жены, — кивнул Павел. — И очки, и папик...

Он вспомнил, как они с Леной выбирали для нее солнцезащитные очки. Солнце, чайки над морем, лоток с очками, краснолицая женщина в соломенной шляпе. Лена мерила очки, спрашивала у него, идут они ей или нет, а он лишь делал вид, что смотрит на нее, сам же любовался роскошной блондинкой в коротких шортах и футболке, через которую просвечивала высокая пышная грудь... Потому он бездумно кивал, отвечая жене, из-за чего она и выбрала невзрачные очки, в которых еще больше стала похожа на серую мышь...

— У Лены узкое лицо, — сказал он, чувствуя, как пережимает горло горький спазм.

Вернуть бы назад эти дни. Он бы глаз не спускал с жены, он бы не выпускал ее из своих объятий, осыпал бы ее поцелуями, вдыхая любимый аромат ее волос и кожи, согретой южным солнцем. Он бы ни на секунду не расставался с ней...

— У какой Лены? — не поняла Ульяна.

— У моей жены... Лицо у нее узкое, и очки она себе маленькие подобрала. Я попробовал надеть, так чуть не сломал...

— У тебя есть жена?

— Была... А что тут такого? — в свою очередь, удивился он.

— Ты же говорил, что не женат...

— Когда я такое говорил?

— Осенью... Ну, ты должен помнить, — смущенно проговорила Ульяна.

Павел невольно прикрыл глаза ладонью, чтобы она не видела, сколько в них презрения. Он ненавидел самого себя, а она могла принять это чувство на

свой счет... Да, в прошлом он вел себя так ужасно, что мог сказать, будто у него нет жены. Сейчас в это невозможно поверить, но в недалеком прошлом он считал себя свободным от семейных уз. Дочка выросла, жена совершенно не волнует, на уме только такие красотки, как Цветкова...

Он вспомнил, как однажды Лена очень удивила его. Он очень хотел спать, а тут вдруг в спальню заходит белоснежная блондинка с ярко накрашенными губами, в сексуальном черном корсете, чулках и бо-соножках на шпильке... Он так тогда взбудоражился, что не сразу понял, кто перед ним. А когда до него дошло, что это жена, все возбуждение сошло на нет. Помнится, он нарочно назвал ее шлюхой, чтобы она обиделась и оставила его в покое... Какой же он был тогда сволочью!

— Эй, что с тобой? — спросила Цветкова и щелкнула пальцами перед его глазами.

— А что со мной? — очнувшись, удивился он.

— Лица на тебе нет... Ты что, убить кого-то хочешь?

Павел озадаченно поскреб щеку. Неужели у него был такой страшный вид, если Ульяна пришла к такому выводу?

— Да, хочу. Самого себя.

— За что?

— За то, что жену не уберег...

— Постой, постой-ка... Так это же твою жену этой весной убили? Да, да, точно...

Павел не хотел продолжать разговор, но если бы у него возникло такое желание, он бы и слова не смог произнести — настолько сильно спазм перехватил горло.

Он счел свою миссию исполненной и, не проща-

ясь, отправился домой. По пути купил бутылку водки и уговорил ее в одиночестве, на кухне, перед фотографией жены.

Утром он опоздал на службу, получил нагоняй от начальства и новое дело. Он должен был обеспечить расследование убийства Олега Сергеевича Блинкова, которое было поручено капитану Цветковой.

глава 4

Из квартиры на самом верхнем этаже элитной высотки открывался прекрасный вид на город. Парковая зона с колесом обозрения, переливающаяся на солнце змейка реки, дома частного сектора, многоэтажные микрорайоны, дымящие вдалеке заводы... В квартире царило траурное уныние, зеркала завешены, пахло ладаном и горечью невосполнимой утраты. А на балконе свежий воздух, и легкий ветерок сдувает зеленую тоску похмелья. Именно поэтому вдова погибшего Блинкова провела Павла сюда.

Он стоял у открытого проема в раме остекления, смотрел на город и скорее почувствовал, чем услышал, как на балкон зашла хозяйка. Она поставила на столик серебряный поднос, сняла с него две фарфоровые чашечки с дымящимся кофе. Сама села в плетеное кресло, Павлу показала на другое.

— Спасибо вам!

Он с жадностью сделал первый глоток, зажмурился от удовольствия, чувствуя, как обжигающее горячая влага растекается по горлу, пряным ароматом будоражит сознание.

— Вам нездоровится? — спросила Маргарита Витальевна.

Если бы не тоска во взгляде, этот подначивающий

вопрос мог бы прозвучать весело. А так это выглядело не более чем сухая констатация фактов.

— Да, жену помянул.

Павел не хотел говорить об этом, но ему нужно было войти в доверие к вдове потерпевшего, а ничто так не сближает людей, как общее горе. К тому же он вдруг ощутил потребность рассказать, какая чудесная у него была жена.

— Помянули? — непонимающе посмотрела на него женщина.

— Да... Я очень ее люблю. Она у меня была самая лучшая... Была... Ее убили, в марте этого года. Она была у меня учительницей... Самой лучшей учительницей. Возвращалась домой из школы... Ее убили, забрали сумочку...

— И что, убийц нашли? — заинтригованно смотрела на него Маргарита Витальевна.

— Нет... Я сделал все, что мог, но увы... Может, с вашим мужем повезет больше?

— Ну, найдете вы его убийц, и что? — горько усмехнулась женщина. — Олега уже не вернешь... Но вы их найдите. Я заклинаю, найдите!

Она порывисто повернулась к Павлу, отчего рукой невольно сбила со стола чашечку, и кофе пролился ей на брюки. Но женщина этого как будто и не заметила. Может, настолько сильна была ее душевная боль, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. А ведь кофе горячий...

— Вы должны их найти!

— Все, что в наших силах... Вы бы сходили, переселились.

— Да, конечно...

Пока Маргарита Витальевна приводила себя в порядок, Никифоров, смакуя, выпил кофе под сигарету.

Но удовольствия не получил. На душе тяжело. Зачем он рассказал про покойную жену? Да, она действительно у него самая лучшая — была, есть и будет. Но, если задуматься, он откровенно спекулировал на своем горе.

Женщина вышла к нему в домашнем халате, и они продолжили разговор:

— Маргарита Витальевна, следствие рассматривает две версии. Основная — убийство в целях ограбления. Но есть предположение, что это было заказное убийство. У вашего мужа были враги?

— Враги?.. Да нет, Олег ни с кем старался не сориться. Правда, был недавно инцидент... Из-за магазина. У нас небольшой универсам на Космонавтов. Там еще казино «Седьмая орбита», может, знаете?

— А почему «орбита»?

— Наверное потому, что на улице Космонавтов, — пожала плечами женщина. — Но вы лучше у хозяина казино спросите.

— А стоит?

— Не знаю... Скажу только, что Олегу угрожали.

— Вот это уже интересно. Кто угрожал вашему мужу?

— Приходили какие-то люди, просили, чтобы он съехал. Он столько сил в свое время потратил, чтобы эту площадь в бессрочную аренду оформить, а тут приходят какие-то и просят подвинуться. Разумеется, Олег отказался. Магазин приносил стабильную и очень хорошую прибыль. Район вроде бы не очень бойкий, но активность покупателей высокая. И в казино люди ходили, там тоже дела шли успешно. Настолько успешно, что казино решило расширяться за счет нас...

— Значит, из казино люди приходили?

— Не знаю. Я вот сейчас вам скажу да, а окажется, что это не так. Дело в том, что эти люди не говорили, чьи интересы они представляют. Просто сказали, что хотят купить магазин. А Олег отказался наотрез. Они сказали, что его жена, то есть я, может очень сильно об этом пожалеть... И это правда, я очень жалею о том, что Олег не отдал этот чертов магазин!.. — Женщина закрыла лицо руками и заплакала.

Павел решил дождаться, когда она успокоится. А когда она прекратила всхлипывать, спросил:

— А что это за люди, как их зовут?

— Не знаю, он не говорил. Сказал только, что пришли двое, деловые, в костюмах, а глаза, говорит, страшные... Еще он сказал, что это мафия.

— Какая мафия?

— Он не уточнял. Просто сказал, что мафия...

— Мафия — понятие растяжимое.

Если читать прессу и слушать одурманенных ею людей, то мафия в России существует везде. В мэрии, в милиции, на заводах и фабриках, не говоря уже об улицах, где много-много диких обезьяноподобных людей, живущих по законам джунглей. А однажды Павел слышал, как мафией назвали обычную шиномонтажную будку, где работали три обычных русских парня. И всему виной было то, что пункт этот не испытывал недостатка в заказчиках, поэтому цены там были выше среднего. И сразу мафия... Ну, а милиция — это само собой, там только тем и занимаются, что вымогают у граждан деньги. Вот и сейчас Павел пришел к Маргарите Витальевне, чтобы задарма попить с ней кофе. Какая-никакая, а цена за участие в делах ее покойного мужа. Вот он сейчас попросит ее подать вторую чашечку, и она не посмеет отказать.

Ведь российский народ, доведенный до отчаяния все-поглощающей коррупцией, не смеет отказать милиции. А если вдруг Маргарита Витальевна не захочет еще раз угостить его кофе, то придется подбросить ей в карман пакетик с героином, чтобы затем ею занялись борцы с наркотиками. А как же иначе, когда мафия сплошь и рядом?

— Ну, он так сказал, что из мафии, а что там конкретно, он не уточнял.

— А может, кто-то из магазина об этом знает?

— Может быть, — кивнула женщина. — Вы спросите у главного администратора, он, наверное, в курсе... Если вы прямо сейчас хотите встретиться с ним, то я ему позвоню.

Маргарита Витальевна выжидательно смотрела на Павла. В ее взгляде был заключен намек, что пора прощаться.

— Вижу, что утомил вас. Поэтому, понимая ваше состояние, ухожу. Но думаю, мы еще с вами встретимся.

Женщина заверила, что готова отвечать на его вопросы в любое время дня и даже вечером, после чего проводила до двери.

Высотный дом на улице Космонавтов тянулся вдоль широкого четырехполосного шоссе. Универсам «Марго», магазин «Автозапчасти», святящиеся гирляндами зашторенные окна казино. Чтобы пройти к магазинам, нужно было припарковать машину прямо к обочине, затем по мощенным плиткой дорожкам через зеленый газон выйти на широкий тротуар, тянувшийся вдоль всего здания. Но вся левая сторона дороги была заставлена автомобилями, и только возле казино имелись свободные места. Это был самый настоящий парковочный карман автомобилей на два-

дцать. Сейчас там стояло машин пять. И когда Павел поставил между ними свою «девятку», с крыльца казино к нему немедленно направился парень в черных брюках и белой рубашке. Он был среднего роста, худощавый, но, видимо, чувствовал за спиной более значимую силу, чем представлял собой сам, поэтому двигался вальяжно, несуетливо, расправив плечи так, будто в них косая сажень. На лице лениво-небрежная улыбка.

— Вы в казино? — с надменной какой-то вежливостью спросил он.

Павел глянул на электронное табло, висевшее над входом в заведение. Половина второго пополудни.

— А оно что, уже работает?

— Да, у нас отличный зал автоматов.

— Нет, мне в универсам надо, — признался Никифоров.

И паренек мгновенно изменился в лице.

— Тогда переставьте машину, здесь стоянка только для клиентов казино.

— Какие, говоришь, у вас автоматы? — достав служебное удостоверение, спросил Павел. — «АКМ» или «ППШ»? Может, еще и пистолеты есть?

— Э-э, нет у нас ничего такого, — смущаясь парень.

— Так мы можем проверить.

— Не надо, — махнул он рукой, удаляясь.

Вопрос с парковкой был решен, и Никифоров отправился в универсам за бесплатной, но, возможно, ценной информацией. Он проходил мимо автомагазина, когда столкнулся со своим гражданским зятем. Столкнулся в буквальном смысле, поскольку тот спешил ему наперерез, не разбирая дороги.

Слава обладал внушительной комплексией, а по-

сле того, как его некогда спортивная фигура подернулась жирком, стал весить больше центнера. К тому же он спешил, и скорость, с которой он двигался, заметно увеличивала его инертную массу. Словом, врезавшись на полном ходу в Павла, он должен был сбить его с ног, но вместо этого сам отскочил, как мячик. Не так просто было сдвинуть с места капитана Никифорова.

— Щекин, у тебя с головой все в порядке? — глядя на растерянного парня, спросил он.

От удара у него заныло плечо, но это его не очень-то смущало. Слава в отличие от него пострадал больше: не очень приятно на скорости налететь солнечным сплетением на подставленный локоть.

— Паша... Э-э, Павел Михайлович, — изумленно хлопал глазами парень. — Ну, ты, в натуре, и глыба!

— А это потому, что мужским делом занимаюсь...

— Ага, знаю, как вы там делом занимаетесь! — пренебрежительно скривился парень. — Людей среди дня мочат! Беспредел!

Он невольно кивнул в сторону казино, отчего его бульдожьи щеки колыхнулись, как холдец.

— Это каких таких людей мочат? — подозрительно сощурился Никифоров.

— Да был тут один. — Павел снова повел головой, но в другую сторону.

— Олег Блинков?

— А ты что, его знаешь?

— Ты что, не знаешь, где я работаю?

— Что, по этому делу?

— Ни о чем со мной поговорить не хочешь? — Павел пристально, с нажимом смотрел на Славу.

— А о чем надо?

— Я смотрю, тебя казино смущает.

— Да нет, не смущает.

Глазки у Славы пугливо забегали, и это подсказывало Никифорову, что направление удара он выбрал верно.

— Вынужден с тобой не согласиться, зятек... Маша говорила, что проблемы у тебя. Вроде бы ты собирался во всем разобраться. А мне кажется, что это у тебя не получается.

— Ну, когда кажется, сам знаешь, что делать надо.

— Я знаю, что делать. Только не знаю, успеешь ли ты перекреститься. Вот ты сейчас куда-то идешь. И Блинков домой шел, когда с ним это случилось. Подъехала машина, и ага...

— А тебе что, известно что-то? — не на шутку встревожился Слава.

— Известно. А с тобой поговорю, так еще больше узнаю.

— Ну, ладно, пошли.

В салоне автомагазина пахло новой резиной, и настолько сильно, что другие запахи просто не замечались. Просторное, хорошо освещенное помещение, заставленное стеллажами с товаром, касса, три рабочих места продавца. Слава провел Павла в подсобку, где в одном из помещений у него было нечто вроде кабинета, совмещенного со складом. Коробки, канистры с маслом, лобовые стекла, глушители, колесные диски.

— Это не самый главный мой офис, хотя и не последний, — усаживаясь в директорское кресло, сказал Слава. Павлу показал на единственный свободный стул. — Хотя и не последний. Торговля хорошо идет...

— И в «Марго» дела хорошо идут. Может, Блинкова за это и порешили? — Никифоров пристально

смотрел на своего собеседника, будто пытался его за-гипнотизировать.

— Да запросто. Я вот эту лавочку тоже, наверное, сверну. Да не наверное, а точно. Я еще пожить хочу...

— Что, все так серьезно?

— Да я думал, что не очень. Хотя сразу просек, что люди серьезные. А теперь я точно знаю, откуда уши растут...

— Если можно, давай с самого начала.

— Да что тут начинать, когда уже заканчивать пора. Ну, пришли ко мне двое, так, мол, и так, магазин продать надо. Ну, я, само собой, отказался. Столько нервов потратил, чтобы в собственность все оформить, а тут какой-то умный подвалил на все готовое. Да и торговля неплохая здесь... В общем, отказал им. А они, смотри, говорят, не пожалей... Я еще подумал, кому мой магазин нужен? А «Седьмой орбите» он нужен. Директор казино ко мне как-то подходил, так, мол, и так, может, отдашь магазин, нам расширяться надо, а для этого площади нужны. Я ему тогда отказал. И забыл. А тут эти двое. Они про «Седьмую орбиту» ничего не говорили, но я еще подумал, может, оттуда? Ну, думаю, если так, то подожду немного, подойдут снова, а я им цену подниму. Жду, а сам нервничаю, может, неправильно что делаю, может, позвонить надо, сказать, что передумал. А сегодня утром узнаю, что Блинкова завалили. Он же тоже отказался... Ну, думаю, все — приплыли. Этим позвонил, сказал, что согласен...

— Значит, из казино ветер дует?

— Ну, точно не скажу... Хотя да, оттуда. «Седьмая орбита» под нас роет. Но я думал, что это у них не очень серьезно. И Олег тоже так думал. А зря... Если его грохнули, значит, все очень серьезно.

— А ты уверен, что его из-за этого убили? Насколько я знаю, его убили, чтобы ограбить...

— А ты думаешь, киллеры у Бурбона дураки? Совсем нет. Поэтому под ограбление и сработали. Из-за магазина Олега убили, из-за магазина. У Бурбона это запросто...

Павел не нуждался в объяснениях, он и без того знал, кто такой Бурбон. Очень известная личность в криминальном мире, хотя, насколько он знал, в лицо его видели немногие. Человек этот вел скрытный образ жизни, на людях появлялся редко, в делах воровской общине участия не принимал, в сходках не участвовал, хотя в свое время отсидел срок за вооруженный разбой. Дружбы с кем-нибудь из сильных мира сего он особой не водил, но знали его многие. Знали и боялись. Потому что Бурбон умел отвечать ударом на удар. Даже принцип «око за око» к нему не очень-то был применим. Выбьешь ему глаз — так он в ответ голову оторвет. Вся его сила держалась на страхе, который он умел нагнетать. Поэтому одно только его имя наводило на Славу ужас...

— А причем здесь Бурбон? — озадаченно спросил Павел.

— Да ведь это казино его семье принадлежит.

— Семье?

— А чего тут такого? У него реальная семья. Сынки у него такие же отморозки, как и он сам... Ему и бригада не нужна, у него четыре сына, им только покажи — любого порвут. Он и без того весь город за яйца держит...

— Весь?!

— Слушай, Павел Михайлович, ты что, — с луны свалился? У него два рынка в городе, Центральный и Северный. Раньше как было? Раньше братва эти

рынки держала, а сейчас он ими реально владеет, на законных, так сказать, основаниях. И рынки уже не те, сам знаешь, как там все поднялось. Крытые павильоны, крытые ряды...

— Плавали, знаем, — кивнул Павел.

Действительно, оба рынка, о которых говорил Слава, за последние годы расцвели пластиковым светом, чистоту там навели, порядок, приятно ходить по рядам, по светлым павильонам.

— Ты хоть представляешь, какие там бабки крутятся? Мне лично такие и не снились. А контрабанды там сколько, а контрафакта! — разошелся Слава.

— Сколько?

— Э-э, я тебе ничего не говорил, — тут же осекся парень. — Нет там ничего такого...

— Ну не говорил и не говорил...

— Говорил. Про рынки говорил. И про казино, через которые Бурбон деньги отмывает. Думаешь, только свои деньги? На эти рынки городская администрация круто завязана, кто там, чего и сколько — этого я не знаю. Но мафия там, я тебе скажу, реальная. Вот потому я и говорю, что Бурбон имеет весь город... А знаешь, кто рынки охраняет?

— Я не знаю, кто рынки охраняет. Я знаю, кто охраняет весь город.

— Я тебя умоляю! Только не говори, что милиция!

— Ну, милиция само собой. И еще охранная фирма «Гарант». Но лучше бы ее назвали «Паук», в честь ее основателя Паука, пардон, Шестакова Леонида... Вот отчество запамятаю, не так часто я с ним пересекаюсь, чтобы запомнить...

— Да я тоже не знаю отчества. Знаю только, что Паук — такая глыба, что весь город под ним...

— Что-то я не понял. То Бурбону город принадле-

жит, то Пауку. Ты уж как-нибудь определись, — на-
смешливо посоветовал Павел.

Впрочем, ничего смешного в том, о чем они гово-
рили, не было. Впервые Паук дал о себе знать в сере-
дине девяностых, а к началу нового тысячелетия от
бандитских группировок, деливших город между со-
бой, не осталось и следа. Паук со своими бригадами
попросту их сожрал, полностью оправдав свою клич-
ку. Если поместить в одну банку дюжину пауков, ра-
но или поздно в ней останется только один, самый
сильный и прожорливый. Сейчас Паук, он же депутат
городской Думы — Леонид Шестаков, владел охран-
ной фирмой «Гарант», которая, как гигантская паути-
на, опутывала весь город. Все, что было можно, охра-
нялось в городе именно этим предприятием за при-
личные, разумеется, деньги. Легальное крышевание
коммерческих и даже государственных объектов —
иначе эту схему и не назовешь. Единственno, кого
Шестаков допускал в эту сферу, была вневедомствен-
ная охрана. Но тут он просто вынужден был подви-
нуться, потому что конфликтовать с милицией — се-
бе дороже. Можно договориться с кем-то из ГУВД,
но всю систему подчинить себе невозможно. Подоб-
ное существует только в головах журналистов-фанта-
стов...

— А чего тут определяться? — фыркнул Слава. —
Один имеет город в хвост, другой — в гриву. И ни-
чего, летит себе вертолет и не падает. А потому что
Бурбон и Паук умеют договариваться. Потому я и
спрашиваю, кто охраняет рынки? Фирма «Гарант»
охраняет, и Бурбон конкретно Пауку за крышу отсте-
гивает. И с ворами у них все на мази, если тебе это,
конечно, интересно.

— Все-то ты знаешь! — усмехнулся Никифоров. — Может, сам когда-то с Пауком зажигал, а, Слава?

Разумеется, он в свое время наводил справки о своем гражданском зяте, но ничего криминального за ним не нашел. Не судим, приводов не имел, в криминальных сводках не значился. Но это вовсе не значило, что с ним все чисто. Есть же преступники, о которых ничего не известно.

— Может, и зажигал. Но не с Пауком. Хобот был, его потом Паук сожрал, еще в девяносто седьмом. Но я там так, по мелочи был, мокрого за мной ничего не числится, на разборы ездили, вот и все дела... Но на деньги немного поднялся, вот бизнес раскрутил, четыре магазина... Блин, уже три.

— А чего три? Ты же крутой, вспомни молодость, поставь Бурбона на понятия.

— Э-эх, Павел Михайлович, издеваешься! — укоризненно покачал головой Слава. — Я тебе душу, так сказать, открыл, а ты ежа мне кидаешь! Расклады, как на духу, дал, а ты?

— Ну, извини, если обидел.

— Да я никогда не обижаюсь. Разозлиться могу, а обидеться — нет, не в моих это правилах. Не надо было мне душу открывать...

— Ты мне лучшие скажи, почему ты ее открыл? Страшно стало, потому и открыл... Я так понимаю, помочь тебе никто не сможет. Нет у тебя силы, чтобы тягаться с Бурбоном.

— Что правда, то правда. Но то Бурbon, а то ты. Вот пошлю тебя сейчас куда подальше, чтоб не подкальвал.

— Так пошли, в чем проблема?

— Ну да, а кто меня потом в курсе будет держать? Ты же Блинковым занялся, а меня это дело конкретно интересует. Как бы самому потерпевшим не стать, да?

— Но ты же уже позвонил этим, которые к тебе приходили. Чего тогда переживаешь?

— Да, позвонил. Только они сказали мне, что подумают. Место, говорят, здесь неспокойное, людей убивают. Знают, что Блинкова завалили. Знают! Сами к этому руку приложили, а теперь еще и воду мутят. Район неспокойный... Знаешь, почему они так сказали? А поняли, что я на измену сел. Ну, то есть испугался... Чего теперь со мной церемониться? Дадут бросовую цену, попробуй потом откажись. А ведь дадут...

— А ты им говорил, почему сдаешься? Про убийство Блинкова говорил?

— Нет. Но ведь они в курсе. Сами про него сказали. Они, они за этим делом стоят, можешь не сомневаться...

— А кто они, эти люди? Они же как-то представлялись?

— Да нет, не представлялись. Просто сказали, что интерес имеют... А если бы представились, я бы тебе, Павел Михайлович, не сказал, — откровенно признался Слава. — Мне Блинков другом не был, я за него подписываться не стану. Что знал, то сказал, а больше от меня ничего не жди. Мне, сам должен понимать, жизнь дорога. Да и о Машке подумай. Если вдруг что, то и ей может достаться...

— Логично, — кивнул Павел. — Поэтому я и не буду впутывать тебя в это дело. Но за информацию спасибо...

Насколько он понимал, Слава Щекин владел сво-

им магазином на правах собственности, Блинков же арендовал торговую площадь. Поэтому Бурбон с него и начал. Если это, конечно, Бурбон и его семья... Он заказал Блинкова или нет, но в любом случае в этом убийстве просматривалась четкая логика. Арендатор погиб, и нет никакого смысла договариваться с его женой, которая особых прав на торговую площадь не имела. Вопрос будет решаться через мэрию, а если у Бурбона там связи, то это право перейдет к нему. А заодно мафия запугала Славу, который морально уже готов уступить свой магазин по бросовой цене.

Слава мог бы побороться за свое право на место у печки, но Павел не хотел, чтобы он сопротивлялся. И все из-за дочери. Не хотел он, чтобы Маша пострадала...

Павел представил, как Слава и Маша идут по городу, и вдруг перед ними останавливается машина. Из нее выходит тот самый киллер, который убил Блинкова. Это нервный человек, суеверный, ему нужен только Щекин, но в суматохе он может выстрелить и в Машу. А еще он может в это время потерять очки или у него отклеится борода. Маша станет еще и опасным свидетелем. Тогда ее точно уберут...

Слава собирался отказаться от магазина. Но вдруг он передумает? Вдруг Бурбон приговорит и его, а вместе с ним и Машу? Нет, не стоит полагаться на Щекина, на его добрую, затравленную волю. Надо найти заказчика, вырвать ядовитый зуб.

Никифоров отправился в универсам, нашел там главного администратора — холеного розовощекого толстячка, но тот от комментариев отказался. Сказал, что Блинкову действительно предлагали освободить место, но кто это сделал, когда и зачем — все это было скрыто за пугливым «не знаю».

глава 5

Легкий ветерок что-то ласково нашептывал пла-
кучей иве, склонившейся над водой; может, утешал
ее, чтобы не лила она горькие слезы. Серовато-бурая
утка с белыми пестринками важно плыла вдоль ка-
мышовых зарослей, не глядя на выводок из четырех
утят, следующий за ней в фарватере. На лодку перна-
тые не обращали внимания, видимо, привыкли, что
люди не трогают их, не обижают. Зато лягушку, грею-
щуюся на камне, встревожил шлепок, с которым Па-
вел опустил в воду весло; высоко подпрыгнув, она с
бульканьем исчезла под широким листом кувшинки.

— Никифоров, тебе что, заняться нечем? — Улья-
на смотрела на Павла с упреком, но весело.

Ей нравилось плыть с ним в лодке, греться на
солнышке, любоваться живописным островком по-
среди пруда. Только что она сидела за бумагами в
своем кабинете, и вдруг такая метаморфоза: парк,
лодка, кавалер на веслах, холодное пиво, две пласти-
ковые тарелки с шашлыком... Она уже сняла китель,
оставвшись в рубашке с погонами.

Здание прокуратуры примыкало к городскому
парку. Павел позвонил Ульяне и, не спрашивая у нее
согласия, назначил ей встречу в летнем кафе. Он
прибыл туда первым, сделал и даже получил заказ, но
Цветкова все не появлялась. А он сидел в одиночест-
ве и смотрел на пруд, по которому плавали лодки...

Он вспомнил, как давным-давно катал на лодке
Лену. Тогда они еще учились в школе и были совсем
юными. В те времена он о других женщинах и не ду-
мал. Им обоим казалось, что впереди долгая и счаст-
ливая жизнь. Знала бы Лена, какой сволочью окажет-

ся ее будущий муж. Ни разу после свадьбы они не катались в лодке на этом пруду. И если бы только это...

Цветкова позвонила, сказала, что уже идет, и Павел, сам от себя того не ожидая, спустился к лодочной станции, купил билет, и Ульяне уже ничего не оставалось, как присоединиться к нему.

Прекрасная погода, тепло и солнечно, только на душе пасмурно. И все потому, что рядом нет Лены. Зато появилось чувство, будто он ей изменяет. А ведь Ульяна всего лишь коллега, не более того...

— А если у меня важный разговор? — невесело спросил он.

— Если ты хочешь сделать мне предложение, то учти, я замужем, — иронично повела она бровью.

— Смотря какое предложение... Есть предложения, от которых невозможно отказаться.

— Например?

— Например, освободить магазин, вернее, помещение под него.

— У меня нет магазина.

— У Блинкова был. К нему пришли двое, предложили освободить площадь. Вот это и было то предложение, от которого нельзя было отказываться. Он отказался — и все, нет его больше...

— Что-то я тебя не понимаю.

— Зато я все прекрасно понимаю. Потому и назначил тебе встречу в парке. Я слышал, у Бурбона все везде схвачено, в том числе и в вашей прокуратуре...

— У какого еще Бурбона? — с еще большим недоумением спросила Ульяна.

— Бурыбин Савелий Федорович и сыновья. Эта фирма владеет Центральным и Северным рынком. Там у них крутятся и легальные деньги, и нелегальные. А черный нал прокручивается через казино, ко-

торым они владеют. Одно такое казино находится на улице Космонавтов. Оно сейчас расширяется. И знаешь, за счет чего? За счет магазина, которым владел Блинков. Там есть еще и другой магазин, «Автозапчасти», так вот, его владельцу тоже сделали предложение, от которого он очень боится отказаться. Не хочет повторить судьбу Блинкова. Скорее всего, и этот магазин исчезнет, а казино «Седьмая орбита» получит новые площади...

— Хочешь сказать, что с Блинковым расправилась мафия?

— «Пять» за сообразительность.

— И тебе столько же, за чувство юмора, — колко усмехнулась Ульяна.

— Но я серьезно.

— Я тоже... Мафия — это несерьезно. Надо версию ограбления отрабатывать.

— Нет, мафия — это как раз очень серьезно. Настолько серьезно, что легче отрабатывать версию ограбления. Это хоть и тупиковая ветвь, зато безопасно...

— Ты думаешь, я боюсь? — возмущено надулась Цветкова.

— А ты думаешь, нас не смогут остановить? Я наводил справки, Бурыбин — страшный человек. РУБОП уже давно имеет на него зуб, но ничего не может поделать. Я тебе даже больше скажу: за последние несколько лет рубоповцы потеряли трех своих сотрудников, и есть мнение, что это дело рук Бурыбина. Мнение, да, есть, но доказательств нет... У Бурыбина связи на всех уровнях власти, и голыми руками его не возьмешь. Свалить его могут только железные доказательства, но вот их нет... Это страшный человек, — повторил Павел.

Сегодня утром он разговаривал с человеком из РУБОПа и очень много узнал про Бурыбина и его семью. Поэтому и возникло желание поговорить с Ульяной на нейтральной территории, вдали от посторонних ушей.

— Мне-то терять нечего. Дочь уже взрослая, а за свою жизнь я давно уже не держусь. А у тебя муж, ребенок... Сколько дочери лет?

— Сыну... Четыре годика... — Цветкова растерянно смотрела на Павла. — Неужели все так серьезно?

— Да. И если мы начнем копать под «Седьмую орбиту», у нас могут возникнуть большие проблемы.

— Но ведь у нас нет доказательств, что «Седьмая орбита» виновна в гибели Блинкова, — занервничала следователь.

— «Седьмая орбита» не может быть в этом виновна. Виновны конкретные люди. Их и нужно искать.

— Как?

— Как обычно? Розыск, оперативно-следственные действия, все как по учебнику.

— Но там же мафия.

— Вот видишь, тебе уже страшно. Но ты не бойся, тебя в это болото я не потащу. Твое дело протоколы вести, а мое — доказательную базу собрать.

— Э-э, может, все-таки ограбление?

— Ты — следователь, тебе и решать, какую версию гнуть. Но я «Седьмой орбитой» займусь...

— И что от меня требуется?

— Директора «Седьмой орбиты» на допрос вызвать. Лихопасов его фамилия, Эдуард Михайлович. Кстати, он женат на дочери Бурыбина. Как тебе это нравится?

— Ну, женат и женат. Хочешь, чтобы я его допросила? — зыбким голосом спросила Цветкова.

— Нет, с тебя повестка за твоей подписью, а там уж я сам с ним поговорю.

— Ну, повестку я сделаю...

Наблюдая за Ульяной, Павел понял, что у нее уже пропал интерес и к природе, и к нему самому. Бутылку пива она выпила, но не для того, чтобы освежиться. Она волновалась, и ей нужно было успокоиться. К шашлыкам она даже не притронулась, хотя вначале проявила к ним интерес. Видимо, информация о серьезной опасности отбила у нее аппетит.

С шашлыками Павел справился сам — уже в машине, ожидая, когда Ульяна подготовит повестку.

Ждать пришлось долго. В конце концов, Никифоров не вытерпел и отправился к ней. Ульяна сидела за столом и в глубоком раздумье крутила в руках типографский бланк из серой бумаги. Увидев Павла, вздрогнула так, будто он уличил ее в чем-то непотребном.

— Где повестка? — резко спросил он.

— Вот!

Она протянула ему бланк, но тут же отдернула руку, как будто испугалась, что повестка попадет к нему.

— Чего ты боишься? — подзуживающе спросил он.

— Я боюсь?! Не боюсь...

Она снова протянула ему повестку, но в этот раз отдернуть ее не успела: Павел оказался проворней и вырвал у нее бланк.

— Теперь я вижу, что ты ничего не боишься, — сказал он, пытаясь скрыть иронию.

— Боюсь... Я знаю, что такое Центральный рынок, там правда мафия. И если «Седьмая орбита» с этим делом заодно, то с ней лучше не связываться...

— Вот и разрабатывай версию ограбления. Я тебе даже помогу. Но потом, после «Седьмой орбиты». Если вернусь...

Он шутливо улыбнулся, но Цветкова к его словам отнеслась очень серьезно. И даже посмотрела на него так, будто прощалась с ним навсегда...

К своей машине Павел возвращался в унылом настроении. Он действительно не боялся за себя, но его очень смущал тот страх, которым так легко заразилась Ульяна. Ей достаточно было узнать, кто такой Бурыбин и чем он занимается, чтобы испугаться. А ведь она работник прокуратуры, человек, который обязан быть на острие событий, бороться с преступностью, не щадя своей жизни. Что уж говорить об обычвателе, которого волнует только собственная шкура?.. Бурыбин и ему подобные должны были бояться закона, но, похоже, все как раз наоборот. Закон слишком гуманный, Уголовно-процессуальный кодекс слишком щепетильный, чтобы воспринимать его всерьез. Зато мафия не церемонится — чуть что не так, и смертный приговор уже готов, а исполнители всегда под рукой. Следствие ужом должно вывернуться, чтобы найти хоть какое-то доказательство против мафии, а сколько сил и терпения нужно, чтобы выиграть процесс в суде! А Бурыбину достаточно показать на ту же Цветкову, и завтра же она выйдет из игры. Если не запугают, то убьют. Скорее всего запугают, потому что она уже сейчас боится. А ведь угроза со стороны мафии пока что еще мифическая. Но страх уже есть. С той жестокостью, с какой был убит Блинков, Бурбон мог расправиться и с Цветковой. Она это понимает, поэтому и боится связываться с ним.

Павлу же терять нечего, и он готов бросить вызов

мафии. Но, похоже, бороться с ней придется в одиночестве.

Он подъехал к казино «Седьмая орбита», и к нему тотчас устремился незнакомый охранник в белой рубашке. Невысокого роста, но широкоплечий парень с бритой головой. Вежливое обращение на «вы», приглашение посетить игровой зал, но во всех этих словах чувствовалось высокомерие холопа, прислуживающего могущественному господину. В глазах этого парня Павел был никем. И все потому, что его «девятка» не выдерживала никакой критики. Какая машина, такой и ее хозяин. И даже если на тебе будет бархатный пиджак с бриллиантовыми стразами, все равно ты не поднимешься в глазах охранника, который видел тебя за рулем «девятки»... К тому же не было у Павла бриллиантов.

— А просто чашечку кофе можно выпить? — недовольно спросил Никифоров.

Ему не нравилось, что у охранника сложилось нехорошее о нем представление. Он давно уже привык не обращать внимания на столь небрежное к себе отношение, но все равно было неприятно.

— Можно. Только у нас кофе дорогое.

— Не дорогое, а дорогой. — Павел легонько щелкнул по галстуку-бабочке на шее охранника.

— А что, есть разница? — хмыкнул тот. — Что дороже, что дорогое, все равно платить придется.

— Логично. Но я сначала выиграю деньги, а потом уже кофе себя побалую.

— Пойдемте, я покажу, где можно выиграть.

Охранник провел Павла в круглый холл, из которого можно было пройти в зал игровых автоматов. Там же был и арочный вход в роскошный, отделан-

ный мрамором и хромом вестибюль с переходом в большой зал.

— Я слышал, тут у вас танцуют стриптиз? — спросил Павел.

— Это до вечера ждать надо, — сказал охранник, кивком головы показав на мраморный вестибюль. — Тогда и рулетка крутиться будет, и девочки зажгут. А сейчас только игровые автоматы.

Никифоров шагнул в сторону арочного входа, но парень среагировал мгновенно, перекрыл путь.

— Туда сейчас нельзя, — еще вежливо, но уже с угрозой сказал он.

— А если мне к Лихопасову нужно?

— К кому? — опешил охранник.

Остатки учтивости растворились в сумерках, которыми подернулся его взгляд.

— Ты что, не знаешь, кто такой Лихопасов? — спросил Павел, предъявив служебное удостоверение.

— Э-э... Да я-то знаю... — растерянно пробормотал парень. — Только к нему никого не велено пускать. И все равно, что вы из милиции...

— Я не просто милиция, — миролюбиво сказал Павел. — Я еще и почтальон. Вот, повестку твоему боссу доставил... Видишь, Лихопасову Эдуарду Михайловичу, прибыть в прокуратуру завтра, в одиннадцать часов тридцать минут. Вопросы?

— Ну, я сам ему отнесу.

— Ты не понял, тут корешок, он должен в нем расписаться.

— Распишется, а корешок я вам отдам...

— Откуда я узнаю, кто там расписался? Может, уборщица тетя Глаша?

— Э-э, но я не могу вас к нему пропустить.

— Тогда я ухожу. Я уйду, а завтра сюда прибудет

группа спецназа и твоего босса поставят в позу «ку». Угадай, в какую позу потом поставят тебя самого? И кто?

— Ну, я должен начальнику охраны доложить.

Лед тронулся, хоть и с треском, и информация о повестке дошла до директора казино. Но прошло не меньше часа, прежде чем Павлу дали зеленый свет. Появившийся начальник охраны вежливо попросил у Павла пистолет, но тот отдал ему только две штатные обоймы.

Лихопасов принял его в своем кабинете. Важный, сосредоточенный, он с умным видом записывал что-то в блокнот, заглядывая в толстую книгу, лежавшую справа от него... Писал правой рукой, вроде бы книга должна была находиться слева от него. Или у него манера так переписывать, или делал он это для отвода глаз, изображая чрезвычайную занятость.

Не глядя на посетителя, он скромным движением руки показал ему на кресло за приставным столом. И только когда Павел сел, оторвался от своего занятия, неприветливо и хмуро глянул на него.

— Если вы по поводу жалобы, то мы все уже уладили, — поморщившись, сказал он.

Лихопасов производил впечатление человека сильного, но не очень решительного. Высокий и в меру упитанный, широкоплечий, но рыхловатый. Он обладал взглядом человека, привыкшего, чтобы его уважали, но Павел не видел в нем того стержня, который присущ людям, безоговорочно уверенным в собственных силах. Похоже, Лихопасов считал себя влиятельным человеком, но при этом понимал, что без поддержки со стороны он ничего не стоит.

— По поводу какой жалобы? — удивленно посмотрел на него Павел.

Он постарался скрыть усмешку. Ему казалось, что Лихопасов играет какую-то роль. Он сам придумал себе жалобу, о которой сейчас шел разговор, и это было видно по неуловимым спазмам лицевых мышц, которые возникают у бездарного лицедея, пытающегося потрясти зрителя безупречной игрой. И взгляд у директора казино дернулся, как стрелка сдвинутого с места компаса — резко качнулся из стороны в сторону и, вздрогнув, застыл на месте.

— Жильцы дома жалобу составили, обещали в прокуратуру отнести... А разве нет?

Лихопасов попробовал изобразить удивление, но вышло это у него не очень удачно. Во всяком случае, Павел почувствовал его притворство.

— С того света на вас жалоба поступила. От гражданина Блинкова.

Павел внимательно смотрел на собеседника и заметил, как лихорадочно завибрировал его взгляд. Лихопасов пытался сохранять спокойствие, но в душе у него минорно гудела толстая струна контрабаса.

— А кто это такой?

— Ну, как же так? Вы же с ним вместе работаете.

— Вместе работаем?! — на этот раз удивление Лихопасова показалось Павлу искренним.

— Ну, не то чтобы рука об руку, а на одном этаже работаете. Блинкову принадлежит универмаг «Марго», тут недалеко, на одном этаже с вашим казино...

— «Марго»? Ну, знаю такой универмаг. А кому он принадлежит, понятия не имею... Я не понял, вы что, допрашиваете меня?

— А что, есть повод вас допросить?

— Что-то я не понял... э-э....

— Майор Никифоров, уголовный розыск.

— Вы что, запутать меня хотите, майор? Так это у вас не получится.

— Да я и не собирался.

— А мне все равно, собирались вы или нет. Без адвоката я и слова не скажу.

— Жаль, — сокрушенно вздохнул Павел. — Я хотел вам помочь.

— Мне?! Помочь?!

— Ну, во-первых, вручить повестку.

Павел достал из кармана заполненный бланк, неторопливо оторвал корешок.

— Одна половина вам, на другой, пожалуйста, распишитесь...

Какое-то время Лихопасов хмурил брови, изучая повестку, затем негодующе спросил:

— Кто вам сказал, что я буду расписываться?

— А разве нет? — пристально посмотрел на него Никифоров.

— Без адвоката — нет.

— А когда он подъедет? — спросил Павел так, будто точно знал, что адвокат уже в пути.

— Скоро, — также четко ответил директор казино.

— Ну что ж, подождем. Тем более мне все равно, подпишете вы повестку или нет.

— То есть как это все равно?

— Дело дрянь, Эдуард Михайлович, скажу вам об этом откровенно. Вот я и думаю, может, вам помочь? Ну, небескорыстно, разумеется...

Повесткой Павел воспользовался не только как пропуском; он хотел использовать ее как средство, чтобы сбить оппонента с толку. Он же приехал к Лихопасову совсем не для того, чтобы допросить его. Он всего лишь почтальон, передаточное звено, а значит, опасности как бы и не представляет. Но при этом он

в курсе дела и в принципе мог бы поучаствовать на стороне Лихопасова... Помогать подозреваемому он не станет, но голову ему заморочит.

— Небескорыстно? — хоть и презрительно, но с определенным интересом посмотрел на него Лихопасов. — Что-то я вас не совсем понимаю... И вообще, в чем, черт возьми, меня обвиняют?

— Я так понял, вы ничего не понимаете, — поощрительно улыбнулся Павел.

— Нет!

— Что ж, это для вас большой плюс. Потому что к убийству Блинкова вы не имеете никакого отношения.

— Его что, убили?

Никифоров окончательно перешел на доверительный тон, и Лихопасов, похоже, расслабился. Поэтому запах фальши только усилился.

— Да, позавчера. По дороге домой...

— А я здесь при чем?

— Вот и я думаю, при чем здесь вы? Ну, мешал вам Блинков, ну и что? Это же не значит, что его нужно убивать.

— Не значит, — в раздумье кивнул Лихопасов. — Да и кто вам сказал, что какой-то Блинков мне мешал?

— Да мне в прокуратуре сказали... Я версию ограбления рассматриваю, а следователь уперся и свое гнет. Информацию он получил, что казино «Седьмое небо»... э-э, извините, «Седьмая орбита»... В общем, ваше казино расширяться собирается, и за счет соседних магазинов. Универсамом владел гражданин Блинков, автозапчасти принадлежат Щекину, к ним обоим, говорят, приходили какие-то подозрительные личности. Подозрительные, но какие-то... то есть ни-

чего конкретного. Освобождайте, говорят, помещения или пожалеете. А кто они такие, откуда — никто не знает. Одни только догадки, что ваше казино их прислало. То есть от вас они приходили, Эдуард Михайлович.

— Вранье! Никто от меня не приходил! — возмущенно воскликнул Лихопасов.

Он внимательно смотрел на Павла, ломая голову над тем, правда он сочувствует ему или водит за нос.

— Вот и я так же думаю! — приложив руку к груди, заверил его Никифоров.

— И правильно думаете... Не собираемся мы расширяться. Мы вообще в центр собираемся переезжать.

— Э-э, мне все равно, куда вы там переезжаете. Мое дело убийство раскрыть, ну, Блинкова. А тут прокуратура со своей дурацкой версией. Вот я и решил с вами поговорить, потому и повестку сам привнес... Понимаете, в чем дело, я версию ограбления рассматриваю, я вам это уже говорил. Так вот, я уже и человека нашел, который во всем сознался...

— Какого человека? — заинтригованно вскользь-нулся Лихопасов.

— Ну, есть там один. На нем и разбой, и трупы. Я его прижал, он мне все и рассказал, как Блинкова убил... Я вам даже больше скажу, он мне даже парик представил, и бороду...

— Какой парик?

Судя по тому, как жадно директор внимал Павлу, ему очень интересна была тема этого разговора. И неспроста все это.

— Ну, преступник в парике был. Парик, борода, очки солнцезащитные...

— Очкi? — пытаясь скрыть волнение, повел бровью Лихопасов.

— Да, они не только от солнца защищают, но и от посторонних глаз. В общем, и бороду мы у этого деятеля нашли, и парик, и очки. Только очки какие-то странные...

— В смысле, странные? — животрепещуще спросил директор.

— Ну, дужки не сгибаются. У очков обычно дужки сгибаются, а эти мертвое на месте стоят. Что та дужка, что другая...

— Да, да, бывает такое.

Павлу показалось, что Лихопасов почувствовал облегчение. Возможно, решил, что следствие не знает про сломанную дужку. Не нашли ее, не приобщили к делу, а значит, и отпечатков пальцев не осталось.

Теперь самому Павлу приходилось скрывать волнение. Никак не думал он, что Лихопасов лично принимал участие в убийстве Блинкова. Все-таки он был родственником Бурбона, пусть и по жене, но все-таки. Не стал бы тесть посыпать зятя на гиблое дело, тем более что и без него было кому этим заняться. Но, может, Бурбон решил устроить Лихопасову проверку? Может, разозлился на него за что-то и решил наказать... Как бы то ни было, но похоже, Лихопасов знал про сломанную дужку очков. И если это действительно так, то на ней могли оказаться отпечатки именно его пальцев.

Павел предполагал, что будет иметь дело с заказчиком, но, возможно, перед ним сам исполнитель. Если так, то удача очень близко.

— Бывает, — хлопнув себя по карману куртки, смущенно улыбнулся Никифоров. — Вот я никогда сигареты не забывал, а тут вдруг пусто. В машине, на-

верное, оставил... Хотя у вас, наверное, и курить нельзя.

— Ну почему же нельзя, можно.

Лихопасов полез в ящик стола, достал оттуда пачку «Мальборо», протянул Павлу, дождался, когда тот возьмет сигарету. И сам он тоже угостился. Взял со стола зажигалку, высек шумный огонек.

Павел глубоко затянулся, с блаженным видом выдул из легких струю дыма.

— Сколько себя помню, столько пытаюсь бросить, — с упреком самому себе сказал он.

Но Лихопасов проигнорировал его реплику. Видно, что не до праздных разговоров ему было.

— Так что там этот убийца?

— Какой убийца?! А-а, который Блинкова убил? Так это... признался во всем. Барсетка ему Блинкова приглянулась, вот он и убил...

— Ну, если признался, я-то здесь при чем?

— Вот и я говорю, что ни при чем. А прокурорские на казино показывают, там, дескать, зерно истины... Но я-то знаю, что почем. Вот и хочу вам помочь... Это, как говорится, ты мне — я тебе, — сконфуженно заулыбался Павел в ожидании встречного предложения.

Но Лихопасов искусно делал вид, что не понимает намеков.

— А то ведь адвокат сейчас приедет, ему платить надо, потом в прокуратуру ехать, время терять, а я раз-два, и все, никаких проблем, — продолжал притворяться Никифоров.

— А что, есть проблемы?

— Ну да, у Роди Шмякова, ну, который в убийстве признался...

— А я здесь при чем?

— В том то и дело, что ни при чем, — разочарованно вздохнул Павел.

Он дал понять, что сдался, осознав бессмысленность своих намеков. Чем вызвал торжествующую улыбку Лихопасова. Так радуется бизнесмен, совершивший выгодную сделку или избежавший неоправданных расходов.

— Протокол составлен, Шмяков уже в камере, завтра его будет допрашивать следователь... Вы, Эдуард Михайлович, завтра в прокуратуру позвоните, может, вам и ехать никуда не надо.

— А я не собираюсь никуда ехать. И повестку я не получал.

— Ну как же так, я ради вас, понимаете ли, старался, а вы меня так подводите?

— Где это вы ради меня старались,уважаемый? Вы убийцу искали? Искали. Вы его нашли? Нашли. Благодарность от начальства получите? Вероятнее всего, да... А от меня вы что хотите?

— Э-э, ничего... Уже ничего... Ну, хотя сигаретами угостите!

Павел порывисто потянулся через стол к пачке сигарет. Лихопасов и спохватиться не успел, как она оказалась у него в кармане.

— Вы знаете, как это называется? — нахмурив брови, презрительно спросил он.

Павел сначала поднялся, повернулся к двери, а затем уже, на ходу, едва слышно произнес:

— С паршивой овцы хоть шерсти клок!

— Давай, давай, паршивая овца! И больше сюда не приходи!

Павел ожидал, что Лихопасов отдаст распоряжение задержать его, забрать сигареты, но ничего такого не случилось, и он беспрепятственно покинул

казино. С одной стороны, хорошо, что удалось избежать конфликтов. С другой — безучастность Лихопасова обесценивала трофеи, который Павел уносил с собой.

глава 6

Рукоятка тренажера легко приближалась к груди, так же просто удалялась. Раз-два, раз-два... Казалось бы, ничего сложного. Разве что усталость начинает давить на мышцы. Но вес у блока небольшой, силы еще хватит минимум на пару минут.

— Так, немножко назад отклонись... Спину не кругли, не надо! Блок резко не опускай!.. Руки распрямил — вдох! Рукоять опустил — выдох!.. Раз-два! Раз-два!..

Бум-дзынь, бум-дзынь... Все реже стучит отягощающий блок, сложенный из железных кирпичей. Усталость болью растекается по мышцам, но Эдуард не сдается. Ему нужно выбиться из сил, чтобы забыться и не думать больше о том, как низко он пал.

— Эй, дружок, может, хватит? — звонко спросила Лера.

Эффектная шатенка с узкой талией, рельефным животом и плотно накачанными бердами. Она взяла над Эдуардом шефство, но у него совершенно нет шансов закрутить с ней роман, хотя ее упругие формы нет-нет, но навевают порочные мысли. Лера — жена Стаса, старшего сына Савелия Федоровича. Во-первых, она предана мужу, как болонка, а во-вторых, любой неверный шаг в ее сторону мог закончиться для Эдуарда как минимум кастрацией.

— Хватит, я говорю! — Лера шлепнула его пластиковой указкой по рукам. — Надорвешься, придурок!

Бумц! Тяжелый блок бухнулся на подставку и замер в ожидании следующего сета.

— Ну, зачем так грубо? — дружелюбно попенял девушке Семен. — Эдик — свой человек. А то, что надрывается, так это потому, что сильным хочет стать, да, Эдик?

Он подошел к Лихопасову, накручивая на ладонь эластичные бинты. Лицо потное, из-под мышек пыщет запах пота, но на это сейчас никто не обращает внимания. Тренажерный зал гудит, как рабочий улей, все здесь трудятся в поте лица, а иначе нельзя. Стас здесь за старшего, а он не любит, когда кто-то работает в пол силы. И даже жену свою не щадит. Впрочем, она сама уже давно вошла во вкус и теперь вот гоняет Эдуарда.

А ведь еще несколько дней назад он не имел права посещать этот спортклуб. Здесь могли заниматься только избранные, только посвященные члены Семьи. Именно обряд посвящения и прошел Эдуард, когда собственной рукой застрелил директора университета «Марго»...

Его до сих пор бросало в жар от мысли, что свершилось непоправимое. Он убил человека, он убийца, он страшный грешник... А порой ему казалось, что все это дурной сон, кошмар, под впечатлением которого он до сих пор находится.

Действительно, все происходило как в кошмарном сне: этот парик, эта борода, эти очки... Семен сидел за рулем, Ждан — на подстражовке. Они знали, что делать. Эдуард же просто ждал, когда появится жертва. Пистолет с глушителем, патрон в стволе. Он всего лишь ждал... Если бы не Семен, он бы, наверное, не смог выйти из машины. Но тот с силой ударили его в бок, заставил покинуть салон. А тут Блин-

ков, идет, улыбается, думает о чем-то радостном. Увидел Эдуарда, остановился как вкопанный, парализовано смотрит на пистолет... «Давай, придурок!» — закричал Семен. И этот вопль вывел его из состояния ступора. Рука с пистолетом поднялась на уровень плеча, палец нажал на спусковой крючок... Блинков упал, сжав пальцы, в которых находилась барсетка.

Эдуард понимал, что барсетку нужно забрать, но зачем это нужно, он в тот миг совершенно забыл. Семен кричит из машины, требует, чтобы он вырвал ее из руки покойника. А тот так крепко сжал свою сумку, что Эдуарду казалось, прошла вечность, прежде чем он смог выдрать ее. И как только пистолет не вывалился при этом из рук... Это был какой-то ужас. Хотелось выть от отчаяния, орать во всю глотку, рычать, хрипеть, грызть зубами землю, а Семен требовал, чтобы он садился в машину. В одной руке пистолет, в другой барсетка, дверь, как назло, закрывается, а Семен кричит как бешеный, тянет к нему руку, хватает за шкирку. Барсетка в салоне, пистолет тоже, но ломаются очки, дужка падает...

— Я много чего хочу, — угрюмо буркнул он.

— Много хотеть нужно весело, — ухмыльнулся Семен. — А ты какой-то чумной. Случилось что?

— Случилось.

— Мент приходил?

— Все-то ты знаешь.

— Знаю... Только ты прослушку зачем-то снял, — насмешливо посмотрел на него Семен.

— А если это ментовская прослушка?

Эдуард еще вчера тщательно обследовал кабинет. Сначала сканером — ничего, потом пальцами прощупал все, за что не мог зацепиться взглядом, и нашел-таки два «жучка». Теперь он постоянно будет устраи-

вать такие проверки, и сканер приобретет более мощный. Если он свой человек в Семье, то никто больше не имеет права лезть в его личную жизнь. И, кажется, Семен это понимает.

— Да нет, рано еще ментам колпак на тебя набрасывать.

В спортклубе все свои — сыновья Савелия Федоровича, их жены. Но и это еще не все, у жен есть братья, многие из которых прошли обряд посвящения. Всем этим людям можно доверять, как самому себе, но все же Лихопасов с облегчением вздохнул, когда Лера отправилась к своему мужу, который с усердием колотил боксерскую грушу. Пусть стучит: чем больше шума в зале, тем хуже слышат посторонние уши.

— Рано не рано, а сегодня один приходил. Вычислили они нас, — скорбным тоном сообщил Эдуард.

— Что, вычислили?

— Ну, поняли, что у Блинкова из-за казино проблемы возникли.

— Поняли... Я вот тоже думаю, что ты придурок. А доказательства где? Ты же наш человек. И делом доказал, что наш. Где доказательства, что ты придурок?.. И где у ментов доказательства, что сыр-бор из-за казино?

— Нет у них доказательств, — мотнул головой Лихопасов.

— Правильно, нет. И не будет. К Блинкову левые люди приходили, их уже и в городе нет. Для ментов — это тени, тенями они и останутся...

— Но ведь они все равно знают?

— Что знают, что Блинков — наша работа? Так ведь и я знаю, что ты придурок. А где доказательства?

— Я не придурок, — обиженно нахмурился Эдуард.

— Ну, так веди себя, как мужик, а то сопли развесил. Не надо никого бояться, понял? Тебя должны все бояться! Тебя, нас — все должны бояться! Ты посмотри на этих людей. — Семен пафосно обвел рукой зал. — Мы все здесь братья и сестры. Мы — одна семья. У нас у всех одни интересы. И я знаю, что если со мной вдруг что-то случится, то мне помогут. На пожизненное закроют, так с Огненного помогут сбежать. Не знаю, что там будет. Бомбу сбросят, чтобы крышу проломить, веревку с вертолета скинут, не знаю. Знаю только, что меня спасут. А если вдруг не судьба и заметут меня на небеса, так жену в беде не оставят, детей не бросят. Все знают, что все мы тут друг за друга горой, поэтому никто ничего не боится... А что менты? Что их между собой связывает? Служба? Так это если нахрапом брат, так в этом, да, за ними сила. Но так нахрапом нас не возьмешь, не тридцать седьмой год. Связи у нас, деньги, прокуроры куплены, судьи. Из ментов, кого надо, купим. Да и уже купленных хватает... А надо будет — всех купим, потому что если они сами по себе, то нет за ними никакой силы. А они сами по себе, у всех семьи — жены, дети. Все они вечером спешат домой. И все хотят жить. И желательно, хорошо жить... Нет у них общей семьи, есть только разговоры — честь, совесть, долг. А у нас разговоров нет, зато есть общая семья. Большая общая семья. И все мы друг за друга готовы умереть. И других убивать. Надо будет, и ментам Варфоломеевскую ночь устроим. И никто нас не остановит, потому что мы одна семья. И ты с нами пойдешь ментов резать. Пойдешь, никуда не денешься!.. Или не пойдешь?

Семен смотрел на Эдуарда без нажима, но столько

пугающего льда было в его взгляде, что невозможно было не согласиться с ним.

— Пойду, — кивнул Лихопасов.

И в этот момент ему вовсе не казалось, что он кривит душой. Он действительно попал под зловеще-магическое обаяние Семьи. Он уже заслужил право быть своим среди избранных, и он готов был доказывать его дальше... И не так уж все страшно, если в Семье действительно все друг за друга. Если надо будет, из тюрьмы вызволят. Если он вообще туда попадет... Семья — это связи, деньги, влияние и, главное, сила. Если вдруг что-то случится, то ему обязательно помогут.

— Ну, вот и молодец, — улыбнувшись, Семен поощрительно похлопал его по щеке. — Если ты с нами, то и мы с тобой... Что еще говорил мент? — как о чем-то второстепенном, спросил он.

— Сказал, что прокуратура меня подозревает, но сам он готов мне помочь, — презрительно скривил губы Эдуард, вспомнив, каким жалким был милицейский капитан, пытаясь раскрутить его на взятку.

— Ну, вот видишь, помочь хотел, — Семен сощурил левый глаз и высоко поднял правую бровь. — А ты все чего-то боишься... Чем он тебе помочь хотел?

— Сказал, что нашел убийцу Блинкова.

— Да! — Теперь у Семена был сощурен правый глаз, а левая бровь поползла вверх. — И кто ж он такой, этот убийца?

— Да Родя какой-то, Шмяков...

— А почему не Вася Жопин?.. Он что, с бухты-бахромы этого Шмякова придумал?

— Да нет, не придумал, — выпятив нижнюю губу, пожал плечами Эдуард. — Зачем ему это надо?

— Да, может, и надо... Помочь хотел. Родя Шмяков... Повестку тебе принес. Повестку, да?

— Ну да, повестку... Он сказал, что завтра можно не приходить. Потому что он Родю Шмякова расколол.

— Что, пополам расколол?

Семен улыбнулся одними губами, а глаза серьезные, вдумчивые, подозрительные. Глядя на него, Эдуард чувствовал, как у него холдеет позвонок. Что-то не нравилось Семену, а у него чутье волчье.

— Ну, в смысле, Шмяков признался.

— В чем?

— Ну, в том, что Блинкова убил... Даже, говорит, бороду нашли, парик и очки... Еще сказал, что очки странные какие-то, дужки не закрываются...

— Дужки?! Сам про дужки разговор завел?

— Ну да. Мне об этом говорить не резон, сам знаешь.

— Я-то знаю. И мент, возможно, знает, что ты дужку потерял.

— Так он же не нашел ее! Он бы сказал...

— Ничего он тебе не скажет, кроме того, что ему нужно. Менты — народ хитрый, коварный... Почему ты адвокату не позвонил?

— Позвонил. Но пока он приехал, мент уже ушел. Забрал пачку сигарет и ушел...

— Какую пачку сигарет? — вскинулся Семен.

И так посмотрел на Лихопасова, что у него занемел низ живота.

— Ну, «Мальборо», у меня на столе было... Он вокруг да около ходить начал, так, мол, и так, прокуратура на казино грешит, а он убийцу задержал, расколол его. Дескать, не зря ли старался... Хотел, чтобы я денег ему за это дал. А я же понимаю, что это все

равно что вину свою признать. Да и нет у меня лишних денег... В общем, он понял, что ничего не получит, поэтому сигареты забрал. С паршивой овцы, говорит, хоть шерсти клок. Я еле сдержался, когда он это сказал. Хотел догнать — и в морду!

— Как? — зловеще сощурился Семен.

И, не дожидаясь ответа, взял Эдуарда за руку, отвел в душ, закрыл за ними дверь.

— Как ты ему собирался в морду дать? — хлестко и жестко спросил он.

— Ну, кулаком, — вжав голову в плечи, в предчувствии беды робко сказал Лихопасов.

— По морде?

— Ну да.

— Нельзя мента по морде бить. Синяки остьаться могут. В живот надо бить.

Если Лихопасов когда-либо задавался бы вопросом, насколько это больно — удар кувалдой по животу, сейчас он мог бы получить на него исчерпывающий ответ. Как будто многопудовый молот со всего маху врезался ему в живот, и страшная боль сложила его пополам.

— Вот так надо бить, — громыхнул над ним голос Семена. — Сначала в живот... А потом по почкам, по почкам!

И он снова пустил в ход кулаки. На этот раз невероятной резкости боль в пояснице выгнула Эдуарда дугой. Он не смог удержаться на ногах и упал, завалившись на бок.

— Когда противник лег, появляется искушение добить его ногами, — менторским тоном измывался Семен. — Но ты сначала должен понять, нужно тебе это или нет... Вот и я хочу понять, дошло до тебя или нет?

— Что дошло? — простонал Эдуард.

— Я знаю, ты считаешь себя умным. Умней меня, умней всех. У тебя же высшее образование, да? А мы тут чисто сиволапые, без образования. А нас жизнь учила. Жизнь! А ты баран с дипломом!.. Был бы умный, забрал бы у мента эту пачку! Там же пальчики твои, придурок!!

Забыв про боль, Лихопасов потрясенно смотрел на Семена. А ведь правда сигаретная пачка была заключена в тонкую прозрачную пленку, на которой наверняка остались отпечатки его пальцев...

— Он же тебя как лоха развел, — взревел Семен. — Как последнего лоха! Ему пальчики твои нужны были. Пальчики!.. Блин! Отпечаток с твоего мозга надо снять. Уверен, там ни одной извилины!

— Что же делать? — жалко пробормотал Эдуард.

— Что, что... А ничего! Как работал, так и дальше работать будешь. А с ментом я разберусь.

— Что, убьешь?

— Что это за слово такое? — скривился Семен. — Убивают на вокзале, за бутылку водки. А мы решаем проблемы, понял? И ты не думай, что эту проблему мы решим без тебя! Если вдруг что, сам за железо возьмешься. Ты же у нас уже спец по этим делам, да?

— Э-э...

— Что ты экаешь, как баба на групповом свидании? Не бзди, в этот раз останешься в стороне. Как будто ты ни при делах... Иди в зал, жир сгоняй и ни о чем не думай. Решим твою проблему... Завтра позвоню, скажу, что делать. Ну, чего стоишь, придурок? Давай, давай!

Желание продолжать тренировку было отбито вместе с почками. Но все же Эдуард отправился в зал, потому что боялся ослушаться Семена. Для видимо-

сти покрутил педали на кардиотренажере, а потом тихонько исчез. Быстремко оделся, сел в машину и отправился домой.

Мокрая после тренировки голова высохла по дороге. И пот впитался в кожу, сушил ее, создавая дискомфорт. Поэтому, оказавшись дома, Эдуард сразу же отправился в душ. Затем, не обращая внимания на жену и детей, закрылся в каминном зале, достал из бара бутылку коньяка, зубами сорвал пробку и жадно припал к горлышку.

Когда Юля вошла в комнату, бутылка была уже пуста.

— Может, ты объяснишь, что происходит? — робко, но с упреком спросила она.

Эдуард невольно скривился, глядя на нее. Ну на кого она похожа? Волосы упрятаны под какой-то дурацкий чепчик, лицо узкое, косметики — ноль, длинный до пят халат сидит на ней мешком. Еще и ссугулилась, как будто штанга на плечах лежит... Даже под градусом она не вызывала никакого желания.

То ли дело Карина!.. Девушка по-прежнему работает у него, и Семен больше не требует ее уволить. И все потому, что Эдуард прошел обряд посвящения, теперь он свой и может позволить себе небольшую шалость... Да, он свой в Семье. И не так уж важно, что Семен сегодня избил его. Тем более он не просто бил, а учил... Действительно, Эдуард прошляпил сегодня мента, позволил ему унести пачку сигарет с отпечатками своих пальцев... Ничего, Семен обязательно что-нибудь придумает. Может, он и злой, но справедливый, и не бросит Эдуарда в беде. Потому что Эдуард — полноправный член Семьи!

— Ты не хочешь со мной разговаривать? — удрученно спросила Юля.

— Хреново мне, разве не видишь?

Он всем своим видом давал ей понять, что не хочет видеть ее. Но жена не уходила, продолжала мозолить глаза и слух.

— Мне кажется, что-то происходит?

— Происходит! — вспылил Лихопасов. — Из-за тебя все!

И надо было ему брать у жены очки! Лицо у нее узкое, очки маленькие... Хорошо, что парика у нее не было, а то бы и его прихватил. Свалился бы этот парик тогда в самый неподходящий момент...

— Что из-за меня? — всполошилась она.

— Ничего! — раздраженно наморщил он лоб.

Солнцезащитные очки он купил в магазине, специально для дела. Но когда за ним приехал Семен, оказалось, что они куда-то пропали. Пришлось лезть в машину к жене, брать солнцезащитные очки. А они у нее мало того, что тесные, так еще и с широкой дужкой — как будто для того, чтобы отпечаток пальца хорошо запечатлелся... Но ведь не жена виновата. Сам свои очки потерял, себя во всем винить нужно. А жену лучше не обижать. А то ведь она и Семену пожаловаться может. Почки до сих пор ноют, спасу нет.

— Я знаю, ты в воскресенье куда-то уезжал, и не один, а вместе с Семеном, — продолжала терзать душу Юля.

— Куда-куда, в спортзал мы ездили. Спортом я решил заняться, неужели непонятно?

— Да, но почему Семен был на «десятке»?

— А что здесь такого? Твой брат решил быть ближе к простому народу. Это что, преступление?

— Зачем ему это? Он что — мэр или депутат?

— Я не понял, это допрос?

— Нет, просто мне кажется, что тебя втянули в какое-то грязное дело.

— Кажется ей! — пренебрежительно фыркнул Эдуард. — Все уже давно делами занимаются, а ей все кажется!

— Какими делами?

— Семейными! Все при делах, только ты у меня, как та белая ворона!

— А если эти дела меня не интересуют?

— Зато меня интересуют!.. Я теперь свой для Семьи. А ты — никто!

Юля думала недолго.

— Тогда давай разведемся, — тихо и робко предложила она.

— Что?! — встрепенулся Эдуард.

Юля чуралась своих родственников, но при этом она все равно была и оставалась дочерью Бурбона. Единственной и любимой дочерью. И Лихопасов прекрасно понимал, что без нее он перестанет быть членом Семьи, но при этом останется опасным свидетелем, и тот же Семен лично решит с ним проблему, а говоря проще — застрелит.

— Давай разведемся, — совсем тихо повторила она.

— Зачем?

— Затем, что ты меня не любишь...

— Кто тебе такое сказал?

— Я сама все вижу, — с горечью выдохнула она.

— Но я люблю тебя, — пересилив себя, соврал Эдуард.

Он стремительно поднялся с кресла и, покачнувшись, направился к жене. Ладонями сжал ее за плечи, попытался привлечь к себе, но Юля отстранилась.

— Зачем этот фарс?

— Это не фарс... Это правда...

— Правда в том, что ты впутался в какое-то грязное дело.

— Ну, какое там грязное дело? Я всего лишь заведую казино.

— Ты просто заведовал казино. А сейчас — не просто. Ты сказал, что стал своим для Семьи. А я знаю, что это такое — стать своим!

— Ну и что?

— Ты знаешь, почему погиб мой первый муж?

— Он в автокатастрофе погиб, — вспомнил Эдуард.

— Это официальная версия... Его убили. Он стал слишком своим для Семьи. Его бросили в самое пекло, и он погиб в перестрелке с азербайджанцами из-за каких-то цветов... А ты из-за чего погибнешь?

Слезы подступили к ее глазам, всхлипнув, она обреченно махнула рукой и вышла из комнаты. Эдуард не стал ее догонять: не хотел, да и не мог, поскольку как молнией был поражен подробностями о гибели первого Юлиного мужа. Он не хотел повторить его судьбу...

глава 7

Крупные капли дождя барабанили по жестянке подоконника. На улице сумрачно, даже прохладно, но в криминалистической лаборатории светло, сухо, правда, немного душновато. И старенький компьютер как-то натужно гудит. Худощавый мужчина с массивной головой ожесточенно щелкал мышкой, гоняя курсор по экрану монитора.

— Работы невпроворот, а вы тут ходите, мешае-

те, — ворчал он, адресуя свое недовольство Никифорову.

Но дело делал, потому что деваться ему было некуда. Павел и бутылку коньяка ему презентовал за срочность, и сам нависал над ним, требуя результат.

— Ну вот, твоя взяла, — торжествующим голосом сообщил эксперт. — Жировой отпечаток пальца на дужке очков идентичен отпечатку указательного пальца с пачки сигарет... Извини, но заключения сейчас я составить не могу. Времени нет. Аврал у меня. Полный аврал! Вечером приходи. Или завтра утром.

— Да ладно, не горит, — воодушевлено взмахнул рукой Павел. — До вечера потерплю.

— Лучше завтра утром, — сквозь толщу диоптрийных линз просительно посмотрел на него криминалист.

— Нет, сегодня вечером, — отрезал Никифоров и широким шагом победителя вышел из лаборатории.

Павел понимал, что Лихопасов начнет выкручиваться. Ему на помощь придет жена, которая заявит, что в момент убийства муж находился вместе с ней дома. А жена у него не простая — дочь Бурбона, и уж она точно будет на стороне семьи.

Он представлял Юлию Лихопасову в образе коварной, стервозной бестии — черные волосы, дьявольский огонь в глазах, жесткое магнетическое обаяние красивой ведьмы... Одно его удивляло, почему Юлия Савельевна работала в городской поликлинике рядовым врачом. Может, это маскировка какая-то? Но зачем? Эра совковых цеховиков давно уже миновала, свои финансовые возможности можно выставлять напоказ... В любом случае Павел собирался поехать в городскую поликлинику, чтобы пообщаться

с женой Лихопасова. Эдуард Михайлович тоже, казалось бы, не лопух, а надо же, на мякине прокололся. Может, и Юлии Савельевне удастся заморочить голову? А если нет, то хотя бы попытка в зачет пойдет...

В холле городской стоматологической клиники было людно, и в коридоре напротив двери в семнадцатый кабинет наблюдался дефицит свободных мест. Но Павел и не думал занимать очередь. А чтобы не вызвать возмущения людей, он должен был действовать решительно. Главное, не останавливаться в раздумье перед дверью, нужно идти быстро, без тени сомнения, напролом, тогда все решат, что так и нужно...

И действительно, никто из очереди не посмел остановить его или хотя бы осадить окриком. В кабинете стоматолога пахло лекарствами и страхом. Кресло пустовало, медсестра раскладывала инструменты, а врач сидела на стуле и с кем-то разговаривала по телефону.

Павел осталенел, глядя на женщину. В ушах пульсирующее зашумела кровь, где-то далеко закричала чайка, морская волна с гулом набежала на прибрежную гальку. И воздух перед глазами, казалось, качнулся, медленно и плавно закручиваясь в спираль. Павел вдруг решил, что попал в какое-то параллельное измерение, настолько противоестественным казалось ему увиденное. Женщина-врач была очень похожа на его покойную жену Лену. Такая же малосимпатичная внешность, такая же квела и как будто придавленная жизнью. Но те же черты лица, та же выразительность, те же глаза... Разве что немного моложе, чем Лена.

— Молодой человек, что с вами? — отключив телефон, встревоженно посмотрела на него женщина.

Нет, голос чужой, у Лены тембр голоса был более нежный.

— Ну, нельзя же так бояться врача? — насмешливо-стыдящими глазами посмотрела на него пухлая медсестра.

— Врача?! Ну да, врача, — ошарашенно кивнул Павел.

— Прошу! — Женщина показала ему на кресло.

И он, как завороженный, принял ее приглашение, сел, по пути едва не опрокинув столик с инструментами. И еще сверло бормашины кольнуло его в щеку, но Павел не обратил на это внимания.

— Да, ваш талончик... — спохватилась врач.

— Э-э, а я без талончика.

— Знаете, я бы попросила вас уйти, — вдруг улыбнулась она. — Но вы так меня боитесь, что сами сделяете это с радостью...

Она быстро надела маску, скрыв половину лица, медсестра тем временем закрыла Павлу грудь синей пелериной, закрепив ее на шее. Врач взяла металлический зонд устрашающего вида, зеркальце.

— Раскройте рот! — потребовала она.

— Да я не за этим пришел, — попробовал остановить ее Павел.

— Ну что же вы так! На вид сильный и смелый мужчина, а ведете себя, как трус.

— Я не трус, — мотнул головой Павел.

— Тогда откройте рот!.. Ну, вот и молодец...

Голос у врача грубоватый, но летящий, певучий, ласкающий слух... А может, Павел просто попал под очарование этой женщины, поэтому ему в ней нравилось все, даже зонд, который она все-таки засунула ему в рот.

— Хорошие зубы, крепкие... Так, здесь у нас ка-

риес, не думаю, что глубокий. Здесь я бы сменила пломбу... Здесь непорядок. Здесь... Но в целом ничего, жить будете. Так, а на что, собственно, жалуетесь?

— Ни на что, — дождавшись, когда освободится рот, мотнул головой Павел.

— Зачем же вы тогда пришли? — с насмешкой, но тепло смотрела на него врач.

— С вами хотел познакомиться.

Павел не врал и даже не вводил женщину в заблуждение. Он действительно хотел с ней познакомиться. И все потому, что она была похожа на Лену. Очень похожа...

— Неудачно же вы начали знакомство.

Врач смотрела на него с упреком, но недовольства в ее глазах не было. Как бы ни была она сейчас занята, ей интересно было с ним общаться, может, потому она и не торопилась прогонять его.

— Почему неудачно?

— А потому что вы тряслись как осиновый лист.

— Поверьте, это не от страха.

— Хотелось бы верить, но...

— Я увидел вас и обомлел... Это была растерянность, а не страх.

— Обомлел он... — хмыкнула врач, пытаясь сдержать довольную улыбку. — Чудак-человек. Бормашину вы увидели, поэтому и обомлели.

— Скажите, а вы замужем?

Павел-мужчина вступал в противоречие с Павлом-оперативником. Одному врачу нравилась как женщина, другой видел в ней жену подозреваемого и дочь крупного мафиози. Но именно милиционер и помог мужчине задать этот вопрос: чувство долга подтолкнуло личную заинтересованность. А иначе

Павел не осмелился бы так лихо раскрутить маховик разговора.

— Может, вы еще и мужа моего боитесь? — удивленно подняв брови, засмеялась она.

— Нет, я вас к нему ревную.

Женщина внимательно всматривалась в Павла. Казалось, она и хотела бы верить его словам, но все-таки очень сомневалась в их искренности.

— Вы смотрите на меня так, как будто вас никто никогда не ревновал, — продолжил он наступление.

— Ну, я думаю, это не ваше дело! — Она согласилась с ним, но именно это и вызвало ее недовольство.

— Вы правильно думаете, — уныло вздохнул он. — Не мое это дело. Но я, правда, ревную. Наверняка эти выходные вы провели с мужем. Сидели с ним на диване, пили вино, обнимались...

— Мужчина, с вами все в порядке? Я стоматолог, а не психоаналитик.

— Да, я понимаю... Поэтому ухожу.

Павел поднялся с кресла, снял пелерину. Юлия Савельевна стояла рядом с ним, забыв о том, что из приличия ей следовало бы подвинуться. Но нет, она позволила вдохнуть запах своих волос. Именно так пахла и Лена... Павел так жарко посмотрел на нее, что женщина покраснела.

— Знаете, приходите завтра, — в смятении чувств пробормотала она. — В шестнадцать ноль-ноль...

— Приду, — кивнул он. — Обязательно приду... А сейчас скажите, вы правда в это воскресенье пили с мужем вино?

— Нет, мой муж в это воскресенье где-то пропадал... Даже не знаю, зачем я вам это говорю, — с недоумением сказала она. И, спохватившись, погнала Павла прочь: — Идите, у меня много работы!

— Да, конечно. — Он пошел к двери, но, коснувшись ручки, застыл, как вкопанный.

— Ну что еще? — В ее вопросе было заключено и раздражение, и ликование одновременно.

Она сомневалась в его душевном здоровье, но вместе с тем Павел был ей интересен. К тому же у нее работа...

— Никуда я не пойду, — не поворачивая к ней головы, упрямо заявил он.

— Почему?

— Потому что вы действительно мне очень понравились... Только это меня совсем не радует.

— Меня, если честно, тоже.

— Я вас понимаю. Пришел какой-то мужик, несет какую-то ахинею, и не поймешь, нормальный он или псих...

— Действительно, вас трудно понять.

— Зато я все понимаю. Это не ахинея, вы действительно произвели на меня сильное впечатление. Как женщина... Поверьте, когда я к вам шел, я совершенно не думал, что так может произойти. Дело в том, что я из милиции...

Павел развернулся к женщине лицом, но заглянуть ей в глаза постеснялся.

— И я чувствую себя подлецом.

— Значит, из милиции? — упавшим голосом спросила она.

— Да, майор Никифоров, уголовный розыск, раскрытие особо тяжких преступлений.

Юлия Савельевна многозначительно глянула на свою помощницу, доселе молча наблюдавшую за трагикомическим развитием событий. Та поняла, что дело вдруг приняло нешуточный оборот, и послушно вышла из кабинета.

— И что вам от меня нужно?

Лихопасова гордо расправила плечи, как поступает смелая и отчаянная женщина перед лицом опасности. Или дочь главы мафиозного клана. Но в ее глазах при этом сквозили растерянность и тревога.

— Мне нужно знать, где находился ваш муж в это воскресенье, двенадцатого июня, в районе с четырнадцати до шестнадцати ноль-ноль.

— И для этого вы устроили весь этот цирк? — презрительно сощурилась она.

— Это не цирк. Я знал, что вы — Лихопасова Юлия Савельевна. Но не знал, что вы настолько хороши собой...

— Я устала от вашего фарса.

— Это не фарс. Хотя вынужден признать, что я действительно вел свою игру... Но я взаправду ревную вас к вашему мужу.

— Хватит!.. Я скажу вам, где находился мой муж в указанное время, — жестко сказала она. — Но сначала вы мне скажите, в чем его подозревают.

— В убийстве. Его подозревают в убийстве гражданина Блинкова.

— Не знаю такого.

— Вам, Юлия Савельевна, вовсе не обязательно это знать. Вы-то ни в чем не обвиняйтесь...

— Как же я от всего этого устала, — изнеможенно вздохнула она.

— От чего?

— От всего этого... Двенадцатого июня с четырнадцати до шестнадцати часов мой муж находился в спортклубе «Геракл».

— Вы видели его там?

— Нет.

— И я могу записать ваши показания в протокол?

Женщина думала недолго.

— Да, можете... Скажите, вы этого добивались? — пренебрежительно оттопырив нижнюю губу, спросила она. — Для этого морочили мне голову? Так вот, вы своего не добились. Не надо было меня дурачить, я все равно бы сказала правду. Это мой принцип. А вы, майор Никифоров, как я погляжу, человек беспринципный!.. Ну, чего вы стоите, как вкопанный? Составляйте протокол, я подпишу. Или у вас еще есть вопросы?

— Да, вопросов хватает. Но вы заняты... Скажите, когда вы заканчиваете работу? Мы бы могли с вами поговорить.

— После работы я еду за детьми. А потом домой. Извините, но у меня нет на вас времени.

— Боюсь, что это правда, — сокрушенно вздохнул Павел.

Увы, ситуация походила на шахматный цугцванг, когда каждый сделанный им шаг в свое оправдание лишь еще больше усугублял ситуацию. Поэтому он решил уйти.

Обратно в управление он ехал в состоянии странного окрыления. С одной стороны, Павел жалел, что так подло повел себя с Юлией. Не должен был он, притворившись влюбленным, вымогать информацию о Лихопасове. Но ведь он же не совсем притворялся: женщина действительно произвела на него сильное впечатление. Оказывается, он очень-очень любил свою жену, а Юлия так живо ее напоминала, что невольно возникали мысли о перевоплощении душ. Лены больше нет, и он продолжает ее любить. Но Юлия уже занимает его мысли...

Он был окрылен, но, казалось, только на одно крыло. То на левом летел, то на правом. То радовал-

ся, что встретил женщину, о которой не мог думать без волнения. То переживал, сожалея, что обидел ее, да еще и собирается нанести ей удар в недалеком будущем — арестовать ее мужа, лишить детей отца...

В управлении он снова атаковал криминалиста и все-таки заставил его составить заключение, с которым поспешил в прокуратуру. Он очень спешил, но едва не опоздал. Цветкова уже опечатывала свой кабинет, когда он появился.

— Никифоров? — замерла она в ожидании.

— Прокурор вроде бы еще на месте, а ты уже уходишь.

— Мне домой надо, я отпросилась...

— Но к прокурору мы все-таки сходим.

— Зачем? — капризно выпятив нижнюю губку, хныкающим голосом спросила она.

— Постановление на арест нужно бы выписать.

— На Лихопасова?

— На него, родимого.

— А что, есть основания?

— Более чем...

— Он у меня сегодня был, — замялась Цветкова.

— И он произвел на тебя приятное впечатление? — догадался Павел.

— Ну, я бы не сказала... — неуверенно пожала она плечами. — Но на уголовника он точно не похож.

— У него еще все впереди. Сдуют лагерные ветра его холеность.

Прокурор, как оказалось, также собирался домой, поэтому принял Павла и свою подчиненную без особого восторга. Но все же выслушал аргументы, которые привел Никифоров. И как обычно, выразил свое недовольство.

— Вы хоть понимаете, товарищ капитан, что об-

разцы отпечатков пальцев добыты незаконным образом? — тряхнув козлиной бородкой, брюзгливо сказал он.

— Понимаю.

— А улики, добытые незаконным способом, не являются доказательством вины.

— Так это же для суда. А я к вам обратился, потому что вы прокурор и должны реагировать по оперативным заявлениям оперативно-активных граждан, — улыбнулся Павел. — А законную дактилоскопическую карту мы получим от гражданина Лихопасова во время процедуры оформления в изолятор, где, я думаю, ему самое место.

— Не тарахти, оперативно-озабоченный, — беззлобно поморщился прокурор.

— Оперативно-активный, — поправил его Никифоров.

— Чересчур активный. Мы версию ограбления рассматриваем, а он заказное убийство ищет.

— Я думаю, преступник инсценировал ограбление, чтобы сбить следствие с пути. Поэтому прошу выписать постановление не только на арест, но и на обыск в квартире и на рабочем месте подозреваемого. Возможно, найдем сумку с вещами покойного Блинкова.

Цветкова оформила постановление, прокурор его подписал, и Павел отправился обратно в управление. В отделе он застал своего начальника, майора Стрельнева, и двух оперативников, майора Хвата и капитана Чигирова.

Стрельnev, двухметровый великан с тонко и резко очерченным лицом, апатично просмотрел заключение экспертизы, постановление прокурора.

— Все? — скучающе глянув на Павла, спросил он.

— Все.

— Тогда будем брать, — все так же нехотя решил Стрельnev.

Такое поведение можно было воспринять как неуважительное отношение к труду рядового опера. Но Павел хорошо знал своего начальника. Это он с виду такой инертный, на самом же деле он душой болел за общее дело. И еще Павел знал, что в трудную минуту Стрельnev не свернет с выбранного пути. Виноват Лихопасов, значит, будет отвечать. И никакой Бурбон не сможет запугать майора. Хотя кто его знает... У Стрельнева жена, дети, ему есть что терять.

Но пока никто из отдела не испытывал на себе никакого давления со стороны мафии, и группа оперативников во главе со своим начальником отправилась в казино без всяких проволочек. Сам по себе Лихопасов не казался серьезной фигурой, и Павел не пытался кого-либо разубедить в этом.

Путь в казино пытался преградить охранник на входе, но служебные удостоверения и постановление на арест быстро привели его в чувство. Куда идти, Павел знал, поэтому начальник охраны успел только предупредить своего босса, но тот не смог вовремя покинуть свой кабинет.

Помимо Лихопасова в кабинете находился атлетического сложения парень. В его облике можно было бы усмотреть нечто комическое, уж больно топорно он был скроен, если бы не жесткий, до глубины промороженный взгляд, сила которого притупляла чувство юмора.

— Мы вам не помешали? — спросил Павел.

Несмотря на присутствие своего начальника, он играл в этой партии первую скрипку, поскольку ос-

новная заслуга в разоблачении Лихопасова принадлежала ему.

— А если помешали? — задиристо спросил атлет.

— Тогда принесем вам наши извинения и уйдем. Вместе с гражданином Лихопасовым.

Эдуард Михайлович сидел с опущенной головой и нервно барабанил пальцами по столу.

— Где постановление на арест? — по-хозяйски важно спросил атлет.

— А вы что, адвокат?

— Что-то вроде того, — небрежно усмехнулся парень.

— Насколько я понимаю, удостоверения адвоката у вас нет? — ехидно скривил губы Павел.

— Правильно ты понимаешь, мент. Наверное, умный очень, да?

В полемику Павел вдаваться не стал и переключился на директора, который уже перестал барабанить по столу, но принялся нервно грызть ногти.

— Гражданин Лихопасов, ознакомьтесь с постановлением о вашем аресте. Вы подозреваетесь в убийстве гражданина Блинкова.

— Это какая-то нелепица! — Эдуард Михайлович затравленно глянул на Павла и в поисках спасения перевел взгляд на своего атлетичного собеседника. — Я даже не представляю, за что меня можно арестовать...

— Ну почему же? Вы были сегодня в прокуратуре, вы разговаривали со следователем.

— В том то и дело, что я разговаривал со следователем. Она не считает меня виновным... А ты, майор, говорил, что прокуратура обвиняет меня! — Лихопасов истерично сжал кулаки. — Ты меня обманывал!

— А обманывать нехорошо, — ухмыльнулся атлет.

И, глянув на Лихопасова, с уверенностью знающего человека сказал, что волноваться ему нечего, что есть люди, которые смогут оградить его от милиционского произвола.

— Заканчивайте этот балаган, — устало сказал Стрельnev. — Хват едет со мной, Никифоров и Чигиров досматривают кабинет.

Он предъявил Лихопасову постановление на обыск и арест, сам защелкнул на его запястьях наручники, после чего, взяв его под руку, вывел из кабинета. Чигиров отправился с ним для подстраховки.

— Эдуард Михайлович, ты, главное, ничего не бойся, все будет в лучшем виде, — заверил своего приятеля атлет.

Он даже не собирался покидать кабинет, который Павел должен был обыскать.

— Может, вы удалитесь? — раздраженно спросил Никифоров.

— Чего это ради? — недобро глянул на него атлет.

— Нет?! — зловредно усмехнулся Павел и сел напротив него.

Локтями уперся в стол, подал корпус вперед, затвердевшим взглядом воткнулся в глаза оппоненту. И попытался взять его на психологический прием.

— Что-то лицо мне ваше знакомо.

— Не понял! — саркастически оскалился парень.

Он выдержал взгляд Никифорова, не сломался, но все-таки что-то дрогнуло у него в душе.

— Следствие установило, что в машине находились как минимум двое, — наседал Павел. — Вы могли быть одним из них.

— Ты, майор, тень на плетень не наводи. Какая машина? Какие двое? Я ничего не знаю...

— А кто убил?

— Кого убил? Ты, майор, меня не путай. Я тебе не валенок, меня валять не надо... Не знаю я, кто там кого убил... Вообще не понимаю, о чём разговор, — давил на басы атлет.

— Что, вообще ничего не знаешь? — сокрушенно вздохнул Павел.

«Жаль, — говорил он взглядом, — не удалось провести воробья на мякине».

— Нет! — торжествующе ощерился парень.
 — И за что Лихопасова забрали, тоже не знаешь?
 — Знаю. Ни за что!
 — Его в убийстве обвиняют.
 — Знать не знаю, — откинувшись в кресле, с чувством превосходства атлет скрестил руки на животе.
 — Он что, вам ничего не рассказывал?
 — Как можно рассказывать то, чего не знаешь?
 Не стрелял он ни в кого...

— Почему именно стрелял? Он мог зарезать человека, задушить...

Атлет поджал губы и свирепо зыркнул на Павла. Понял, что попал впросак, потому и разозлился.

— Слышишь, майор, не надо меня путать, я тебе не муха.

— А кто ты? Охранник?
 — Какой охранник?!
 — Ну, кабинет охраняешь. Сторож, да?
 — Ты что, майор, нарываешься? — удивленно-агрессивно спросил парень.
 — Ну, если ты не убивал вместе с Лихопасовым, если он тебя в свои дела не посвящает, значит, ты либо сторож, либо... Может, у вас нежная дружба?

У атлета чуть глаза не лопнули от натуги, настолько он был возмущен.

— Ты, майор! Ты хоть знаешь, кому ты тут хамишь?

— В том то и дело, что не знаю. Пытаюсь выяснить, а все дальше сторожа подняться не могу.

— Достал ты меня своим сторожем! Это мое казино, понял! — не выдержал напряжения парень.

— Насколько я знаю, казино принадлежит семье Бурыбина.

— Допустим!

— Значит, ты — сын Бурбона.

— Сам ты Бурбон! Моего отца зовут Савелий Федорович, понял!

— Твое казино, а про Блинкова ты ни разу не слышал. Или все-таки слышал?

— Нет! — скрестив руки на груди, вне себя выпалил Бурыбин.

— И Лихопасов не говорил тебе, за что его в прокуратуру вызывают?

— Нет!

— И за что его арестовали, тоже не слышал?

— Нет!

— И убивать Лихопасову не помогал?

— Нет!!

— И куда делась барсетка, тоже не знаешь?

— Нет!!! Какая барсетка?! — спохватился Бурыбин. — Не знаю, что за барсетка!.. И Лихопасов никого не убивал!..

Какое-то время он молчал, с напряжением во взгляде осмысливая ситуацию. Затем вдруг, откинув голову назад, утробно захохотал.

— Ну, ты, майор, в натуре! Все-таки развел?

Он вдруг резко подался вперед. Еще бы чуть-чуть, и он боднул бы Павла лбом. Но Бурыбин вовремя остановился, так и не дождавшись, что собеседник дер-

нется, чтобы избежать столкновения. Правда, агрессия лезла из него, как ядовитая змея из норы, заливаемой водой.

— Развел! — нахраписто рыкнул он. — Но не поймал! Не за что зацепиться, да?

Павел понимал, что победа его была исключительно психологическая. Заморочил противнику голову, не более того. Но все равно приятно.

— А почему ты так уверен, что я в чем-то пытаюсь тебя уличить? — усмехнулся он. — На воре шапка горит?

Атлет снова откинулся на спинку кресла, скривил губы в ироничной улыбке, которая больше походила на гримасу неудачника.

— Знаю я, кто такой Блинков. Эдик просветил. И то, что ты мозг ему вчера выровнял, тоже знаю. Лихо работаешь, майор.

Бурыбин снова подался вперед, но плавно, не пытаясь атаковать оппонента. Но взгляд его затвердел, как вода на морозе, подернулся инеем.

— И мне ты по мозгам проехался. Но это работа твоя, понимаю. Только сестру мою ты зря тронул.

Павел вздрогнул так, будто в грудь ему ударили порыв ледяного ветра.

— Не трогал я твою сестру! — возмущенно мотнул он головой.

— Трогал... Я все знаю. И что Юлька показания дала на мужа, тоже знаю. Говорил с ней.

— Ну, это твое право, говорить с ней...

Павел глянул на Чигирова, который молча, но с интересом наблюдал за их жесткой пикировкой.

— Сергей, сам видишь, какое дело. А время идет, кабинет обыскать надо. Без понятых нельзя, сам понимаешь. А понятых с улицы надо брать. Займешься?

Парень озадаченно кивнул и, как показалось, с опаской вышел из кабинета, будто за дверью его поджидали трое с дубинами.

— Не трогал я твою сестру, — оставшись наедине с Бурыбиным, повторил Павел.

Он и сам находился не в лучшем положении, чем Чигиров. Их всего двое, тем более уже порознь, а вокруг враждебная среда. Сергею грозила охрана казино, на Павла же с агрессией тигровой акулы наседал великовозрастный сын Бурбона, наверняка такой же бандит...

— Не надо ля-ля, майор! — скривился атлет. — Я разговаривал с Юлькой, жаловалась она на тебя. Очень жаловалась. Ты, гад, на святом сыграл. В любви признался, да?..

Павел безропотно склонил голову. Можно было бы возразить, но он не хотел оправдываться перед этим непризнанным хозяином жизни.

— А она, можно сказать, тебе поверила! — Бурыбин продолжал рвать мозоль. — Потому что хотела поверить. Потому что не было у нее в этой жизни любви... Сашка, ее первый муж, ни во что ее не ставил. Я ему лично морду за это бил! Он клялся, что любит. Но я-то знал, что не любит... И Эдик — такой же козел. Она его любила, а он ею пользовался. Теперь вот ты, такой же козел!.. Зачем ты ей сказал, что любишь? Она же тебе, урод, поверила! И правду про мужа сказала. Ты этого хотел?.. Знаешь, кто ты после этого?

— Знаю. Ты уже сказал, — пристально посмотрел на Бурыбина Павел.

Он твердо держал взгляд, но все же в нем угадывалась покаянная мягкость. И собеседник не мог этого не видеть.

— Сказал. И еще повторю, — беспощадно отчеканил он. — Козел ты. И урод... И мне до фонаря, что ты мент. Я за свою сестру любому пасть порву!

Чувство вины мешало Павлу защищаться, он понимал, что моральное преимущество сейчас на стороне Бурбона. И неважно, бандит он или нет. Он защищал сестру, женщину, которая вдруг ворвась в жизнь Павла, разлила по ней теплые живые краски. Не окрасила ее в радужные тона, а именно разлила и беспорядочно расплескала оживляющую акварель...

— Я знаю, что поступил неправильно, — четко и неторопливо выговаривая каждое слово, сказал Павел. — Но я твою сестру не обманывал.

Он вытащил из кармана бумажник, вынул оттуда фотографию покойной жены, показал ее Бурыбину.

— Ну и что это такое? — всматриваясь в снимок, спросил парень.

— Не что, а кто... Моя жена.

— При чем здесь твоя жена?

— Она тебе никого не напоминает?

— Ну... Не знаю...

— Тогда Юля не твоя сестра.

— Юля?! Ну да, твоя жена немного на Юльку похожа... Ну, да, есть что-то общее...

Павел удивленно смотрел на Бурыбина. Неужели он не видит, насколько поразительно сходство между Леной и Юлей?

— Для тебя что-то, а для меня все... Они очень похожи друг на друга.

— Да нет, у твоей жены нос шире, — покачал головой атлет. — И глаза немного больше... И подбородок уже...

— Есть сходство внешности, а есть сходство восприятия. Я увидел в Юле свою жену. Тот же взгляд,

то же обаяние, тот же запах... Я не хочу с тобой об этом говорить.

— Да мне все равно, хочешь ты или нет... А жену ты свою любил?

— Почему любил? — вскинулся Павел.

— Да не дергайся ты, майор, — пренебрежительно скривился Бурыбин. — Я твою жену не видел, но знаю, что ее убили... Да, знаю. Все про тебя знаю... А как ты думал? Ты вчера пришел к Эдику, а сегодня я уже все про тебя знаю. Врага надо знать в лицо...

— Врага?

— Ну а кто ты мне? Друг?.. Ты моего брата за хотят взял. Он никого не убивал, а ты на него наручники надел. Как мне теперь к тебе относиться?

— Убивал, — упрямо качнул головой Павел.

— Да ты сам подумай, зачем ему об кого-то мваться, если есть люди, которые могли бы все сделать за него? Ты что-нибудь про киллеров слышал? — продолжал насмехаться Бурыбин.

— Это все слова. А у меня есть факты.

— Какие факты?! Отпечатки пальцев? — пренебрежительно фыркнул атлет.

— Разве я об этом говорил?

— Ты не говорил. Но я-то все знаю. Потому что в курсе. А если я в курсе, то меня нужно бояться. Ты меня понимаешь, майор?

— Понимаю. Но не боюсь.

— Все так говорят, пока паленым не запахнет.

— Это угроза?

— Какие угрозы, майор? Мы же цивилизованные люди. Есть адвокаты, есть правосудие. И если Эдик не виновен, его оправдают.

— А если виновен?

— Не виновен. И ты должен это понимать.

— А если нет?

— Не надо меня провоцировать, майор.

— Я не провоцирую. Просто мне нужно знать, кто сидел за рулем «десятки», из которой преступник стрелял в Блинкова.

— Ты точно издеваешься, майор! — презрительно усмехнувшись, Бурыбин с достоинством, неторопливо поднялся со своего места, неспешно смахнул с лацкана пиджака несуществующую соринку.

— Уходишь? — не без ехидства спросил Никифоров.

— Время, дела.

— А мы сейчас кабинет будем обыскивать. А вдруг мы барсетку Блинкова здесь найдем?

— Не найдете. Нет здесь ничего такого.

— Найдем. Сначала подбросим, а потом найдем.

— Нечего подбрасывать. Нет барсетки.

— Ты в этом уверен?

В ответ Бурыбин лишь презрительно скривился. Дескать, хватит цеплять меня, майор, все равно бесполезно.

— А «десятку» куда дели? — не отступался Никифоров.

На этот раз атлет молчать не стал.

— Да пошел ты!

Это прозвучало жестко и емко, как щелчок бича, но все же это было больше признанием своей слабости, чем демонстрацией силы.

Бурыбин ушел, но скоро в кабинете появился начальник охраны и молча занял наблюдательную позицию. Чигиров привел понятых, и обыск начался. Впрочем, ничего уличающего или просто подозрительного найти не удалось. Но рабочий день для Павла на этом не закончился.

глава 8

В багровых тонах заката казалось, что из фонтана бьет вода, смешанная с кровью.

— Снова вы? — недовольно, но все же без раздражения спросила Юлия.

Она только что открыла калитку во двор своего дома, чтобы впустить туда незваных гостей. Стрельнев уже доставил задержанного в изолятор временно-го содержания и снова возглавил опергруппу. Но Юлия смотрела только на Павла. Только одного его и винила в том, что был нарушен ее привычный жизненный уклад. Только он один ее и волновал...

— Работа такая, — сокрушенно развел руками Павел.

— Знаю, какая у вас работа. Людей сажать.

— И дома их обыскивать.

Стрельнев попытался вручить ей постановление на обыск, но женщина отмахнулась.

Волосы кое-как убранны в старомодную прическу, брови едва заметны, губы тонкие, тусклые, голова и плечи сутуло поданы вперед, мешковатый халат плотно запахнут... В фигурном фонарном столбе, рядом с которым стояла Юлия, сексуальности, казалось, было больше. Но, возможно, именно это делало ее более привлекательной, во всяком случае для Павла. Он очень нуждался в женском тепле, а из живых, казалось, только Юлия могла согреть его.

Нерастраченные чувства к покойной жене готовы были обрушиться на эту женщину. Но именно память о Лене и сдерживала Никифорова от проявления этих чувств. И неплохо было бы уйти от разговора с хозяйкой дома. Его дело маленькое — выполнять распоря-

жения начальства. Сейчас группа обыщет дом, и он уйдет.

— А вам не приходило в голову, что это как минимум неэтично? — возмущенно, хотя и без всякой истерии, спросила Юлия.

Хват отправился за понятыми, а Стрельнев и Чигиров уже зашли в дом, без всякого приглашения, Юлия же продолжала удерживать Павла во дворе. И ее, казалось, не пугало, что кто-то будет хозяйничать в ее комнатах без присмотра.

— Знаете, если бы я сейчас полез в рот к своему начальнику, это выглядело бы по меньшей мере странно. — Павел пальцами взял Юлию за локоток и повел в дом. — А для вас это вполне нормально.

— Это моя работа.

— Вот и я свой хлеб ищу в корзинах с грязным бельем.

— У нас нет грязного белья...

— Охотно верю.

— Вы арестовали моего мужа.

Они зашли в круглый холл, где их уже ждали Стрельнев и Чигиров.

— Поверьте, на то есть серьезные основания.

— Но я не могу поверить, что Эдуард мог убить человека.

— Я даже не знаю, что вам на это сказать, — сочувствующе посмотрел на женщину Павел.

— Юлия Савельевна, нам бы хотелось знать, где ваш муж хранит личные вещи, — с кислым видом обратился к ней Стрельnev.

Ему вовсе не хотелось рыться в чужих вещах, но раз уж возникла такая необходимость, он хотел поскорей закончить начатое. И готов был прямо сейчас

приступить к обыску, но его сдерживали понятые, верней, их отсутствие.

— Смотря что вы подразумеваете под личными вещами. Если это белье, то в спальне, если одежда, то в гардеробной, бритвенные принадлежности находятся в ванной...

— Да, кстати, вы можете собрать вещи вашего мужа, — проявил участие Павел. — Я мог бы отвезти их к нему в камеру.

— Нет, не надо. Семен уже взял все, что нужно...

— Семен?!

— Да, мой брат.

Павел понял, о каком Семене идет речь. Это был тот самый парень, с которым у него вышел непростой разговор в казино. Значит, из казино он поехал к сестре; что ж, вполне логично...

— Я смотрю, он решил окружить вашего мужа братской заботой, — насмешливо заметил Павел.

— У нас в семье так принято — помогать друг другу, — быстро, но не очень уверенно ответила Юлия.

— Что ж, дружная у вас семья... А вы чего к мужу не поехали?

— Ах да, извините! — спохватившись, женщина устремилась к лестнице на второй этаж.

Но по ней уже спускалась забавная девчонка лет шести. Белые гольфы, розовое платьице, глаза шальные, отчего недетская сосредоточенность на лице вызывала умильную улыбку.

— Мама! Мама! У Динки колготки мокрые! — смешно замахав руками, заявила она.

— А памперс?

— И памперс мокрый. Я его на колготки надела!

— Э-эх ты, чудо!

Юлия скрылась на втором этаже, оставив гостей на первом.

— Брат ее здесь был. А если он здесь был, то барсетку Блинкова искать бесполезно, — сделал вывод Павел.

— Почему? — меланхолично посмотрел на него начальник.

— Потому что Семен в курсе всех его дел. Я не удивлюсь, если за баракой «десятки» сидел он.

— Ну да, рожа у него бандитская, — кивнул Чигиров. — И наглый, как танк...

— Потому что за ним семья. Большая мафиозная семья. И сам по себе Бурбон — далеко не последний человек в городе.

— Да, дело серьезное, — кивнул Стрельнев. — И опасное, если человека из-за какого-то магазина убили.

— Мафия, как рак, — почесав у себя за ухом, философски изрек Чигиров.

— И, возможно, с метастазами, — совсем не весело улыбнулся Павел. — Ничего, будем оперировать. Возможно, без наркоза...

— М-да, задал ты нам задачу, Никифоров, — без упрека, но все же безрадостно посмотрел на Павла Стрельнев.

В это время появился Хват с двумя понятыми из соседнего дома, и дело сдвинулось с мертвой точки. Но, как и предполагал Павел, барсетки и других личных вещей Блинкова в доме не обнаружилось. Не было здесь и париков, которыми мог воспользоваться Лихопасов. Не нашел Павел и сломанных очков. И в гараже только «Пежо», а «десятка», конечно же, отсутствовала.

— Ну что, ничего? — без особого злорадства спросила Юлия, когда оперативники собирались уходить.

На улице уже стемнело, во дворе зажглись фонари.

— Приносим вам свои извинения, — недовольно буркнул Стрельnev и первым направился к воротам.

Последовал за ним и Павел. Но Юлия протянула к нему руку, коснувшись плеча. Похоже, она не хотела, чтобы он уходил.

— Мне кажется, у вас есть ко мне вопросы, — пряча глаза, тихо сказала она.

— Вопросов много, — согласился он.

Но будет лучше, если озвучит их Цветкова, мысленно добавил он. Она следователь, пусть и выясняет, что да как.

— Так в чем же дело?

— Поздно уже, вам детей пора укладывать...

Он и сам понимал, что не хочет уходить. Но и оставаться здесь нельзя.

— Дина уже спит. Она у меня умница, рано спать ложится... У вас тоже есть дочь?

— Что? — встрепенулся Павел.

— Я что-то не так сказала? — пугливо спросила женщина.

— Откуда вам известно про мою дочь?

Он уже не думал о том, что ему нельзя здесь оставаться. И махнул Хвату рукой — жестом показал, чтобы они ехали домой без него.

— Ну... Я так подумала, — растерянно смотрела на него Юлия.

Похоже, она обвиняла себя в собственной глупости.

— Вы совсем не умеете врать! — насыпал на нее Павел. — Семен вам говорил про мою дочь?

— Да, говорил, — призналась она.

— Что он про нее говорил?

Павел злился. Не зря Бурыбин наводил про него справки, выискивая слабые места. Все-таки нашел брешь в его обороне. За себя Павел не боялся, а за Машу переживал очень.

— Ничего... Сказал, что у вас взрослая дочь.

— Зачем он это сказал? — допытывался он.

— Он сказал, что ваша дочь живет с человеком, у которого магазин рядом с «Седьмой орбитой»...

Павел в бессилье сжал кулаки. Вне всякого сомнения, в лице Семена Бурыбина и его семьи он обрел достойного и очень опасного противника. Но ведь он в принципе готов был к такому развитию событий.

— И что из этого следует?

— Вы пытаетесь защитить своего зятя, поэтому и придрались к моему мужу.

— Это вы так считаете или Семен?

— И он... И я...

— Вы, Юлия, умный человек, врач, а верите таким глупостям. Если я пытаюсь защитить зятя и его семью, то буду реагировать на реальную, а не на мнимую опасность. И я не притирался к вашему мужу, а заподозрил его в убийстве по улике, которую он оставил на месте преступления.

— Семен мне про это ничего не говорил. И вы тоже...

Юлия поежилась и обхватила себя руками, чтобы согреться. Или вечерняя прохлада тому виной, или нервы, но как бы то ни было Павел оттаял, глядя на нее. Возникло вдруг желание защитить ее.

— Вам холодно? — участливо спросил он.

— Нет... То есть да... Может, пройдем в дом?

Павел кивнул. Разговор касался его дочери, поэтому он не мог уйти отсюда, не выяснив подробностей.

Юлия оставила его в холле, сама же поднялась на второй этаж, к детям, но скоро вернулась.

— Может, чай? — спросила она.

— Интересная вы женщина. Я арестовал вашего мужа, устроил кавардак в вашем доме, а вы меня чаём угощаете.

— Во-первых, не кавардак, а легкий беспорядок, — смущенно улыбнулась она. — А во-вторых, вы же выполняете свою работу. Людям не нравится, когда им вырывают зубы, но кто-то же должен этим заниматься...

— Да, если зубы гнилые, — кивнул Павел.

— Если это вы про моего мужа, то я прошу вас воздержаться от намеков, — нахмурилась она.

Но все же сходила на кухню, вернулась оттуда с двумя чашечками капуччино. Судя по тому, как быстро она обернулась, кофе приготовил автомат.

— Намеков больше не будет, — сделав глоток, сказал он. — Спрошу прямо. Зачем ваш брат говорил про мою дочь? Он собирается меня шантажировать?

— Нет, — опустив глаза, мотнула она головой.

— А почему так несмело?

— Потому что от него можно ждать, чего угодно...

— Значит, моей дочери угрожает опасность?

— Прежде всего опасность угрожает вам самому. Вы должны представлять, с кем вы связались.

— С кем?

— Вы сами должны понимать.

— Я бы хотел услышать это от вас. — Павел пристально, пытливо смотрел на Юлию, а она по-прежнему прятала глаза.

— Не скажу... Все-таки это моя семья. В хорошем смысле семья... А они превратили этот смысл в какой-то ужас...

— То есть в мафию.

— Это ужасно... Сколько раз я им говорила — не надо, но меня никто не слушал. Поверьте, это мое несчастье...

— А почему вы в обычной стоматологии работаете?

— Вы думаете, что я могла бы иметь свою собственную клинику? Не отвечайте: это не вопрос. Я знаю, что вы так думаете. Да, могла бы владеть собственной клиникой, но я не хочу...

— Я понимаю, ваш отец и братья ведут не совсем честный бизнес, но у них есть и вполне легальные деньги.

— Деньги здесь ни при чем. Это моя форма протеста.

— А против мужа не протестуете? Я имею в виду его образ жизни. Как-никак, он член вашей большой семьи.

— Мне совсем не нравится его образ жизни. И боюсь, что Семен втянул его в свои дела...

— В черные дела?

— Я вас не поняла, — Юлия напряженно смотрела на Павла.

И страх в ее глазах, и смелость — все вперемешку.

— Семен втянул вашего мужа в черные дела. Вы это хотели сказать?

— Может, и хотела, но не сказала.

— А я слышал, что сказали.

— Ничего я не говорила. И ни во что Семен Эдуарда не впутывал.

Она снова опустила глаза, не в силах выдержать его взгляд. А ведь он даже не пытался давить на нее.

Какое-то время они молчали, каждый думая о своем. А может, и об общем...

Первой заговорила Юлия.

— Семен очень активный, — будто размышляя вслух, сказала она.

— И очень опасный, — продолжил Павел.

— Я этого не говорила. Но все может быть... Он очень многое про вас узнал.

— Это я уже понял.

— Это правда, что у вас погибла жена? — опустив голову, дрогнувшим голосом спросила она.

— Правда.

— И она была похожа на меня? — еще больше сникла она.

— Правда... — Павел сглотнул. — Только не пойму, зачем он вам это сказал?

— Он очень злился на вас за то... В общем, он думал, что вы использовали меня в своей игре.

— А сейчас он что думает?

Волнение усиливалось, и ему казалось, что его ноги буквально приросли к полу.

— Он думает, что я вам понравилась, — краснея, выдавила она.

— И это можно как-то использовать в игре против меня? — ляпнул он.

— Ну, зачем же вы так?..

— Ваш брат — опасный человек, от него всего можно ждать.

— Но я не опасная. И его игры меня не интересуют.

— Ну как же? Ваш муж мог стать частью этой игры.

— Мой муж меня не любит...

Видимо, это признание далось ей с огромным трудом, и на него ушли все ее душевные силы. Она замолчала, не в состоянии продолжать разговор.

Молчал и Павел, подавляя в себе искушение обнять эту беззащитную, как ему казалось, женщину, утешить ее ласковым словом. В какой-то момент ему показалось, что этим он искупит свою вину перед покойной женой, но он сам же над этой своей глупостью и посмеялся. Лена — это одно, а Юлия — совсем другое. Да, они в чем-то похожи, но вовсе не взаимозаменяемы. И Лена не обрадуется, если он заведет роман с этой женщиной. И будет тихонько плакать там, на небесах, наблюдая, как он пытается изменить ей. Будет плакать, как делала она это по ночам, когда он спал с другими женщинами...

— Мне уже пора.

Уходить ему не хотелось, но он заставил себя подняться.

Юлия молча кивнула и проводила его до калитки. Они расстались, не сказав друг другу ни слова.

глава 9

Отец не пытался давить своей мощью, хотя мощи и силы у него не отнять. Крупная голова в мелких и жестких кудряшках, широкий, густо перепаханный морщинами лоб. Надбровья настолько массивные и резко очерченные, что Семену иной раз казалось, будто это нижний срез шлема, собранного из костей черепа, украшенного кудрявыми волосами и натянутого на лицо. Широкий мясистый нос, тяжелая челюсть, могучая грудь, густо поросшая седыми волосами, сильные руки, выпуклый, но упругий и мощный живот...

Он умел смотреть на собеседника, медленно и глубоко вонзая в него остроиронический взгляд. При этом он мог зевать, хлюпать носом, скрести нестри-

женными ногтями по волосатой груди, но верх в разговоре всегда оставался за ним. И будь ты хоть датским принцем, эталоном светского этикета, все равно будешь ощущать перед ним свое собственное ничтожество... Он не давил, но подавлял.

— Почему мой зять до сих пор в тюрьме? — спросил он, смахивая кроличью косточку.

Вся семья в сборе — отец, сыновья с женами. Не хватало только Юлии. Но к этому все давно уже привыкли.

— Потому что пальчики сошлись, — сконфуженно отозвался Семен.

Прав он был или виноват, он всегда чувствовал себя неловко перед отцом. Даже сейчас, когда тот, занятый обедом, не смотрел на него.

— Какие пальчики?

Немного подумав, отец один за другим облизал свои пальцы, а затем вытер их о скатерть. Никто не обратил на это внимания. Все привыкли к его причудам. Более того, брали с него пример. Семен тоже после обеда мог вытереть руки об занавеску, но только у себя дома. В доме отца он мог получить за это крепкую затрещину.

— Менты считают, что преступник был в очках, — сказал Семен. — А на месте преступления они дужку от очков нашли с отпечатками пальцев...

— Это я знаю, — кивнул отец. — И дужка далеко от места убийства лежала. А то, что пальчики на ней, так Эдик мимо проезжал, случайно обронил, еще до того, как потерпевший образовался. Логично?

— Ну, так Эдик на этом и стоит. Только ему не верят.

— Алиби у него есть?

— Есть, — подал голос Лева.

У него не было пышной шевелюры, но и без нее он чем-то напоминал взрослого льва. Небольшие, суженные под углом глаза, широкий нос, крупные губы... И душа у него львиная, и тело...

— Я был в прокуратуре, и Катя со мной была, — отчитался он. — Мы сказали, что Эдик в момент убийства был с нами в спортзале.

Это перед отцом он вел себя, как прилежный мальчик. А в жизни мог нарычать на любого из братьев.

— И что, Эдик до сих пор баланду лаптем хлебает? — спросил отец, неодобрительно глянув на Семена.

— Следовательша там, я с ней говорил, она все понимает, но поделать ничего не может.

— Почему?

— Потому что улика железобетонная.

— Улика — это вещь. А любую вещь можно купить. Или вынести.

— Пытались. Но менты ее крепко спрятали... Есть там один упертый гад. Как клещ в Эдика вцепился. И улику так спрятал, что не найти. Следовательша его боится. Говорит, что он не совсем нормальный...

— Псих?

— Да нет, просто ничего не боится.

— Так не бывает, — уверенно мотнул головой отец. — Страх — это вторая душа человека.

— Он жену свою реально любит. С ума по ней сходит.

— Ну вот, дай ему понять, что жена может с работы не вернуться.

— Уже.

— Что уже?

— Не вернулась.

— Ну и что тебе это дало?

— Да нет, отец, ты не понял. Я к его жене отношения не имел. Кто-то другой постарался. Убили ее, по голове сильно дали...

— Кто?

— Ну, этого я не знаю. Мент по жизни борзый, мог дорогу кому-нибудь перейти.

— Мент, говоришь? — вмешался в разговор Стас.

Отец ценил его больше всех в семье, но не только потому, что он был старшим братом. Лева был правой рукой отца, Семен — левой, плюс к тому глазами его и ушами. А Стас был душой семьи. Если бы вдруг отца не стало, то его место, вне всякого сомнения, занял бы он. Он и на отца больше всех был внешне похож, и также умел подавлять моральной и физической мощью. К тому же его очень уважали в криминальном мире Старобоярска. Он был единственным среди братьев, кто сидел. Пять лет от звонка до звонка, и не важно, что за драку на дискотеке. Законный вор Дрема даже с отцом так не считался, как со Стасом, и даже был завсегдатаем ресторана, которым управляла жена Стаса.

А жена у него хорошая. И только Семен знал за ней один грешок. Не так давно Лера встречалась со своим бывшим одноклассником, у него на квартире. И что-то там было... Но Семен даже боялся подумать, чтобы рассказать об этом брату. Ну, согрешила Лера разок, похвасталась перед одноклассником, как междуножную мышцу накачала, не с одним же мужем радостью делиться... А если обвинить ее в измене, то и под горячую руку брата можно угодить. И Лера может исчезнуть, а она, как ни крути, представляла собой ценное звено в их общей структуре. И два брата у нее

взрослые, тоже при деле. Они не поймут, если вдруг что случится...

— Ну да, — кивнул Семен.

Он уважал своего старшего брата настолько, насколько ему же и завидовал.

— Никифоров его фамилия.

— Эта фамилия мне ни о чем не говорит, — в раздумье подняв брови, Стас ковырнул пальцем в ухе.

Сейчас он особенно был похож на отца, такой же бесцеремонный и на все двести процентов уверенный, что поступает правильно. Да никто и не усомнился в его праве залезть к себе в ухо за столом. Вот если бы это сделал Эдик, та же Лера с удовольствием ушипнула бы его взглядом.

— Слышал я, что у мента жену убили, — продолжал Стас. — То ли в феврале это было, то ли в марте. У меня даже разговор с Дремой на этот счет был. Залетные какие-то наскочили... Ну да ладно, не о том разговор.

— А нам не разговоры городить надо, а Эдика выручать, — строго, но с проблеском теплого чувства посмотрел на Стаса отец.

— Семен у нас этим делом занимается. Он воду замутил, ему и расхлебывать...

— Чего это замутил? Давно разговор шел, чтобы Эдика приобщить!

Но Стас уже не слушал Семена. Он сказал все, что хотел сказать, и сейчас, не обращая ни на кого внимания, рассматривал свою вилку, как будто не было на свете важнее занятия, чем это.

Зато отец по-прежнему держал в руках все нити разговора и тут же отреагировал на выпад сына.

— Нормально приобщил, — кивнул он. — И дело сделал, и парши хлебнул.

— Ему же лучше, — буркнул Семен.

На этот раз Стас удостоил его своим вниманием — исподлобья одобрительно глянул на него. Действительно, небольшой тюремный геморрой пойдет Эдику на пользу.

— Что-то мы не в ту степь заехали, — тряхнул головой отец. — Начали за здравие, а кончили за упокой. Ну и убили у мента жену, и что?

— Как что? Мент потому ничего и не боится, что без жены остался. Переживать за нее не надо. А может, любил ее очень, а потому и смерти ищет...

— Я сейчас заплачу, — хмыкнул отец.

Семен и сам не воспринял всерьез свою версию, но он заметил, с каким интересом смотрят на него Лера и Катя, жена Левы. Они хоть и пытались изображать из себя железных леди, но на деле были обычными женщинами и к подобным лирическим историям относились с интересом.

Он посмотрел и на свою жену, но Таня с отсутствующим видом помешивала сахар в чашечке кофе. Никифоров со своей женой ее нисколько не интересовал, сейчас ее мысли были заняты тортом, который подала горничная. Любила она сладкое. Поэтому за каких-то два года после свадьбы из юной тонкостанной красавицы превратилась в роскошную полнотелую даму. Семен заставил ее ходить в спортзал, но при всем старании ей только и удавалось, что держать вес на одном уровне. И все потому, что не могла отказать себе в сладком. Если бы не спорт, давно бы уже превратилась в отвратительную толстуху.

— Это еще что, — желая угодить Лере и Кате, протянул Семен. Да и отца не мешало бы встряхнуть, чтобы не умничал. — Этот мент в нашу Юльку втюхался.

Отец долго молчал, глядя на него удивленными глазами.

— Ты это зачем сказал? — наконец, спросил он. — На публику работаешь?

Иногда Семену казалось, что отец читает его мысли. А в детстве он всерьез полагал, что батя знает про него все. Даже побаловать себя ночью под одеялом боялся, потому что об этом мог узнать всевидящий отец, посрамить его перед братьями...

— Зачем на публику? Юлька наша на его жену похожа. Ну, ему так кажется... Как бы у них роман не начался.

— Какой роман? — поморщился отец. — Думай, что несешь! Чтобы моя Юлька с ментом?!

— Мент он или не мент, но если любит — это сильно, — грудным с легкой хрипотцой голосом сказала Катя.

Худенькая, миленькая, изящная и даже нежная девушка... Но голос! Как будто она еще в животе матери в день по пачке сигарет выкуривала...

— Я же знаю, Эдик Юлю не любит. И Сашка ее не любил. А она страдает...

— Много ты знаешь! — недовольно покосился на нее отец.

Катя покорно опустила голову, а он все продолжал смотреть на нее, но уже сквозь ироничный прищур.

— Ну, чего замолкла, как невеста перед сватами? Что-то сказать хотела, говори.

— А что говорить? Может, Юля потому и воротит нос от семьи, что мужики ее не любят. Свет же не мил, если не любят...

Отец безмолвно хмыкнул и перевел взгляд на Леву.

— Сын, ты свою Катьку любишь?

— Люблю, — не задумываясь, ответил он.

Семен кивнул, соглашаясь. От своей жены Лева был без ума. Что, впрочем, не мешало ему иметь и содергать юную любовницу. Правда, об этом никто не знал. И сам Лева пребывал в наивной уверенности, что даже Семен ничего не ведает.

— И я его люблю, — сказала Катя. — Поэтому хоть к черту на рога за ним пойду.

— Пойдешь... Все мы туда рано или поздно пойдем, — махнув на нее рукой, скривил губы отец.

И внимательно, немигающим взглядом посмотрел на Семена.

— Что с ментом делать будем? — жестко спросил он. — Удалять его с поля надо. А как?

— Угрозами его не возьмешь.

— У него что, и детей нет?

— Есть. Дочка, восемнадцать лет. Так мент и здесь подстраховался. Сожитель у нее, так она с ним куда-то на юга умотала. Может, в Турцию, может, в Египет. Ждать, когда она вернется, глупо...

— Может, его самого в Сочи отправим, к жене? Турбюро у нас работает, чего бы путевочку ему не выписать?

— Не нравится он мне, этот мент. Очень не нравится, — покачал головой Семен. — Ничего не боится. Такой легко на живца согласится. Мы ему вручим путевку, а нас раз, и за руку... Да и Юлька нам этого не простит.

Майор Никифоров действительно очень ему не нравился. Но в то же время этот опер смог внушить ему уважение — прежде всего своей внутренней силой, о существовании которой не нужно было догадываться: ее мощное излучение чувствовалось на расстоянии. А как он умел владеть собой, а какая голо-

ва... Цены б этому майору не было, если бы он вдруг стал работать на семью.

— А Юлька что?

— Что-что. Запала на него Юлька. Баба есть баба, любовь ей подавай.

— У них что, роман? — нахмурился отец.

— Нет... Он у нее дома один раз был, когда с обыском приходил. С тех пор ни разу не появлялся. Но я-то был у нее, вижу, что сохнет баба...

— Сохнет?! — удивленно посмотрела на Семена Лера. — Ничего себе — сохнет! Расцвела, прическа новая, даже губы накрасила...

— Цыц! — беззлобно осадил ее отец.

Он взял в пальцы зубочистку, задумчиво посмотрел на нее и вместе с пальцами глубоко засунул в рот, глубокомысленно поковырялся в зубах.

— С Юлькой я поговорю, — проглотив кусочек застрявшего в зубах мяса, сказал он. — А с ментом надо что-то решать, если он такой упертый...

— Есть у меня одна идея, — отозвался Стас. — Не знаю, выгорит она или нет, но попробую. А Эдик пусть пока за решками посидит, жирок стряхнет, ему полезно...

— Значит, с ментом пока решили, — выдержав паузу, решил отец. И, не сводя глаз со Стаса, резко спросил: — Тут у нас еще одна проблема, говорят, образовалась или врут?

— Проблема. И ее надо решать...

Семен знал, о какой незадаче шла речь. В городе вдруг объявилась небольшая швейная фабрика. Все бы ничего, но владелец этого предприятия вышел на рынки города, открыл там фирменные бутики, начал продавать одежду. За аренду он платил исправно, но дело не в этом, а в том, что товар начал вдруг пользоваться

ваться повышенным спросом. Но закон сохранения энергии еще никто не отменял, и если в одном месте прибыло, то в другом — обязательно убудет. Склады на рынке чуть ли не под завязку забиты китайской контрабандой и контрафактом, и все это как-то нужно реализовывать. Но спрос на эту продукцию упал, а значит, Семья теряла в деньгах. И виновата в этом была чересчур активная и оттого успешная фабрика. Это проблема и беспокоила отца.

— Я лично говорил с директором, — сказал Стас. — Цену, сказал ему, поднимай. Хватит, говорю, демпинговать. А он — какой демпинг? Закон рынка... Обрудование у него импортное, мастера классные, материал дешевый, отсюда и низкая себестоимость. Оборот высокий, вот и прибыль. А цена снизит оборот... В общем, невыгодно ему.

— Нас его выгода не волнует.

— Я ему сказал, что аренду в десять раз поднимем, он ответил, что площадь под магазин присмотрел, рядом с рынком... Магазины, сказал, откроет...

— Магазины еще зарегистрировать надо.

— Ничего, на откат у него денег хватит... Мы, конечно, можем его деньгой перешибить, но накладно это. Да и опять же, Пауку выгодно, чтобы фабрика работала и торговала. Он ее охраняет... Крыжов потому и быкует, что на Паука надеется. А Паук мужик умный. И смелый...

— Говорят, смелого пуля боится... — начал было отец, но замолк, глянув на Татьяну. — Перекурить нам пора. И на улице вроде бы распогодилось...

Савелий Федорович Бурыбин доверял женам своих сыновей и зачастую вел при них опасные разговоры, но когда дело касалось конкретных действий, старался обходиться без них.

Отец и сыновья вышли на открытую веранду большого дома, которая выходила на березовую рощицу, что спускалась к реке. С утра шел дождь, а к обеду небо просветело, выглянувшее солнце просушило траву и листья деревьев.

Ждан зацепил по пути кресло-качалку и умудрился опрокинуть его. Но на это никто не обратил внимания. В семье все уже давно привыкли к его медвежьей неуклюжести.

Он действительно чем-то напоминал медведя: также шатко стоял на ногах, как тот — на задних лапах. Но это вовсе не значило, что Ждану нельзя было доверить важное дело. Как медведь в минуту опасности превращается в быстрого и пластичного зверя, так и он становился ловким и стремительным. Ему приходилось лично убивать людей, и при этом он ни разу не дал осечки...

Отец сел в кресло, закурил. Но компанию ему составил только Лева, он был единственным из братьев, кто совмещал здоровый образ жизни с табачным дымом.

— Хорошая погодка... — сказал отец, ладонью растирая грудь. — Все хорошо. Жаль, что матери нет, не видит она, какими вы стали. И дом она этот не увидела... Ну почему такая несправедливость?

Глаза его увлажнились, но слеза так и не выступила.

Семен едва достиг совершеннолетия, когда умерла мать. Для него это была трагедия, а отец и вовсе чуть умом от горя не тронулся. Горькую запил, а когда опомнился, бизнесом вдруг решил заняться. Велосипед они изобретать не стали, арендовали площадку на Северной окраине города, организовали рынок... И дело так раскрутилось, что сейчас каждый из сыно-

вей жил в собственном особняке, рядом с отцовской виллой. Отец, правда, долго не хотел переезжать сюда из старого дома, где столько лет был счастлив с матерью, но Стас все-таки уговорил его.

Живет он себе здесь потихоньку на трехстах квадратных метрах, рулит семейным бизнесом, а чтобы не скучать, тешит себя время от времени своей не первой свежести, но вполне симпатичной горничной. Привязанность эта не сердечная, просто отцу нужно время от времени разгружаться, избавляться от излишков природной силы. Но Семен тщательно следит, чтобы горничная Инга вдруг не стала его мачехой. Остальные в семье даже не знают, что отец с ней спит. Может, и догадываются, но уж точно не судачат об этом.

— Смелого пуля боится, — вспомнив о деле, повторил отец. — Только что-то я в это не верю. Семен, ты как считаешь?

— Перед пулей все трусы,

— И Крыжов тоже должен трусом оказаться.

— Лучше без пули обойтись, — покачал головой Стас. — Говорю же, в этом деле проблема с Пауком вырисовывается. Ему не понравится, если фабрика перестанет доход приносить.

— Пусть приносит, только пусть подальше от наших рынков.

— Крыжов не хочет этого понимать.

— Значит, придется его напугать. Очень-очень сильно напугать.

— Под несчастный случай лучше сработать, — гнуя свое Стас. — Чтобы Паук не всполошился. Нам с ним воевать не резон...

— Не резон, — согласился отец. — Но и бояться его не стоит. Нас должны бояться. Страх — это наш

главный калибр. Уберем Крыжова по-тихому, никто ничего не поймет. Кто-нибудь возьмет его бизнес и будет дальше рулить против нас. Должна быть показательная акция... Ну, не мне вам объяснять.

— Боюсь, Паук нас не поймет, — упрямко стоял на своем Стас.

— Значит, и Пауку ноги оборвем.

— За ним сила.

— За нами тоже... Не станет он с нами из-за какого-то деляги воевать.

— А я слышал, ему наш бизнес очень нравится.

— И нам очень нравится. И грызть за него Паука будем. Или нет?

— Будем. Но все-таки лучше его не злить.

Отец долго и пристально посмотрел на Стаса, осуждающе качая головой.

— Я знаю, сын, ты не трус, но твоя осторожность нам дорого стоит. Кто охраняет наши рынки? Паук. Почему я не могу чувствовать себя на наших рынках, как дома? Потому что там везде люди Паука. У нас контрабанда на миллионы, мы ее продаем, имеем с этого деньги. И при этом мы не можем чувствовать себя спокойно. Почему? Потому что Паук в курсе наших дел, он знает структуры нашего бизнеса, он знает, где хранится товар, возможно, знает схему, по которой он к нам поступает. Хотим мы этого или нет, но мы зависим от него. Я это понимаю. Ты тоже должен это понимать. Паук это понимает. Ты говоришь, ему нравится наш бизнес. Не сомневаюсь, что это так. Он Паук, а мы в его паутине. Пока что мы хозяева этой паутины. Но Паук уже подбирается к нам, чтобы вонзить нам в горло свое жало, высосать из нас кровь, оборвать крылья и распороть брюхо. Он не благородный сеньор, и ему не нужен повод напасть

на нас. Но ему нужно знать, способны ли мы отвествить на удар или нет. Возможно, Крыжов — та фигура, которую он поставил на кон против нас. Импортное оборудование, говоришь? Откуда оно взялось? Почему товар вдруг пошел валом? Не постепенно, а сразу, как будто метлой по морде, почему? Все это неспроста, сын. Это чья-то рука. И если копнуть глубже, выяснится, что за всем этим стоит Паук. А мы должны копнуть. И узнать. И ответить на этот вызов. А не ответим — Паук решит, что мы слабы. И нюх, скажет, потеряли, и силу... А у него нюх есть, и сила тоже. И он нападет первым. Тихо и по-быстрому передушит нас и завладеет нашим бизнесом. Со слабаками не церемонятся, сын. По правилам играют только с сильными, с тем, кто может подняться после удара. Нам бросают вызов, и мы должны его принять. И если вдруг Паук объявит нам войну, мы будем готовы к этому. А если не объявит, мы сами сожрем его... Семен, у тебя неделя срок, подготовишаь мне полный расклад по его силам — что, как и сколько.

— Да у меня, в общем-то, готово...

Семен знал расстановку сил, но только в принципе и в общих чертах. Надо было бы освежить информацию, еще раз прощупать болевые точки вражеской организации. Отец почувствовал его неуверенность, поэтому проигнорировал его реплику.

— А Крыжовым займется Лев. Пора тряхнуть гривой, сын, — распорядился он.

Лева попытался улыбнуться, но у него вышла грустная гримаса. Давно ему не приходилось участвовать в мокрых делах, всем этим в основном занимались Семен и Ждан, приобщив к этому неблагодарному делу братьев Леры. Максим и Валера уже, можно сказать, специалисты в этой области. Так что пусть Лева

возьмет их себе в помощь. Они такие же посвященные члены семьи, как Семен и Ждан, поэтому на них можно положиться...

— Если кто-то считает, что я излишне жесток, то пусть вспомнит, как мы шли к своей цели, — продолжал отец. — Мы начинали с нуля, и так бы и остались нулем, если бы не научились когтями цепляться за свои интересы и зубами вгрызаться в чужие. Мы шли через трупы, но мы шли и поднимались. Мы заставили азиков уважать наши интересы. Мы не даем развернуться Пауку, потому что он боится нас. Боится и уважает. И если он перестанет нас уважать, то нас просто сотрут с лица земли. А уважать он нас перестанет, если мы будем долго стоять на одном месте. А мы сейчас стоим, не лезем вверх, потому что успокоились. Дома у нас, машины, мир и благополучие. Жиреет и Паук, это ясно. Но он жиреет и смотрит, как мы деградируем. И думает, как нас поиметь... Он должен бояться нас. И уважать. Страх и уважение — два сапога пара. Одной ногой мы должны стоять на достигнутом, а другой — раздавить Паука. Или вы думаете, что он думает по-другому? Сомневаюсь. Очень сомневаюсь. Мир все тот же, что и в древности. Ничего не изменилось. Кто первым бьет, тот и побеждает. Кто хитро бьет первым... Начнем с Крыжова. И как только Паук высунет свой хобот, обрубим его одним ударом. А потом начнем рвать его паутину...

Отец выговорился, смахнул со лба выступившую от напряжения испарину, откинулся в кресле и устало закрыл глаза. Стариk засыпал... Жестокий, беспощадный старик. Но именно такого отца заслуживали его сыновья.

глава 10

Лихопасов сидел на стуле в позе обреченного — ноги расставлены, локти на коленях, взгляд опущен, подбородок безвольно лежит на груди. Ему не нужны были наручники: он не способен был на мятеж. У него даже на истерику не хватало эмоций, настолько он был подавлен.

Ему еще на прошлой неделе предъявили обвинение, перевели в следственный изолятор. А сегодня доставили в прокуратуру. Павел узнал об этом и, пока Цветкова проводила допрос, подъехал к ней. Ульяна уже закончила работу и на двадцать минут освободила свой кабинет для него. Причем сделала это с довольно кислым видом. Не нравилось ей, что Павел так упорно настаивает на виновности подозреваемого в убийстве. Причем так настаивает, что судья отклонил прошение об изменении меры пресечения.

Лихопасов имел жалкий вид. Зато его адвокат выглядел бодро и вел себя заносчиво. Павел занял место Цветковой, а защитник обвиняемого и не думал освобождать кабинет. Впрочем, это его право...

— Виктор Емельянович, на улице прекрасная погода, самое время пройтись, — раздраженно посмотрел на него Никифоров.

— Но я должен присутствовать при допросе, — высокомерно смерил его взглядом адвокат.

— Не будет никакого допроса. Просто беседа, без всякого протокола.

— Боюсь, что Эдуард Михайлович очень устал.

— А вы не бойтесь. Ему здесь лучше, чем в камере. Ульяна Григорьевна не разрешила ему здесь курить, а со мной — пожалуйста. Мы с ним покурим, поговорим по душам, правда, Эдуард Михайлович?

Лихопасов поднял голову, тускло посмотрел на Павла и согласно кивнул.

— Да, я бы перекурил...

— А Виктор Емельянович у нас не курит, — многозначительно заметил Никифоров. — Травить мы его не можем.

Лихопасов перевел взгляд на адвоката и движением головы показал ему на дверь.

— Ну, если клиент считает возможным...

Платный защитник исчез за дверью, и Павел достал из кармана пачку «Мальборо», угостил обвиняемого.

— За сигарету меня купил? — горько усмехнулся Лихопасов.

— Я тебя купил?! — Павел удивленно откинулся на спинку стула. — А я думал, тебя Бурыбины купили. Кем ты был до них? Никем. А кем стал? Директором казино. И убийцей!.. В камере тебя, наверное, уважают, да? Убийца там звучит круто... Как там в камере, Эдуард Михайлович? Хорошо? А может, все-таки плохо? Вонь, теснота?

— Не твое дело, мент! — озлобленно процедил сквозь зубы Лихопасов.

Но заглянуть Павлу в глаза у него не хватило духу.

— Смотри, как заговорил! Чувствуется школа. Ничего, впереди двадцать лет зоны, настоящим профессором оттуда выйдешь... Ты думал, что Бурбон тебя вытащит из той грязи, в которую ты сам себя загнал? Ошибаешься, наивный человек. Он уже крест на тебе поставил...

— Неправда. Меня обязательно отсюда вытащат, — мотнул головой Лихопасов.

— Вытащат, но только не на этот, а на тот свет.

Знаешь, как это в тюрьме случается? Утром проснулся, а голова в петле из полотенца...

— Исключено.

— Что исключено? Ты уже вторую неделю за решеткой. А в какой камере? В общей. А Бурбон мог бы тебе и отдельную камеру организовать, для него это несложно. Только ему это не нужно. Ты не просто убийца, ты еще и опасный свидетель. Тебя нужно убить. А в общей камере убить легче, чем в одиночной. Я тебе это говорю, да и сам ты это понимаешь.

— Понимаю. Но не боюсь.

— Ничего ты не понимаешь. И боишься... Тебе опасность грозит, очень большая опасность. И никто тебя не спасет, если ты сам себе не протянешь руку помощи... Ты не один Блинкова убивал, с тобой кто-то в машине был. Можешь не отвечать, я знаю, кто это был. Но ты должен официально показать на Семена Бурыбина...

Увы, у Павла не было никаких доказательств, что «десяткой» управлял Семен. Но чутье сыскаря указывало на него. Слишком уж бурную деятельность развел этот тип. И к Павлу подъезжал — просил, требовал, угрожал. И на Цветкову давил; она уже, бедная, жалеет, что связалась с этим делом...

За себя Павел не боялся, а дочь он отправил за границу. Но ведь когда-нибудь она вернется, и тогда Семен сможет взяться за нее. А чтобы этого не случилось, Семена самого нужно изолировать от общества, желательно вместе с отцом и со всеми братьями.

Когда имя Бурбона всплынет в таком деле, да еще с неопровергимыми доказательствами, тогда появится много желающих поучаствовать в процессе против мафии. Тот же начальник ГУВД все генерала никак получить не может, а тут представляется такая воз-

можность отличиться. Вне всякого сомнения, он ухватится за нее обеими руками. А как РУБОП мечтает взять Бурбона за бороду! Пусть дерзает. Павел же просто отойдет в сторонку и будет себе жить тихонько, не переживая за дочь.

— Показать-то я могу, — мрачно усмехнулся Лихопасов. — Но Семен ни в чем не виноват. Так же как и я. Я не стрелял, а он не управлял машиной...

— Пойми, это твой единственный шанс. Семен — это мафия. Ты признаешься в убийстве, обвинишь его в том, что он подговорил тебя, и тогда из обвиняемого плавно перейдешь в разряд свидетелей. А это — программа защиты свидетелей. Тебя освободят от уголовной ответственности, а после того, как Семен сядет, изменят внешность и сделают документы на новое имя.

— Побереги свою фантазию, начальник, — мотнул головой Лихопасов. — Ничего я тебе не скажу... Разве что пару слов. Пойми, мы — семья, и мы не бросаем друг друга в беде. Вот увидишь, меня скоро освободят.

— Не увижу.

— Может, и не увидишь. Потому что можешь и не дожить до этого счастливого для меня дня... А если доживешь, то я сам дам тебе прикурить. — Зловредно сощурившись, Лихопасов бросил в корзину немного обгоревший фильтр — единственное, что осталось от его сигареты.

Затем он снова опустил голову и безнадежно замолчал. Павел понял, что разговаривать с ним бесполезно, и передал его конвоиру.

Лихопасова увели, но Цветкова появилась не сразу. Павел даже успел проветрить кабинет. Впрочем, она все равно уловила запах дыма.

— Все-таки накурили, — попеняла она.

— Это не смертельно, — беспечно отозвался он.

— А что смертельно? — встрепенулась Ульяна.

— Ртуть, например. Или свинец. Особенно опасны сердечные капли из свинца...

— Да ну тебя! — Она посмотрела на Павла с капризной неприязнью. — Весело ему. Наломал дров, а я теперь отдувайся за него.

— Это ты про Лихопасова?

— Про тебя... Лихопасов ни в чем не признается.

— А дужка от очков?

— Он говорил, что утром случайно проезжал мимо гаражного кооператива... — Ульяна осеклась, прекрасно осознавая несостоительность столь глупой отговорки.

— Ну, проезжал. Сломал очки. Выбросил дужку за ненадобностью... И алиби у него есть?

— Есть. Одного алиби достаточно, чтобы закрыть дело.

— Так закрой.

— Ага! Чтобы ваш отдел на дыбы встал!

— Что, давит на тебя Бурыбин? — сочувствующе и даже без осуждения спросил он.

— Давит, — не стала скрывать она. — А у меня ребенок...

— Может, тебе лучше на административные дела перейти? Там проще...

— Каждый должен заниматься своим делом, — нахмурилась она, не желая продолжать разговор. — Ты бы шел, а? Своим делом заниматься!

Павел мог бы сказать, что у них общее дело на двоих, но ведь не для того она послала его, чтобы выслушивать прописные истины.

Он сухо попрощался с ней, вышел из кабинета. А в коридоре нос к носу столкнулся с Юлией.

В коридоре было сумрачно, гулко и безлюдно. Может быть, потому в первый момент у Павла возникло ощущение, будто он смеялся в параллельное измерение, где Лена была жива. И Юлию в этот момент он принял за покойную жену.

— Лена?! — оторопело протянул он.

— Я не Лена, — с таким же ошеломленным видом мотнула головой женщина.

— А я что, что-то сказал? — опомнившись, спросил он.

— Да, вы назвали меня Леной...

— Это у меня галлюцинации.

— И часто это с вами бывает?

— В основном по ночам. Когда во сне, когда наяву...

Павел зажмурил глаза, вспомнив недавнее видение.

Он поднялся среди ночи, отправился в туалет, а вернувшись, увидел покойную жену. Она сидела на своей половине кровати, спиной к нему и тихонько плакала, закрывая ладонями лицо. Он застыл как вкопанный, но вовсе не потому, что испугался. Просто он знал, что любое его неосторожное движение вспугнет призрак, и Лена исчезнет, растворится в темноте. А он хотел видеть ее, ощущать ее присутствие. И общаться он с ней мог, мысленно. Она плакала, а он беззвучно взывал к ней, говорил, что любит, не может жить без нее. Протянул к ней руки, и она исчезла...

Он ждал ее уже несколько дней, а она все не появлялась.

Павел понимал, что призрак жены — плод его во-

образения, вызванный чувством вины перед ней. Но лучше быть немного сумасшедшим, чем лишать себя радости таких вот тайных встреч.

— Вам плохо? — взяв его за руку, спросила Юлия.

— Да нет, все в порядке. Голова что-то закружилась... А вы здесь какими судьбами?

— Адвокат позвонил, сказал, что Эдуард здесь. Вот, передачу принесла, — сказала она, показав на сумку, которую держала в руке

— Передача — это, конечно, хорошо. Только увезли уже вашего Эдуарда... Хотя, может, он еще здесь. Сейчас посмотрим.

Павел вышел на задний двор прокуратуры и от дежурного милиционера узнал, что автозак с заключенными уже уехал.

Юлия ждала его на улице, у главного входа. В дневном свете можно было заметить, как она изменилась. И прическа интересная, и косметика на лице, и на губах мягкий глянец. Она по-прежнему сутулилась, но уже не так заметно, как прежде.

— Ну что?

Она пыталась изображать искреннее участие в судьбе мужа, но Павлу казалось, что это не очень хорошо у нее получалось.

— Увезли.

— Какая жалость.

Но слезинку выжать из себя она даже и не пытлась. Знала, что бесполезно.

— И не говорите...

— М-да.

Ей вовсе не хотелось говорить с ним о муже, но и начать разговор о чем-то другом, гораздо более для нее важном, она не решалась. И он старался избежать разговора, который мог стать для него своего рода ба-

нановой кожурой. Поскользнутся на чувствах и упасть в объятия женщины, которая, казалось, только этого и ждала... Но ведь у него есть Лена, память о ней. И чувство вины...

— Жаль, Эдуард не пообедал, — суетливо глянув на часы, сказала Юлия.

— Ничего, его накормят.

— Ему вообще-то шлют передачи... Семен говорит, что в камере его не обижают и продукты не отбирают.

— Что ж, тем лучше для него.

— А вот я подумала, может, и нам пообедать, — с чувством неловкости предложила она.

— Ну, я знаю одно место... — начал было, но тут же осекся Павел.

На ум вдруг пришел бар «Забегаловка». Может, потому, что он подсознательно воспринимал Юлию как свою жену? Но ведь она не Лена и никогда не станет ею. И вести ее в святые места просто кощунство.

— Я тоже. Тут ресторан неподалеку, — вне себя от смущения попыталась улыбнуться она.

— Надо, чтобы подалеку, — качнул он головой.

Вдруг в этот ресторанчик кто-нибудь из прокурорских пригласит Ульяну. Что подумает она, когда увидит, с кем обедает Павел? Только досужих вымыслов ему сейчас и не хватало.

— Кафе «Клеопатра», на Солнечной улице. Думаю, подойдет. Только давайте уедем отсюда порознь. Все-таки вы — жена подследственного...

— Да, да, вы правы, — кивнула она. И встревоженно посмотрела на Павла: — А вы приедете?

Павел вдруг вспомнил, как однажды собирался с женой к ее подруге на день рождения. Он не хотел

ехать, потому что вернулся с дежурства и очень устал. Но все-таки она уговорила его, и он согласился. Сказал, чтобы она ехала одна и ждала его на месте. «А ты точно приедешь?» — умоляющее смотрела на него Лена. «Ну, конечно же, дорогая, даже не сомневайся». Она поверила ему и уехала. Он побрился, принял душ и отправился за ней. Но так и не доехал, вспомнив, что в тот день была свободна одна из его любовниц. Он позвонил жене, сказал, что его срочно вызывают на службу, а сам провел ночь под чужим одеялом...

— Да, обязательно.

Больно было вспоминать, как он обманывал Лену. Именно поэтому он боялся обидеть Юлию...

Он обогнал ее непрятательный «Пежо» на своей еще более скромной «девятке». Помигал ей огнями аварийной системы, сбавил скорость, чтобы она ехала за ним.

Кафе находилось в сквере недалеко от набережной. В дневное время посетителей здесь было мало, а скучность меню с лихвой компенсировалась уютом и тишиной заведения.

— Я бы чего-нибудь выпила, — волнуясь, сказала Юлия. — Шампанского, например.

— В шампанском газы, — улыбнулся Павел. — А вам еще машину вести.

— Да, да, как-то не подумала...

Он спросил, что она будет заказывать. Юлия ответила, что согласна на любой его выбор.

Павел заказал борщ, голубцы и капустный салат. Сам о том не думая, он устроил женщине маленькую проверку. Лена бы на ее месте восприняла столь скромный заказ как должное... Юлия тоже привередничать не стала. И от борща не отказалась.

Ела она аккуратно, ложку ко рту подносила точно

выверенными движениями. Голову при этом держала высоко и не сутулилась, как обычно.

— Когда я ем, я глух и нем, — скрупо улыбнулся Павел.

— Да, все время молчим, — согласилась она. — Как будто поговорить не о чем... Вы допрашивали сегодня моего мужа?

— Вас это интересует? — в лоб спросил он, чем заставил женщину смутиться.

— Нет... То есть, конечно, да, интересует...

— Почему вам дали такое имя? Юлия...

— Бабушку мою так звали. А что?

— Да нет, просто подумал, что ваше имя соответствует вашему поведению. Сначала вы ответили мне правду, что муж вас не интересует. А потом начали юлить. Юлите, потому и Юля...

— А почему вы решили, что муж мне не интересен?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Мне почему-то так кажется. Вы ведь говорили, что муж не любит вас...

— Кажется, говорила... Но если он меня не любит, это совсем не значит, что я не люблю его.

— Не значит, — с горечью согласился он.

Его печалило не то, что Юля могла любить своего мужа. Он помнил, как сам относился к своей жене.

— Моя жена меня любила.

Сначала он произнес это, а потом уже понял, что думает вслух. Но остановиться, казалось, уже не мог:

— А я ее нет...

Он подозывал официантку и попросил принести сто грамм водки. Вроде бы и не собирался пить, но как-то само все вышло.

— Не любил я Лену. Самое страшное, что не лю-

бил... Это очень страшно. Очень-очень... Я изменил ей. Я гулял, а она страдала. А я не мог не гулять, потому что не любил...

Юлия с ужасом смотрела на него, как будто он признавался ей в том, что убил человека.

— А когда она погибла, я вдруг понял, что не могу жить без нее... Прямо по пословице, что имеешь, то не ценишь, а потеряешь — плачешь. Так вот, это совсем не то. Слишком это просто — не ценишь, а потом плачешь. Тут гораздо глубже. Даже не знаю, как это объяснить... Живешь, а души как будто нет. Живешь и думаешь: зачем нужна эта жизнь, если Лены нет? Пусто без нее, холодно. А она там, где-то наверху, ждет меня... Чувствую, что там, наверху. Знаю, что ждет... Может, и мне туда надо?

— Нельзя так! — качнула головой Юлия. Похоже, его слова произвели на нее сильное впечатление.

— И здесь нельзя... Дочь есть, она меня еще как-то держит. А все остальное какое-то ненастоящее. Меня даже работа моя не интересует... Знаю, что нужно убийц ловить. И ловлю. Но уже нет прежнего азарта, так, как будто на автопилоте все...

Официантка подала графинчик с водкой и две рюмки, одну поставила перед ним, другую перед Юлей.

— Не откажусь, — сказала она, отвечая на его немой вопрос.

— Если бы не дочка, давно бы уже утонул в этом, — сказал он, кивнув на рюмку.

— Да, из такого омута можно и не вынырнуть... Но мы же по чуть-чуть?

— Самую малость.

— Вы так остро рассказываете, что у меня прямо

мурашки по коже, — поежившись, заискивающе улыбнулась она.

— Не «вы», — мотнул он головой. — А «ты». Если я тебе это рассказываю, то мы не можем на «вы». А если ты не согласна на «ты», то, может, нам и не надо разговаривать?

— Надо!

— А зачем?

— Мне с тобой очень интересно. И я ничего не могу с собой поделать.

— Ты мне очень Лену мою напоминаешь. Смотрю на тебя, и будто в прошлое попал. Только я в прошлом ее не любил... Нет, любил. Но обижал... Я хотел бы оказаться с ней в настоящем. Но ее нет. И я ненавижу себя за прошлое. За прошлое, которое не вернуть...

— Почему ты изменял жене?

Юлия выпила, скривилась от водочной горечи. Со стороны могло показаться, что она боялась услышать его ответ.

— Почему я ей изменял?.. Я не думаю, что это сложно объяснить. Но я не хочу этого делать.

— Может, я попробую? Если твоя Лена похожа на меня, то она такая же некрасивая... Ничего, что я о ней так? — спохватилась она.

— Ничего, что ты о себе так?.. — усмехнулся он. — Мне казалось, что Лена некрасивая. Я сравнивал ее с другими, и она редко у кого выигрывала. Но ведь дело не в красоте. Дело в восприятии. Я часто вспоминаю прошлое... Нет, я живу им... Сейчас я точно знаю, что мне нравилось целовать ее, вдыхать запах ее кожи, волос. Просто я тогда не понимал, что мне это нравится. А сейчас я точно это знаю... Я люблю Лену. Я болен ею. Иногда мне кажется, что болен

умственно. Мне не нужны другие женщины. Мысль о них вызывает во мне чувство вины...

— Я даже не представляла, что так может быть, — с жалостью, но вместе с тем восхищенно смотрела на него Юлия.

— И не надо представлять, — мотнул он головой. И, задумавшись, добавил: — А может, и надо... Ты говоришь, что твой муж не любит тебя. Может, ему кажется, что он тебя не любит. Может, он не сможет без тебя жить, если вдруг...

Павел осекся и закусил губу.

— Если вдруг со мной что-то случится? — насмешливо спросила Юлия. — Но мне рано еще умирать. И не хочу я...

— Да нет, это я к слову... Ты извини.

— Не надо извиняться. Все мы когда-нибудь умрем... Но я не хочу умирать, чтобы посмотреть оттуда, — она вознесла взгляд кверху, — как он мучается. Он этого недостоин...

— Почему?

— Потому что недостоин.

Она сама подозвала официантку и попросила принести еще двести грамм водки.

Они закончили обед, но уходить не торопились. После того, как подсохло дно второго графина, Павел заказал третий. Тепло вдруг стало на душе, и в голове просветлело.

— Вот я сижу здесь, а мне кажется, что меня подвесили, как парашютиста на лямках, — сказала Юля.

Павел заметил, что ее язык потяжелел, стал хуже слушаться. И взгляд осоловел...

— Легкость чувствую, и в то же время от мыслей тяжело. Все думаю, думаю... Как же так, при жизни не любил, а потом раз вдруг...

— Почему раз вдруг? — не соглашаясь, покачал он головой. — Я Лену с детства знал, мы с первого класса жених и невеста. А после школы сразу поженились...

— Да, долгая у вас история, если так... А мы с Эдиком всего три года. И он меня не любил... Только я не жалуюсь, мне все равно. Ему отец мой нужен был, братья. И он все это получил, сполна... Я ему говорила, до хорошего они тебя не доведут. Не понял... Потому и сидит...

Павел увидел, что Юля смотрит на него в каком-то напряженном ожидании.

— Почему ты молчишь? — не вытерпев, удивленно спросила она.

— А что я должен говорить?

— Ну, ты же сыщик. Ты должен был за эти слова зацепиться. За что сидит?.. Может, я знаю что-нибудь такое интересное.

— Не хочу цепляться, — наполняя рюмку, мотнул он головой.

— Почему?

— Ты его жена... Нет, не то... Ты — это ты. Ты особенная. И я не хочу тебя использовать.

— А если я хочу, чтобы ты меня использовал? — жарко спросила она.

— Мне кажется, нам уже хватит, — сказал он, отодвинув графинчик.

— Не хватит... Вот я знаю, что на месте преступления дужку от очков нашли. А у меня из машины очки как раз пропали. Перед самым убийством и пропали... Узкие очки, потому и дужка сломалась...

— А парик? — спросил Павел с интересом, который к оперативно-розыскной работе имел лишь смутное отношение.

— Что парик? — не поняла Юля.

— Эдик твой в парике был. В женском, я так понимаю. Где он парик мог взять? Может, тоже у тебя?

— Не было у меня парика... Что, все-таки проснулся в тебе сыщик?

— Может, сыщик. А может, кобель... У Лены был парик. Корсет, чулки, парик блондинки... Разжечь меня хотела.

— И что, разожгла? — с жадным интересом спросила Юля.

— Ну, в общем, да...

Он не стал говорить, что обозвал тогда жену шлюхой. Промолчал, чтобы еще больше не возненавидеть себя.

— А у меня париков нет, и Эдика я не разжигала... Может, зря?

— Зря, — не задумываясь, согласился он.

— Почему? — с провокационной улыбкой спросила она.

— Потому что не для него ты... — мотнул головой Павел и одним глотком осушил свою рюмку.

Действительно, почему-то какой-то Эдик должен зажигать на Юле? Ведь не для него же она создана... А для кого?

Он не стал искать ответ на этот вопрос. Но достал сигарету, нервно закурил.

Но этот вопрос очень заинтересовал Юлю.

— А для кого?

Неопределенно пожав плечами, он сосредоточил взгляд на тлеющем кончике сигареты.

— Может, для тебя? — не унималась она.

— Не думаю.

— Почему? — спросила она, пытаясь за беспечной улыбкой скрыть обиду.

— Знаешь, мне с тобой очень интересно. Сижу с тобой и таю... Но Лена здесь, перед глазами... Ты очень на нее похожа. Но ты — не Лена... И я не смогу с тобой вернуть прошлое...

— Конечно, не сможешь, — посуворела она. — Потому что я не с тобой... У меня есть муж, дети. Кстати, мне уже пора за ними ехать...

Она достала из сумочки кошелек, попыталась вынуть деньги, но Павел не позволил ей этого сделать. Но ее саму даже не попытался удержать. Ведь она уходила вместе с искушением, которое собой представляла.

Юля ушла, а душа сжалась от образовавшегося в ней вакуума. Голова свесилась на грудь, а рука потянулась к рюмке... Осушить графинчик — и домой, купить по пути чекушку, выпить под одеялом, чтобы заснуть, ни о чем не думая... А то, что рабочий день не закончился и на службе дел невпроворот, об этом Павел и думать не хотел. Все равно, что там да как. А если вдруг уволят по несоответствию, то не страшно. Все равно ведь нет никакого смысла жить дальше. К Лене нужно, туда, за облака, ждет она его там...

А если нет, если не ждет? Если нет никакой загробной жизни?..

— Э-э, нет, так не бывает, — вслух не согласился он с самим собой.

И снова наполнил рюмку.

— Есть жизнь на Марсе, я же чувствую...

— А если нет?

Он вскинулся, услышав женский голос. Поднял голову и в мерцающей дымке увидел сидящую за столом Лену. Он уже привык к таким видениям. Единственно, что удивляло его сейчас, что призрак появился в людном месте и заговорил.

— Должна быть... Ты же меня ждешь?

— Где?

— Там, на небесах... Лена, я давно пытался тебе сказать...

— Я не Лена. Я Юля.

Дымка рассеялась, одурманенное хмелем сознание прояснилось, и до Павла дошло, что действительно перед ним Юля. Ее черты лица, ее костюм. Только взгляд такой же, смущенно-влюбленный, как у Лены.

— Ты вернулась?

— Как видишь.

— А как же дети?

— Они все равно у бабушки. Она будет только рада, если они у нее останутся.

— Хорошо, когда есть бабушка, — кивнул Павел. — И дедушка — тоже хорошо... Плохо, если дедушка нехороший...

— Если ты про моего отца, то я к нему своих детей не вожу... У Эдика очень хорошая мама, и она очень любит детей. И ей все равно, что Соня ей не родная...

— От первого мужа?

— Да... Его убили. Эдика посадили, а Саша погиб. Бандитская пуля...

— Во славу семьи? — в саркастической усмешке скривил он губы.

— Проклятая слава... Раньше отец хорошим был, складом на заводе заведовал. Он же сидел, если ты не знаешь. После армии попал в нехорошую компанию... Но ведь он все равно хорошим был. Если бы ему не доверяли, завскладом бы не поставили. А поставили, потому что доверяли. И дом у нас был свой. Старый, от пррабабушки, но я же помню, отец всегда

что-то делал: то красил, то крышу стелил, то забор... Он всегда хозяйственным был. И о семье заботился. И маму очень любил... А когда мамы не стало, он с ума стал сходить. Почти как ты. Он же до сих пор не женился, потому что ее любит...

— Понимаю, — неожиданно для себя растрогался Павел.

— Я вижу, что понимаешь, — робко и тепло улыбнулась Юля.

Она сейчас так была похожа на Лену, что Павел едва справился с желанием нежно ее обнять, привлечь к себе, пригреть, приласкать... А ведь она бы не отвергла его, если бы он вдруг позволил себе такую смелость.

— Только не понимаю, зачем он людей убивает, — спросил он, чтобы отогнать непрошеное наваждение. — Может, он правда с ума сошел?

— Не знаю, может быть... — пожала она плечами. — Он собрал нас всех, сказал, что бизнесом решил заняться. Я тогда только-только начинала работать. Но у меня профессия хорошая была, меня бизнес не интересовал. А Стас и Лева как неприкаянные были — техникум закончили, а работы нет. Семен из армии вернулся, Ждан еще учился. Им всем эта идея понравилась, взялись за дело... Ты представь, пустырь на окраине города, а надо из него рынок сделать. И это при том, что в городе уже были другие рынки. Но ничего, они справились. Ограду поставили, ряды построили, худо-бедно дело пошло... Потом и муж мой присоединился. Чем больше становился рынок, тем больше возникало проблем. То чиновники со всякими проверками, то милиция... И криминал, конечно же, куда без него?.. С чиновниками проблему решали, с криминалом... С азербайджанца-

ми конфликт вышел, из-за цветов, кажется. А может, это повод был. В общем, война, стрельба... Сашу моего убили... Потом Эдик появился... Но и его я потеряла...

— Ну почему же потеряла? Признание своей вины и хорошие адвокаты — это всего десять лет тюрьмы. А потом есть еще условно-досрочное освобождение. Ты еще молодая, дождешься.

— А если я не хочу ждать? — Юля пронзительно и даже с вызовом посмотрела на Павла. — Если я не могу жить с человеком, который убивает...

— Его вина еще не доказана.

— Это ты мне говоришь?.. Не надо ничего доказывать, мне и без этого все ясно.

— Я бы мог сказать, что у твоего Эдика есть алиби.

— Так скажи.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что ты можешь понять меня превратно. Подумаешь, что я нарочно провоцирую тебя. Чтобы ты дала показания против своего мужа... А я не хочу этого. Даже больше тебе скажу, я не хочу, чтобы он сидел. Он там, а я здесь, с тобой. Это нечестно. Честно, когда он на свободе, а я с тобой... Меня его право на тебя не волнует. Меня волнуешь ты сама...

Юля поджала губы, похоже, для того, чтобы сдержать наползающую на них счастливую улыбку. И глаза опустила, чтобы не выдать засветившийся в них радостный огонек.

— Я не должен был этого говорить, но и молчать не могу. Мне хорошо с тобой, тепло и светло... И я не хочу, чтобы ты уходила.

— Тогда не прогоняй меня, — тихонько проговорила она.

— Я тебя не прогоняю.

— Прогоняешь... Мне, кажется, нам сегодня без такси не обойтись, — сказала она.

И подозвала к себе официантку, заказав бутылку водки и горячие блюда.

— Только водку в бутылке, — заметно заплетающимся языком потребовала она. — А то знаю я вас...

— Что ты знаешь? — весело спросил Павел, когда официантка отошла.

— Знаю... Мне Эдик рассказывал, как они к пьяным относятся. И обсчитать могут... А в графинчик остатки недопитой водки сливают...

— Остатки сливают не только пьяным, — насмешливо заметил он.

— А нетрезвым тем более... Будем надеяться, что нас не обманывали! — Она медленно помахала указательным пальцем перед собой.

Или она и вправду была пьяна, или притворялась, чтобы хоть как-то оправдать кажущуюся ей нескромность своего поведения.

И в последующем она налегала на водку, чтобы раскрепоститься. Как будто чувствовала, что Павел не предложит ей продолжить наступивший вечер вместе и где-нибудь в уединенном месте.

А он действительно не мог позволить себе такую смелость. Тем более пригласить Юлю к себе домой, где все дышало Леной. Даже сильно выпив, он не желал изменять своей жене. И неважно, что Юля была похожа на нее и пахло от нее родным...

Юля долго смотрела на опустевшую бутылку, ждала, когда он сделает шаг навстречу. Но Павел упорно молчал.

— Я бы еще немного выпила, — сказала она, с трудом пошевелив языком. — Только не здесь...

Он видел, как она мечтается между «за» и «против». Она не хотела уходить отсюда без него, но и первой сделать предложение боялась. К тому же у нее муж в тюрьме, и ей никак нельзя было быть с человеком, который его посадил... Но все же по ее глазам было видно, что «за» перевешивает «против». Павел ждал, что Юля предложит отправиться к ней домой. И готовился ответить мягким «нет». Но она молчала. Тогда он заговорил сам:

— Мне кажется, хватит. Домой пора.

Сейчас она предложит ехать к ней. А он в ответ скажет, что это как минимум неэтично. Сначала он отправил ее мужа в тюрьму, а потом остался с ней наедине в обстановке, которую иначе, как интимной, не назовешь.

— А ты меня проводишь? — спросила она.

Юля слегка подкорректировала свое намерение, и он уже не знал, чем ей ответить. Как мог он, мужчина, отказать dame в том, чтобы проводить ее домой. Она сочтет его трусом, а он этого не заслуживает.

— Да, конечно.

Они вышли на улицу. Половина девятого вечера, но солнце еще висит над горизонтом. Июнь, темнеет поздно. Хорошо это или плохо? Пока Павел, слегка покачиваясь, искал ответ на этот вопрос, Юля остановила машину, назвала адрес и чуть ли не силой втащила его в салон на заднее сиденье.

— Я знаю, что веду себя как последняя... Но я ничего не могу с собой поделать! — заявила она и обвила руками его шею.

Целоваться она не умела, но какими сочными и сладкими казались ее губы...

Он вспомнил, как однажды возвращался с Леной с какой-то пьяной вечеринки. Так же как и Юля сей-

час, Лена тоже была порядком подшофе. И вот так же, в такси, полезла к нему целоваться... И губы у нее были такими же вкусными, как свежая клубника, но он откликнулся на ее призыв очень вяло, да и хватило его не более чем на минуту. А дома, в постели он лишь исполнил свой супружеский долг, но совершил это без души...

Но может, прошлое возвращается? Вот Лена снова лезет к нему целоваться, он может обнимать ее, наслаждаться ее лаской... И в постели он докажет ей, как сильно ее любит...

Машина остановилась, и только тогда Лена... Нет, Юля оторвалась от него, полезла в свою сумку, достала ключи, нашупала кнопку брелка, и створка ворот медленно поползла в сторону.

— Уже приехали? — удивился Павел.

Казалось, и пяти минут не прошло с тех пор, как они отправились в путь.

— Пожалуйста, во двор, — обращаясь к водителю, попросила Юля.

— Ну, как скажете, — скабрезно, как показалось Павлу, усмехнулся прыщавый парень с бакенбардами чуть ли не до подбородка.

Павлу очень не понравилось поведение водителя, может, потому он и не возмутился, что Юля его не отпускает. А может, он просто не хотел расставаться с ней?

А Юля жала на кнопку другого брелка, и Павел видел, как поднимаются гаражные ворота.

— В гараж, если можно...

— Ну, в гараж, так в гараж... Только у меня жена, — хихикнул парень. — И я третьим с вами не могу. Вы уж сами как-нибудь, ладно?

Машина заехала в гараж, остановилась, и только тогда до Павла дошел смысл сказанных слов.

— Третим?! — вскипал он. — Ты кому это говоришь, сосунок!.. Да я тебя сейчас здесь в яме похороню!

Он потянулся к водителю, будто клешней схватил его за горло.

— Извинись, быстро!

— Простите, пожалуйста! — в паническом ужасе прохрипел парень.

— Не надо, пожалуйста! — вступилась за него Юля. — Он же просто дурачок.

— Вали отсюда, дурачок!

Павел отпустил его, достал из кармана несколько сотенных купюр, бросил на переднее пассажирское кресло.

— И за языком следи, а то когда-нибудь без головы останешься, — успокаиваясь, сказал он.

— Да, да, конечно...

Они с Юлей вышли из машины, а таксист резко сдал назад, выехал из гаража и пронесся через двор, едва не зацепив за чашу фонтана.

— А ты что, мог бы его задушить? — удивленно посмотрела на Павла Юля.

— Вряд ли. Но морду ему надо было набить.

Он вспомнил, как однажды они с Леной гуляли в парке. Она тогда была еще молодой и привлекательной. Над городом уже сгущались сумерки, когда они возвращались домой. Они шли по безлюдной парковой аллее, проходили мимо лавочки, на спинке которой сидели двое. Они не пытались приставать к ним, но один другому с матом сказал, что не отказался бы от Лены. Прозвучало это тихо, но Павел услышал и взорвался. Пришлось потом в реанимацию ходить,

извиняться перед говоруном... Значит, все-таки любил он Лену, если так возмутили его чьи-то притязания на ее тело.

— Ты такой ревнивый? — с провоцирующей улыбкой спросила она, нажав на кнопку пульта, чтобы закрыть въездные ворота.

Видимо, на это она истратила последние силы и, чтобы не упасть, оперлась о стену.

— А кого я ревновал?

— Меня... Или нет?

— Ну, это не совсем ревность. Это больше оскорбление...

— Но ревность все-таки была? — с надеждой спросила она.

— Может, и была... Что мы здесь делаем?

— Идем ко мне домой, — кивком головы показала она на дверь, через которую из гаража можно было попасть прямо в дом. — Ты обещал меня проводить.

— До кровати?

— Какой ты! — кокетливо хихикнула она.

И снова привела в действие пульт дистанционного управления. На этот раз стали закрываться гаражные ворота. И в гараже стало стремительно темнеть.

Юля попыталась оторваться от стены, но пошатнулась и снова прилипла к ней. Движением руки призвала Павла на помощь. Отказать он ей не смог, обнял за талию и вместе с ней прошел в круглый холл с белым полом. Здесь было светло и без электричества. А светлый кожаный диван с удовольствием принял в свои упругие объятия пьяную женщину.

— Ты обещал до постели... — вращательным движением руки показала она в сторону лестницы.

— Может, немного выпьем? — спросил Павел.

В машине он уже потерял над собой контроль, в

пьяном бреду смешав в одно и Юлю, и Лену. Он остро чувствовал в себе мужчину и знал, что не остановится, если Юля снова окажется в его объятиях. Он снова найдет оправдание себе, а это прямой путь к измене... А завтра он уже не сможет найти себе оправдания, и как же горько тогда будет на душе... Он должен понимать, что Юля и Лена — это вовсе не одно и то же. И алкогольное опьянение вовсе не предлог, чтобы терять над собой контроль.

— Да, конечно... Может, я что-нибудь приготовлю? — заплетающимся языком, неуверенно спросила она.

— А сможешь?

— Э-э, не знаю...

— Может, я сам посмотрю, что там в холодильнике?

Он нашел бутылку водки, сыр, колбасу, банку с огурчиками. Больше ничего и не нужно.

Юля лежала на диване — пьяная и веселая. Она кое-как села, чтобы взять поданную рюмку.

— За любовь? — спросила она.

И протянула к Павлу свободную руку, чтобы обнять его за шею. Уклоняться он не стал, но и вплотную приближаться к ней тоже...

— Думаешь о своей Лене? — с грустью спросила она, догадываясь, какая смута у него на душе.

— Думаю.

— Ты очень-очень ее любишь. Я не спрашиваю, я ей завидую...

— Нечему тут завидовать. Она ничего не получала, пока была жива.

— И я ничего не получаю... Саша не любил меня. Эдик тоже... А я любви хочу... Ну тебя к черту, Паша!

Отчаянно махнув рукой, она потянулась к бутылке. Но он опередил ее, сам наполнил рюмку.

— Не надо к черту. Я к ней хочу. А она не у черта, она хорошая была... Она ждет меня на небе.

— Ты сумасшедший... Я такая же... Два сапога пара... Только ты не хочешь, чтобы мы были в паре...

— Может, и хочу. Но Лена перед глазами стоит. И она не хочет...

— А может, хочет... Я правда сумасшедшая, если такие мысли в голову лезут.

— Какие такие?

Юля протянула рюмку, чокнулась с ним и выпила. Долго кривилась от горечи, потом сказала:

— И Лена с тобой... И я с тобой... Ты никогда не пробовал втроем?

— Что? — не сразу понял он.

— Да этот глупый таксист сказал, так же глупо подумала и я... — Юля покраснела, но продолжала смотреть Павлу в глаза. — Ну, это совсем не то, что он сказал... Я живая, а Лена нет. Мы как бы вдвоем, но Лена с нами. И ты со мной, но как будто с ней... Так она поймет, как ты ее любишь. А то, что ты там думаешь о ней, убиваешься, это все не то. А если ты будешь со мной, как с ней, тогда она поймет... Только ты не думай, что я этого хочу. Просто мне тебя жаль... Что это я такое говорю! Ну, конечно, хочу... Хочу! Потому что сумасшедшая! Такая же, как и ты... Говорят, сумасшествие не заразно. А мне так уже не кажется... Ну, чего же ты молчишь?

— Мне кажется, что это не только сумасшествие. Это еще и какое-то извращение.

— Никогда еще не извращалась...

— Может, и начинать не надо?

— А ты сам как думаешь?

— Давай выпьем!

— Я уже пьяная... Голова уже не в порядке... — накрыв глаза ладонью, запинаясь, проговорила Юля. — Несу какой-то вздор... Только почему-то не противно... Что со мной, а?

— Пить надо меньше.

— Зачем тогда наливаешь?

— Не хочешь, не пей.

Но Юля выпила. Раз, другой... Сначала она замолчала, не в силах ворочать языком, затем закрыла глаза и, свалившись на диван, заснула.

Досталось и Павлу. Он должен был встать и покинуть этот дом, но водка расслабила его так, что лень было напрягать мышцы. Он решил немного посидеть в тишине, чтобы прийти в норму, но сон одолел и его.

Проснулся он среди ночи, пьяный и тяжелый. Юля спала на диване, подобрав ноги. Он поднялся, снял со стола на кухне скатерть и накрыл женщину. Немного постоял, любуясь ею, а затем ушел...

глава 11

Дождь давно уже прошел, а щетка дворника переверсом, с гулом и скрипом скребла по лобовому стеклу. Гром над городом не гремел, но молния все же сверкнула. Она ударила водителя темно-синей «Хонды» точно в лоб, оставив после себя маленькую дырочку с кровавой каймой. На лице покойника застыла гримаса предсмертного ужаса. Он сидел за рулем своего автомобиля, когда к нему подошел убийца; он видел, как тот направлял на него пистолет и, прежде чем умереть, успел испугаться, что называется, до смерти.

Киллер ушел, а машина так и осталась стоять на светофоре. Сначала к ней подъехал экипаж ГИБДД, затем оперативно-следственная группа. Павел уже собирался ехать домой, когда в кабинет к нему зашел Стрельнев и велел ехать на Олимпийскую улицу, где произошло убийство. Он подъехал сюда одновременно с начальником управления по борьбе с организованной преступностью.

Место происшествия давно уже было оцеплено, автомобили пущены в объезд, и светофор сиротливо мигал желтым светом. Все, не видать больше покойнику зеленого света.

— Майор, ты убийство на Гаражной улице расследовал? — обращаясь к Никифорову, спросил полковник Харчев, главный рубоповец.

Этот кряжистый мужчина с темным, будто дубленым лицом был в штатском, но Павел не раз встречался с ним по роду службы и прекрасно знал, кто он такой.

— Я.

— Была версия ограбления, а ты ее на заказное перевел, правильно я информирован?

— Правильно.

— Здесь, похоже, такая же ситуация. Убийца в парике был, с бородой, в очках. И пистолет с глушителем...

— Я в курсе, — кивнул Павел. — Мне говорили.

— И что ты об этом думаешь?

— Шерше ле Бурбон.

— Что? — удивленно и с интересом глянул из-под косматых бровей на него полковник.

— Как говорят французы, ищите Бурбона... Обманные маневры мафии. Дескать, не Лихопасов Блинкова убивал. Мы посадили его зря, потому что

настоящий убийца вот он, сегодня опять объявился. Не удивлюсь, если вдруг выяснится, что Крыжов, — Павел кивнул на покойника, — и Блинков на Гаражной улице убиты из одного оружия...

— М-да, зная Бурбона, можно и такое предположить. — Харчев задумчиво ущипнул себя за подбородок.

— И предполагать не надо. Надо на чистую воду выводить.

— Как? Доказательств нет, а на одной оперативке, сам знаешь, далеко не уедешь.

— Его сынки внаглу действуют. На следователя давят, на меня. Ну, я-то ладно, а вот Цветкова уже на грани нервного срыва...

— И ничего с ними не поделаешь. Потому что все — в рамках закона. А что вне рамок, то за кадром... Выяснить надо, каким боком Крыжов Бурбону мешал. Так просто убивать он не станет... Если это вообще Бурбон.

— Убийца Блинкова — зять Бурбона.

— Да, я в курсе, — кивнул полковник. — Я этого Блинкова у вас, наверное, заберу, с этим вот, с Крыжовым, объединять будем...

— Баба с возу — лошадь рада. Да и не занимаюсь я этим делом. Прокуратура его ведет, а я так, на подхвате. Только подхватывать нечего. Разве что вешдок удержать.

— Вешдок?

— Ну да, дужка от очков, в которых преступник был. На ней вся доказательная база строится. А у Бурбона везде все схвачено. Как бы не исчезла вдруг эта дужка...

— Ну прямо так и везде! — не очень уверенно съязвил полковник.

Он и сам прекрасно знал, что представляет собой Бурbon, просто из профессиональной гордости не хотел признавать его силу.

— Семья-то большая, — усмехнулся Павел. — Дети, племянники, жены детей, их братья, сестры. И на седьмой воде на киселе поскользнуться можно.

— Да я в курсе, — отмахнулся Харчев. — Я тебе больше скажу, у вас в ГУВД одна такая вода служит. Капитан... Нет, фамилию не скажу. Но дальний родственник Бурыбина. Мы за ним присматриваем, пока за ним ничего нет, но сам знаешь, даже незаряженное ружье может выстрелить...

Павел и сам понял, что убийством Крыжова будет заниматься РУБОП, поэтому не пытался выяснить подробности. Достаточно было знать, как произошло убийство. Потерпевший остановился на светофоре, за ним остановилась зеленая «десятка», из которой вышел человек в парике и с бородой, подошел к «Хонде», направил на водителя пистолет с глушителем и выстрелил. После чего сел в «десятку», водитель которой и вывез его с места преступления, не побоявшись выскочить на встречную полосу. В городе уже действовал план «Перехват»; возможно, убийцу возьмут по горячим следам, но Павел в этом участвовать не будет. Нет желания работать, потому что на душе тяжко...

Дождавшись, когда покойника увезут, он отправился домой. По пути зашел в «Забегаловку», пропустил несколько рюмок беленькой под жирный бифштекс. На душе слегка распогодилось...

Он выходил из бара, когда зазвонил телефон.

— Папка, привет, мы уже в Москве! — веселым звонким голосом отрапортовала Маша. — Переночу-

ем в гостинице, а завтра в Старобоярск!.. Папка, на Багамах так здорово, мы тебе маску вуду везем!

— Чего? — не понял Павел.

— Маску вуду! Это колдовство такое!

— Что-то рано вы.

— Так ты же сам телеграмму дал! — в Машином голосе послышалось удивление.

— Я?! Нет, я не давал телеграмму!.. Точно телеграмма была? — встревожено спросил он.

— Да, от твоего имени. Приезжайте, все нормально. Славе уже надоело, а тут рейс на Москву... А ты что, не давал телеграмму? Вот Славка сволочь! Всегда обманул! — не уверенная в своем предположении, но все же бойко воскликнула она. — Сам себе телеграмму дал! Ну ничего, я ему задам!

— Хорошо, если это Слава. Плохо, если нет... Может, вы в Москве пока побудете? — упавшим голосом спросил он. — После Багам там интересно будет, погуляете, посмотрите...

— А что, все так серьезно? — расстроенно спросила Маша.

Она знала, какая опасность угрожает им с мужем, и Слава тоже это прекрасно понимал, поэтому легко согласился улететь в дальние и теплые края... Неужели это Семен вызвал их? С него станется... Но как он их нашел? Значит, у него хорошо работает разведка, если нашел...

Павел прозрел после разговора с дочерью. И всю дорогу домой думал, что делать, как предотвратить опасность.

Весь в этих мыслях, он не сразу понял, что на кухне у него горит свет. А когда сообразил, что происходит, выдернул из кобуры пистолет.

Но Семен Бурыбин, сидевший за столом, лишь

залихватски подмигнул, увидев направленный на него ствол.

— Что-то ты долго ходишь, майор! Давай к столу, тут у нас колбаска, помидорчики! Водочка в холодильнике.

— Долго ходишь, майор! — поддержал его кто-то за спиной Павла. — Водочка в холодильнике!

Обернувшись, Павел увидел атлета с широкоформатным лицом. Он кое-что знал о семье Бурыбинах, были у него фотографии основных персонажей, поэтому он смог узнать в этом молодчике младшего Бурыбина.

Ждан был без оружия. И выражение лица у него не агрессивное. Хотя и любви к Павлу он явно не питал.

— Да ты не дергайся, майор, — засмеялся Семен — И пушку спрячь, а то несерьезно как-то. Разве ж так встречают гостей! Мы к тебе со всей душой, а ты стволом в меня тычешь. Вдруг убьешь, перед законом отвечать придется.

— Не придется. Незаконное проникновение в жилище, угроза жизни сотруднику милиции...

— Кто тебе угрожает, майор? — продолжал курящийся Бурыбин. — Ты же видишь, мы чистые. А про незаконное проникновение ты забудь.

— Забудь, — эхом отозвался Ждан.

Он стоял у Павла за спиной, и это было очень неуютное ощущение.

— Ты сам нас к себе пригласил, майор. Чисто по-родственному... Или не ты с моей сестрой крутишь? — Семен улыбался, но глаза его зловеще сузились.

— Умней ничего не придумал? — холода, спросил Павел.

— А кто у нее ночевал дома три дня назад?

— Не было ничего.

— Ну, как же не было? Есть запись, как ты выходил из дома... А может, ты своровал что-то у Юли?

— Ты же знаешь, что ничего не было, — сказал Павел, устало опускаясь на свободный табурет.

Пистолет со стуком лег на стол, зазвенели тарелки с колбасной и сырной нарезкой, тоскливо звякнули рюмки.

— Не знаю, — зловредно усмехнулся Семен. — Я за сестрой, может, и слежу, но в ее спальне у меня видеокамер нет. Я не совсем конченый, чтобы к родной сестре в постель лезть. Юлька — для нас это свято. Да, братишка?

— Свято! — мгновенно отозвался Ждан.

Он стоял в узком переходе между кухней и коридором. Павел сидел к нему боком, так чтобы одним глазом видеть его, а другим — Семена. Но все равно чувство западни не исчезало. И лежащий на столе пистолет тоже не успокаивал.

— Может, и было у вас что-то? — ощерился Семен. — А может, и не было... А если не было, то это плохо. Очень плохо. Юлька тебя домой к себе привела, а ты ее напоил и спать уложил. Она так надеялась, а ты... Ладно, шучу. Правильно сделал, что не тронул Юльку... Что, нравится она тебе?

— Нравится. Но это не твое дело.

— Мое. В том-то и проблема, что это мое личное дело...

— Дочь мою ты вызвал?

— А-а, уже в курсе? — торжествующе просиял Семен. — Да, моя работа. А чего ей там на Багамах делать? Хватит, отдохнули, пора и честь знать. А то па-

пашка здесь со скуки загибается... Или ты не скучаешь? Говорят, сегодня еще кого-то убили, да?

— Твоя работа?

— А что, если твоя? Ты кленишься к нашей Юльке, а она тебя отшивает. Пока мужа из-за решетки не вытащишь, ничего у тебя с ней не будет. Вот и вытаскиваешь его. Поэтому и отработал на публику. Все тот же парик, все та же борода...

— И пистолет.

— И пистолет, — ощерился Бурыбин.

— Где ты его спрятал?

— Без понятия, о чем ты говоришь.

Павел прекрасно понимал, насколько Семен опасен. Его люди могли убить сегодня Крыжова, передать Семену орудие убийства, и, возможно, он уже доставил его к нему в дом. Осталось только дать знать своему человеку из милиции. Мотив, по которому Павел мог убить Крыжова, нельзя было назвать серьезным, но все-таки это был мотив. И быть беде, если умножить этот мотив на орудие преступления, которое могли найти у него в квартире...

Опасен Семен. Очень опасен, если смог проникнуть в квартиру Павла. И ведь ничего не боится. Более того, бахвалится своим бесстрашием...

— Все ты понимаешь, Бурыбин. Чего тебе надо? — угрюмо спросил Павел.

— Да вот, водочки с тобой попить хочу... Нормальный ты мент, Паша. Ничего, что я с тобой так просто? — куражился Семен. — Дело свое знаешь, любишь. И главное, ничего не боишься. Я таких людей очень уважаю. И даже неважно, враг он мне или нет... И тебя уважаю. Хотя ты мне враг... Враг ты мне, Паша. Но выпить с тобой я хочу. И еще хотел, чтобы ты мне родственником стал. Ну, на Юльке бы

женился... Нравится она тебе. Знаю, очень она тебе нравится...

— А это не твое собачье дело, — разозлился Павел.

— Ну, ну, давай без собак. А то собачиться — последнее дело...

— А людей убивать?

— Каких людей?

— Живых!

— Ну чего ты заводишься, майор? Я же с тобой нормально говорю. Вот, в родственники тебя позвать хочу... Только не сможешь ты мне родственником стать. Потому что Юлька замужем. А многомужество у нас пока законом не разрешено... Можно, конечно, Эдика на Колыму спровадить, но мы тебе, Паша, этого не позволим. Эдик — наш человек, и мы всех рвать за него будем...

— Знаем мы таких, — презрительно скривился Павел.

— Что ты знаешь?.. Ты жену потерял, было такое?

— А вот об этом не надо, тебя это точно не касается.

— А может, и касается... Ты в девяносто восьмом человека одного в зону отправил, а он тебе за это отомстил... Ты, наверное, и не думал, что за него спросить могут. А с тебя спросили. Потому и жену твою грохнули.

— Что ты сказал?!

Павел схватился за пистолет, но только он взял его в руки, как ему в затылок уперлось что-то подозрительно твердое.

— Пушку брось! — услышал он голос Ждана, эффект которого был усилен звуком взводимого куртка.

— В натуре, майор, чего ты дергаешься? — ободренный поддержкой младшего брата, развеселился

Семен. — Мы же с тобой нормально. Вот, людей нашли, которые жену твою сделали... Или ты думаешь, что это мы сделали? Нет, Паша, мы с женщинами не воюем. Если бы мы хотели отомстить, то мы бы тебя сделали. А этот шакал на бабу твою руку поднял. Потому что за мента спрос больший. А нам все равно, что мента, что не мента...

— Кто? — сквозь зубы процедил Павел.

— Ну вот, нормальный вопрос. А я дам тебе нормальный ответ. Ты в девяносто седьмом году Гончарова взял, по мокрому делу, а в девяносто восьмом году он на этап ушел. Помнишь?

Павлу пришлось напрячь память, чтобы вытащить из нее ничем не примечательного парня. Менеджер коммерческой фирмы, далекий от уголовного мира. Да и жену свою убил из банальной ревности. Она изменила ему с его же другом, а раз так, решил Гончаров, то пострадать должны были оба. Жену он убил, а друга-предателя выставил, как ее убийцу. И ведь грамотно все продумал, все рассчитал, предусмотрел. Но на допросе у него сдали нервы. Павел зацепился за маленькое несоответствие в его показаниях, стал пугать парня, пока, в конечном итоге, не загнал его в тупик противоречий. Не выдержал Гончаров, раскололся. И получил свои десять лет строгого режима...

— Не мог он отомстить, — покачал головой Павел. — Не из того он теста.

— В темноте и заяц за волка сойти может.

— Ну, так то в темноте.

— Зона — она и есть та самая темнота. Гончаров твою жену в карты выиграл. То есть заказал... Торпеда на волю вышла и торпедировала твою жену. Ты убийцу среди местных искал, потому и не смог найти. Залетные это были... Один из наших воров случайно

об этом узнал. Только вор этот не стукач, потому и звонить тебе не стал...

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — свирепо спросил Павел.

— Затем, что тебе должно быть интересно.

— Мне интересно. Но я тебе не верю.

— А ты поверь... Мы знаем, как выйти на торпеду, которая жену твою убила. Он тебе все конкретно расскажет... Ты же хочешь отомстить за свою жену.

— Хочу, — не раздумывая, сказал Павел.

— Давай так. Мы тебе представим торпеду на блюдечке с голубой каемочкой. А ты Эдика на волю вытаскиваешь. Баш на баш — все как в лучших до-мах.

— Сделку мне предлагаешь?

— Не предлагаю, а заставляю. У тебя нет выбора, майор, — Семен хищно сузил глаза. — Или ты помогаешь нам, или садишься сам за убийство Крыжова. Мы тебе это организуем. Хочешь, прямо сейчас?

— У вас ничего не выйдет, — осознавая свою беспомощность, нервно мотнул головой Павел.

— И войдет, и выйдет; все будет, как нам это нужно. Так что не сомневайся... А если поможешь нам, то тебе ничего не будет. А в качестве компенсации за моральный ущерб получишь убийцу своей жены. Согласись, это благородный жест с нашей стороны...

— Если убийца настоящий, то да...

Натянутые до предела нервы вибрировали, посыпая в сознание тяжелые, разрушительные импульсы. Все мысли в голове, казалось, перемешались, а организму не хватало энергии, чтобы расфасовать их, расположить в стройный ряд. Павлу казалось, будто голова его зажата в тисках, а Семен без устали крутил затягивающий рычаг.

— Настоящий. Сам в этом убедишься... Ну так что, баш на баш?

— Я не знаю, чем смогу помочь вам, — покачал головой Павел. — Дело уже в производстве, остановить я его не смогу...

— Мы остановим. Ты, главное, стоп-кран нам отдай, а мы сами его рванем.

— Какой стоп-кран?

— Дужку от очков с отпечатками Эдика... Остальное мы сами.

— И все?

— А этого мало?

— Много... Но в то же время мало. Есть первоначальное вещественное доказательство, а есть производная вещественного доказательства — слепки, копии... Дужка уже давно описана, сфотографирована, отпечатки пальцев запротоколированы, все это вшито в дело. И эти копии, в общем-то, имеют юридическую силу...

— Чего же ты за эту дужку так держишься? — перебил Павла Семен.

— Первичное важнее вторичного, все как в жизни...

— А без первичного не может быть вторичного, да? Если мы на первичное другие пальчики наложим, то все вторичное менять придется, так, да?.. Надо, чтобы на дужке чужие пальчики остались. Старые стереть, а новые приложить. Это же не трудно?

— Свои пальчики я оставлять не буду.

— Ну, это само собой.

— И подставлять никого не собираюсь.

— Кто бы сомневался... Дужку мне отдашь, а я тебе сразу ее верну. Есть у меня человек, который свои

пальчики оставит. Он чистый, по вашим картотекам не проходит... Ну так что, договорились?

— Я не знаю, — уронив голову на грудь, обреченно вздохнул Павел.

Он очень хотел найти и наказать убийцу Лены. Может, это вернет ему нормальное состояние духа. А то ведь не живет он с того времени, как потерял жену. Одно сплошное мучение, а не жизнь...

— Знаешь ты все, майор. Ты пойми, это не предательство, — увещевал его Бурыбин. — Это всего лишь выгодный обмен.

— Подкрепленный шантажом? — мрачно усмехнулся Никифоров.

— Ну, это чтобы уж наверняка... Мы тебя не торопим, у тебя есть целый час, чтобы подумать. Думай, Паша, думай.

Семен скрутил пробку с бутылки, разлил водку по рюмкам. Павел очень хотел выпить, но в ответ на предложение решительно мотнул головой. Хоть какой-то, но протест...

— Вали отсюда, Бурыбин. Видеть тебя не хочу.

— Значит, согласен, — широко улыбнулся Семен.

— Сначала убийцу допрошу.

— Само собой. Здесь будешь с ним разговаривать или где?

— У себя в кабинете.

— Ну что ж, завтра утром я тебе позвоню, скажу, куда подъехать... Утром деньги, а вечером я буду ждать стулья. И смотри, не вздумай со мной хитрить!

Семен ушел, забрав с собой брата. В квартире после них остался тяжкий дух безнадежности. И бутылка водки... Павел думал недолго. Выпил одну рюмку, другую, а затем, вспомнив про пистолет, кинулся обыскивать квартиру. Он тщательно обследовал каж-

дый квадратный метр площади, заглянул в каждую щель, куда Бурыбины могли спрятать орудие убийства, но, как ни старался, ничего не нашел.

Вернувшись к столу, он снова налег на водку, а расправившись с ней, отправился в спальню. Хмель заглушал терзающие его мысли, но все же он долго не мог заснуть. Как это ни обидно, он должен был признать свое поражение. В тисках он, на одной щечке которых — желание поквитаться с убийцами жены, а на другой — страх за свою дочь и опасность быть обвиненным в убийстве Крыжова...

Бурыбин позвонил в половине одиннадцатого утра. Павел только что вернулся с оперативного совещания, собирался заняться текущими делами, когда запилякал мобильник.

— Перекресток Чернышева и Свердловской. От автобусной остановки в сторону Рижского переулка тянется тропка к гаражному кооперативу, дойдешь до ворот и жди. До одиннадцати успеешь?

Семен положил трубку, не дожидаясь ответа.

— Успею, — в раздумье кивнул Павел.

Он мысленно, в который уже раз, задал себе вопрос, нужно ему все это или нет. И хотя сомнения гладили его, он все-таки ответил «да».

И это «да» отправило его в путь.

Он бросил машину недалеко от остановки на указанном перекрестке, по тропке, о которой говорил Бурыбин, направился к воротам гаражного кооператива.

Собственно, кооператив начинался сразу за остановкой. С одной стороны прохода тянулись кирпичные стены гаражей, с другой — изгородь из профлиста, за которой темнели крыши складов. Идеальное место для засады: одни перерезают дорогу, другие от-

секают путь к отступлению. Но Павел всего лишь осторегался подвоха, страха же не было. Нельзя доверять Семену, но ему почему-то казалось, что парень не обманет, не загонит в ловушку.

Напрасно Павел всю дорогу поглаживал рукоять табельного пистолета, чтобы выхватить его из кобуры в нужный момент. Ничего с ним не случилось, он беспрепятственно добрался до ворот гаражного кооператива, к которым с другой стороны вела хорошая асфальтированная дорога. Сюда можно было добираться на машине, в ней же и ожидать Семена.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Бурыбин позвонил на мобильник и велел идти обратно к машине. Что случилось и почему он не смог выполнить обещания, объяснять не стал.

Обратно Павел возвращался в расстроенных чувствах. С одной стороны, его радовало, что не придется пособничать Бурыбиным, а с другой — он жаждал поквитаться с убийцей своей жены.

Но, вернувшись к машине, он обнаружил на заднем сиденье худощавого парня с бритой головой. Узкий лоб, несуразно вытянутый затылок, длинный с горбинкой нос, большие просвечивающие уши, впалые, изъеденные фурункулезом щеки. В маленьких глазах — бессильная злость, перемешанная с отчаянным страхом. На лице — страдальческое выражение. На лице, которое показалось знакомым...

Павел даже не стал спрашивать, кто это такой. Вне всякого сомнения, это был обещанный Бурыбиным убийца жены. Пока он ходил к гаражным воротам, люди Семена забросили его к нему в машину. Что ж, лучше так, чем никак.

Павел сел на заднее сиденье, сдвинув парня к левой двери. Руки у того были связаны за спиной ве-

ревкой, поэтому можно было не опасаться, что выскочит из машины.

— Ну, и как мне тебя называть? — не глядя на него, с мрачным выражением лица, но беспристрастно спокойным голосом спросил Павел.

— Т-толик, — отозвался парень.

— Ты заика?

— Н-нет...

— А чего блеешь, как овца?

— Страшно.

— А почему тебе страшно?

— Бить будешь... Они мне все нутро отбили. Больно очень...

— Кто они?

— Не знаю... Но сказали что убьют, если не признаюсь. Больно, говорят, будем убивать. За ноги, сказали, подвесят, шкуру спустят, а спину потом солью натрут...

Павел только представил себе такую казнь, и его желудок невольно сжался от внутреннего холода. Это же ужасно — соль разъедает лишенную кожи плоть, больно, а смерть не приходит...

Не так страшна смерть, как мучения. Говорят, возвращение смертной казни не улучшит статистику преступлений. Так это или нет, но если преступников будут не просто расстреливать, а сажать на кол, как в древние времена, чтобы они умирали медленно и в страшных мучениях, тогда преступлений в стране стало бы как минимум на порядок меньше... На эту мысль его навел страх в глазах пленника.

— А что, лучше в тюрьму, чем так? — спросил он.

— Да, лучше в тюрьму!

— И ради этого ты согласился взять на себя чужую вину?

— Нет, не чужую, свою, — мотнул головой парень.

— Значит, ты убил мою жену?

— Да.

— Моя фамилия Резников.

— Неправда, ты Никифоров.

— Откуда знаешь?

— Мы с Федькой тебя пасли. В «Забегаловке» тебя видели, вместе с женой. За три дня до того, как... ну, это...

— В «Забегаловке»?!

Павел вспомнил, где видел этого парня. Действительно, в «Забегаловке». Он тогда тяготился компанией жены, с тоской посматривал вокруг, поэтому и зацепился взглядом за двух пареньков, которые жадно поглощали чебуреки, запивая их пивом. На него они не смотрели, но это вовсе не значило, что слежки не было.

— За три дня, говоришь?

Да, этот парень был в баре, именно за Павлом он и охотился. Значит, Бурыбин действительно нашел настоящего убийцу.

— Да, мы с Федькой пасли тебя, — пугливо кивнул Толик.

— Так меня или жену?

— Жену... Гончар сказал, что ее надо... ну, того...

— Кому сказал?

— Мне... Я ему проиграл... Ты пойми, начальник, у нас в зоне правило такое: проиграл — плати. Если нет, то ты фуфло, ноги об тебя вытираять будут...

— Ты и есть фуфло, — скривился от омерзения Павел.

— Да нет, это не я все. Это Гончар. Он на тебя зуб имел, он меня и спустил с цепи... Если б не он, я бы ни в жизнь...

— Заткнись!

Павел пытался сдержать рвущиеся наружу эмоции, но все-таки не смог совладать с собой. Чуть приподнявшись, он сильно ударил парня локтем в челюсть.

Удар оказался настолько сильным, что бедняга долго приходил в себя.

— Не надо бить, начальник, — очнувшись, плаксиво попросил он. — Лучше убей. Только так, чтобы сразу. А бить не надо. У меня все уже отбито...

— Откуда ты родом?

— Из Уфы... Поселок там есть, совсем рядом. Ну, я всем говорю, что из Уфы...

— А куда делся после того, как жену мою убил?

— Туда и делся. Но меня там нашли. Вот, сюда привезли... Били очень...

— А Федька — это кто такой?

— Ну, дружбан мой. Только он не при делах. Он даже не знал, что мне от него нужно. Так, просто приехал со мной... А убивал я.

Парень панически зажмурился в ожидании очередного удара.

— Посмотрим.

Павел не стал его бить. Срезал с его рук веревки, сменил их на стальные браслеты наручников. Он отвез Толика на место преступления и заставил рассказать, каким образом погибла Лена. И тот во всех подробностях рассказал, как выслеживал, как нападал на нее, как бил, как убегал... Он указал на детали, о которых мог знать только убийца. И еще он подробно описал все, что находилось в ее сумочке.

— Там еще блокнот был, — уже в машине сказал он. — Красненький такой, там стихи были...

— Какие стихи?

— Ну, она о тебе, начальник, писала... Все жаловалась, что ты ее не любишь...

— И ты читал эти стихи?

Павлу пришлось стиснуть зубы, чтобы из груди не вырвался стон. В этот момент он и ненавидел себя, и презирал.

— Ну, не все, — кивнул Толик, сжавшись в предчувствии удара. — Там еще стих был, она писала, что ты еще поймешь, как плохо без нее. Что-то типа такого, и поднимусь я на небо, и буду ждать, когда ты, выплакав все слезы, пойдешь за мной. Типа все прощу, и мы... то есть вы с ней будете вместе. Ну, там, на небе... Она там, начальник, на небе, ждет тебя.

Павлу показалось, что в голосе парня сквозит издевка, и он обрушил на него град ударов. И бил его до тех пор, пока парень не потерял сознание.

Пока Толик приходил в себя, он успокаивался, убеждая себя в том, что вести себя так нельзя.

— Все, больше бить тебя не стану, — сказал он, когда парень очнулся. — Только скажи, куда блокнот дел?

— Сожгли... Все сожгли...

Павел отвез Толика в ГУВД, заставил его написать чистосердечное признание, провел его через протокол, после чего связался со следователем, который вел дело об убийстве его жены. Он сам лично доставил убийцу в прокуратуру на допрос.

А вечером он встретился с Семеном. Тот ждал его в глубине городского парка, на безлюдной подъездной дороге. Чуть поодаль стояли два черных джипа.

— Ну что, майор, не обманул я тебя? — насмешливо спросил он.

Павел молча качнул головой. Увы, не обманул.

— Видишь, мы для тебя такое дело сделали, а ты нас за сволочей держишь.

Павел не хотел втягиваться в этот разговор, поэтому протянул Семену пакетик с дужкой очков.

— Точно то, что нужно? — подозрительно спросил Семен.

— А ты отпечатки с нее сними, узнаешь.

— Смотри, если обманул, отправлю к жене. Вместе с дочерью. Сам понимаешь, лимит на шутки уже исчерпан.

Павел кивнул. Действительно, Бурыбин сделал для него слишком много, чтобы рассчитывать на снисхождение в дальнейшем. Да и не обманывает он его...

Семен сел в машину, минут через пять вышел, вернулся Павлу пакетик с дужкой, который держал двумя пальцами за самый краешек. Наверняка на целлофане не было никаких отпечатков.

— Запрос на повторную экспертизу сделает адвокат, — сурово сказал Бурыбин. — Сам по этому делу не рыпайся. Но когда за жабры возьмут, на меня не тяни. Как хочешь, так и выкручивайся, а про меня ни слова. Ты меня понимаешь?

Павел молча кивнул. Он понимал, что предал свое дело, плонул в душу самому себе. И то, что его жена будет отмщена, не казалось ему оправдательным мотивом.

Глава 12

Коричневый таракан медленно подполз к ступне женщины, как будто чувствуя запах ее плоти, устремился к лодыжке, в движении повторил коленный изгиб, пробежал по бедру к междуноожью, где исчез в

чернильных зарослях распахнутого лона... Женщина была нарисована неизвестным художником, прежним владельцем шконки, на которой сейчас страдал Эдуард. А через ее интересное место проходила щель между досками, из которых состояли верхние нары, в ней таракан и скрылся.

Эдуард сколько угодно мог любоваться этим произведением чернильного искусства, но женщины его в данный момент совершенно не интересовали. Он тупо смотрел на изображение, стиснув зубы и сжав ягодицы. Живот сводило судорогой от невыносимого желания. Но в туалет идти нельзя. Местная блатота уже второй час кряду гоняет чай. А в камере железное правило — пока кто-то за столом, никакого унитаза. И под себя ходить нельзя, иначе опустят до уровня черта. А Эдуард и без того считался шнырем, вечным уборщиком. Утром вымыть пол в камере, вечером. А если станет чертом, то и в сортире убираться заставят... Эх, добраться бы до него!

Он с ненавистью смотрел, как татуированный Штуцер ставит на стол очередную кружку чифиря. Карамельки на столе, печенье, пряники. Это еще как минимум на час. А сил терпеть уже нет...

Эдуард со стоном вскочил со шконки, на ходу стягивая штаны, заскочил на унитаз... Будь что будет!..

Штуцер ждал его возле шконки. Не человек, а ходячий скелет. Не лицо, а череп, обтянутый кожей. Плечи узкие, грудь впалая, руки длинные и тонкие, что плети... Но все же уголовник ударил Эдуарда с такой силой, что на ногах он устоять не смог. Штуцер ударил его по ногам, и Лихопасов не просто упал, а встал перед своим врагом на колени.

— Ну, ты чо, морда, беспредел творишь? — погля-

дывая на своих дружков, спросил блатной. — Людей не уважаешь, на голову нам гадишь?

Эдуард закрыл глаза в ожидании ударов... Он не-навидел майора Никифорова, который отправил его на нары. Но то, что он испытывал по отношению к Штуцеру, не шло ни в какой сравнение с этим чувством. Будь его воля, он бы своими руками задушил этого татуированного ублюдка... Но, увы, сила была на стороне Штуцера, и он мог измываться над Эдуардом сколько угодно.

— Штуцер, бродяга, оставь его, — осадил уголовника смотряций.

— Так это ж, он всех нас тут уделал.

— У каждого своя радость! — хохотнул молодой грузин Báка. — У Чухарика обсервация, а у тебя свобода.

Это дитя гор пользовалось в камере не меньшим авторитетом, чем Штуцер, но Эдуарда Báка не унижал. Если, конечно, не считать, что это он первым назвал его Чухариком, с тех пор и повелось...

Но все же Штуцер был для Эдуарда страшней, чем обидное прозвище. Сколько унижений он претерпел от него! А сколько раз жаловался на него адвокату в надежде, что Семен сможет обуздить распоясавшегося уголовника. Но время шло, а Штуцер продолжал измываться над ним, вымогать деньги, забирать посылки.

А сегодня у Штуцера праздник. Вчера следователь сообщил ему, что его вина не доказана, а сегодня ему, говорят, и вовсе дадут пропуск на свободу.

С одной стороны, это не могло не радовать Лихопасова, но с другой — почему какой-то никчемный воришко смог избавиться от хватки закона, а его до сих пор держат в общей камере. А ведь, если верить

Семену, его давно должны уже были выпустить... Или могущество Семьи — это всего лишь фикция?

— Ну, братва, если вы считаете, что я должен простить Чухарика, то не вопрос. Прощаю! — Штуцер с пафосом раскинул руки в стороны. — А теперь фейерверк!

И вдруг одновременно двумя ладонями ударили Эдуарда по ушам. От такого «фейерверка» у него посыпались искры из глаз, а барабанные перепонки, казалось, со звоном лопнули.

Но боль постепенно прошла, Штуцер вернулся на место, а Эдуард с ногами забрался на свою шконку и, унижено проклиная судьбу, затих там. Увы, ответить силой на силу он не мог. Потому что был слабым. И сейчас ему было все равно, узнает об этом Семен или нет. О жене он и вовсе не думал...

* * *

Электричество в здании ГУВД отключили в полдень, сплит-система не работала, и к вечеру в кабинете начальника криминальной милиции установилась невыносимая духота. Окна открыты настежь, но на улице ни малейшего дуновения ветерка. Лощеный и не в меру упитанный полковник Моложаров обливался потом, но это ему не мешало устраивать разнос подчиненным.

— Как это так? Вчера отпечатки пальцев были одни, а сегодня другие! Да, я понимаю, есть очки-хамелеоны, но они реагируют на свет, в комнате светлые, на солнце темные. Но жировые отпечатки пальцев измениться не могли. И ты, Никифоров, это прекрасно понимаешь.

Оправданий Павел не искал, поэтому молча и обреченно кивнул.

— Он прекрасно это понимал, — вступил за него Стрельnev. — Поэтому хранил улику в сейфе. Их положено при деле хранить, а он прокуратуре не доверял. Но, видно, проглядел... Все-таки Бурбон за этим стоит, а это серьезно. Переиграли нас...

— Серьезно или нет, а на дужке вдруг ни с того ни с сего оказались другие отпечатки. Я с начальником РУБОПа разговаривал, мне в глаза ему стыдно было смотреть... Чего молчишь, Никифоров?

— А чего говорить? В кабинет в мое отсутствие никто не заходил, сейф не вскрывали: печати всегда были целые...

— Тогда кто мог сфальсифицировать улики? — спросил полковник, пытаясь промокнуть лоб нас kvозь мокрым платком.

— Выходит, что я.

— Выходит, что ты!

— Только зачем ему это нужно? — спросил Стрельnev.

— А страшно стало! Бурбон совсем разошелся, людей среди дня стреляет!.. Да, Никифоров?

— Так точно.

— Что, так точно?

— Стреляет.

— А я думал, боишься.

Павел неопределенно пожал плечами. Может, и боится. А может, и не за себя.

— Да, дела, не ГУВД, а проходной двор какой-то... Даже родственники Бурыбина у нас работают, — раздумывая вслух, произнес полковник. — Может, это их работа?.. Ладно, разберемся. А ты, Стрельnev, давай-ка мне служебное расследование организуй. Чтобы завтра утром материалы были готовы... Все, свободны.

Павел и его начальник вышли из кабинета.

— Да не расстраивайся ты, — попытался утешить его Стрельnev. — Обойдется все.

— Может, обойдется, а может, и нет...

— Да нет, нормально все будет. Пошли ко мне, я тебе вопросы всякие задавать буду.

Стрельnev страшал его вроде бы как в шутку, но вопросы задавал с пристрастием и ответы протоколировал тщательно. Казалось, он сомневается в невиновности своего подчиненного.

Павел не стал признавать свою вину, но в тот же день подал рапорт об увольнении. Как человек, предавший своих друзей-товарищей, он не имел морального права служить в их рядах...

* * *

Небо затянуло тучами, ветер выдувал из них дождь, но Эдуарду казалось, что не было в его жизни дня, более солнечного, чем этот. Дело еще не развалилось, но судья уже выпустил его под залог.

Из-под стражи его освободили прямо в здании суда. И вот он в сопровождении Левы, Стаса и Ждана гордой походкой выходит на белый свет, где вместо проклятого автозака его ждет черный лимузин и эскорт из двух джипов. Крепкие парни в строгих костюмах гармонично дополняли эту картину. Не хватало только красивых женщин, которые по закону жанра должны были ублажить изголодавшегося арестанта, но этого не будет. Все-таки Эдуард был женат на «сестре мафии»...

— А почему Юли нет?

Этот вопрос Эдуард задал только для того, чтобы изобразить интерес к своей жене. На самом же деле он ничуть не скучал по Юле. Куда больше он думал о

своей секретарше, но спросить о ней Семена было бы верхом наглости.

— Она тебя дома ждет. Стол будет, шашлык будет, вино пить будем! — с неприятным кавказским акцентом весело ответил Семен.

Лихопасов неприязненно скривился, вспомнив Баку.

— Что-то не так, брат? — спросил Лева.

— Да нет, нормально все, — мотнул головой Эдуард. — Просто вспомнилось...

— Что вспомнилось? — открывая перед ним дверь, спросил Семен.

— Да был у нас один грузин... Но это неважно.

— Уже неважно. Потому что ты на свободе, дорогой. А грузины пусть дальше парятся.

В просторном салоне лимузина было прохладно и пахло розами. Бутылка шампанского в серебряном ведерке, мягкая нежная кожа сиденья...

— Ну и запашок от тебя, брат! — насмешливо протянул Семен.

— А ты бы с мое отсидел, посмотрел бы я на тебя, — с неожиданным для себя апломбом ответил Эдуард.

— Извини, брат, забыл, что ты у нас герой!

— Герой не герой, а месяц отмотал. А кто-то сразу обещал меня вызволить.

— Да сразу не вышло, — развел руками Лева.

— Не вышло, — эхом отозвался Ждан.

Машина мягко тронулась и выехала на шоссе.

— Ничего, зато баланды хлебнул, — подмигнул братьям Семен. — Теперь ты у нас крутой.

— Кто нары не нюхал, тот не жил, — разомлел от собственной значимости Эдуард.

Действительно, в Семье только сам Бурбон и Стас

сидели в тюрьме. Лева недели две провел под следствием. А Семен и Ждан и вовсе лиха не ведали. Так что Эдуарду есть чему их поучить.

— А как ты нары нюхал, на них или под ними? — с усмешкой спросил Семен.

— Не понял базар, — растопырив пальцы, надменно глянул на него Лихопасов.

— Ну, говорят, у тебя кличка Чухарик была.

— Кто говорит? — побледнел Эдуард.

Душа отяжелела, опустилась куда-то в живот, а в желудке появился неприятный сосущий холодок.

— Да есть люди. Или ты думал, что никто ничего про тебя не знает? — язвительно хмыкнул Семен.

— Ты знал?

— Само собой. А вдруг у тебя настроения панические возникли бы, вдруг бы ты к ментам захотел переметнуться. Вот мы тебя и контролировали.

— Тогда... Тогда вас убить мало! — озлобленно выпалил Эдуард.

— Чего?! — хохотнул Семен.

— Врешь ты все! Я сам по себе в камере был... Я же просил тебя, чтобы ты Штуцера унял. Но ты ж его не унял!

За время, проведенное в тюрьме, Эдуард сильно усомнился в могуществе Семьи. Но вот обстоятельства изменились, с дужки очков исчезли отпечатки его пальцев, экспертиза сделала соответствующие выводы, а судья принял правильное решение. Значит, Бурыбины действительно способны на многое, если смогли организовать столь сложный подлог.

Но тем не менее в тюрьме они Эдуарду не помогли. Не было у них возможностей избавить его от того же Штуцера. Не было, и все тут! И что бы ни говорил

сейчас по этому поводу Семен, Эдуард останется при своем мнении.

— Зачем я должен был его трогать, если ты сам должен был с ним разобраться? — Семен все говорит, говорит. — Может, я бы обидел тебя, если бы убрал его... Ты же хочешь свести с ним счеты?

— Да сейчас-то мне зачем все это? — небрежно усмехнулся Лихопасов.

— А отомстить. Он тебя унижал, жизни тебе не давал... Я бы ему этого никогда не простили.

— Ну, я его прощать не собираюсь.

— Вот это правильно, это по-нашему. Мы же мафия, мы должны мстить своим врагам. Штуцер — твой враг, значит, и наш тоже... Ты же не Чухарик, правда? Ты наш брат. А какая-то мразь вела себя с тобой так, будто ты никто. И ты — никто. И мы, выходит, тоже никто...

Семен, казалось, был взбудоражен не на шутку. Эдуарду не нравился этот его запал, он чувствовал здесь какой-то подвох.

— А мы — сила, да, брат? — возбужденно продолжал Семен.

— Ну, сила, да, — подозрительно покосился на него Лихопасов.

— Тогда ты должен спросить с него. За нас.

— Ну, его сначала найти надо.

— Дерьмо — вопрос! Он уже в багажнике.

— Кто в багажнике? Штуцер?!

— Ну не Карина же!.. Сейчас в лесу будем, спросишь со Штуцера, и вся проблема.

Эдуард растерянно посмотрел на Леву, перевел взгляд на Ждана. Оба сосредоточенно молчали. Судя по выражению их лиц, Семен не шутил.

— Или ты не хочешь спросить с него за свои унижения? — жестко спросил он.

Эдуард понял, что выбора у него нет. Или он отомстит Штуцеру, или навсегда останется для Семьи Чухариком.

— А-а... А что я должен с ним сделать? — запинаясь, дрожащим от волнения голосом спросил он.

Он вдруг представил, как охранники становятся в круг, в центр которого выпускают его и Штуцера. Драка на кулаках, кто кого... А ведь победит Штуцер. Он сильней.

— А это тебе решать: хочешь, убей, хочешь, прости. Выбор за тобой.

Семен холодно и с усмешкой посмотрел на него. Если Эдуард простит Штуцера, то ему самому прощения точно не будет...

— А как убивать?

— Можешь удушить. Можешь зарезать. Можешь застрелить.

— Э-э, лучше застрелить.

— Тогда пистолет в студию! — засмеялся Лева.

Ждан тут же протянул Эдуарду вороненый, еще пахнущий оружейным маслом «ТТ».

Через некоторое время машина выехала на безлюдную лесную полянку, из остановившихся джипов стали выходить парни в черных костюмах. Они действительно встали в круг, на который вытащили Штуцера, жалкого, гнусного и сопливого. Увидев Эдуарда, он рухнул на колени, протягивая ему связанные в запястьях руки.

— Эдуард Михайлович, прости! Гадом буду, бес попутал!

Из шмыгающего носа текли сопли, на губах пузырилась пена. Его вид не мог вызвать ничего, кроме

отвращения. Но, глядя на него, Эдуард испытывал невероятное удовольствие, он наслаждался своей властью и могуществом, заключенным в патроннике пистолета. Стоит только ему нажать на спуск, и Штуцеру воздастся по его заслугам... А ведь сколько раз, там, в тюрьме, он представлял, как Штуцер будет стоять перед ним на коленях, вымаливая прощение. Нежели мечта сбылась!

— Какой бес? — с достоинством и важностью Дона Корлеоне спросил Эдуард. — Ты сам хуже всякого черта!

— Эдуард Михайлович, будь человеком, не губи! Хочешь, чертом стану, чтоб мне всю жизнь парашу нюхать!

— Мочи эту мразь, — скривился рядом стоящий Семен. — Смотреть невозможно.

Глядя на Штуцера, невозможно было поверить, что это был тот самый человек, который там, в тюремной камере, вытирали ноги об Эдуарда. А ведь это было.

— Нет тебе прощения, — пафосно мотнул головой Лихопасов. И наставил на Штуцера пистолет. — Мafia ничего и никогда не прощает.

— Пощади! Не убива...

Мольба о пощаде слилась с выстрелом, и Штуцер упал замертво. Он лежал на земле с открытым ртом, в который влетела пуля. Эдуард смотрел на него, не испытывая никаких чувств, кроме наслаждения местью.

— Ну вот, пусть теперь кто-нибудь попробует назвать тебя Чухариком, — негромко сказал Семен.

Одной рукой он забрал у Лихопасова пистолет, другой — обнял его за плечи.

— Но ты же назвал, — недовольно отозвался Эдуард.

— Когда? — изобразил удивление Семен.

— Сейчас.

— Я сказал, пусть только кто-нибудь попробует.

— Но ты же попробовал.

— Ну, ты молоток, брат! — поощрительно засмеялся Бурыбин. — Гляди, как круто насел!.. Все, сдаюсь! Теперь ты, конкретно, в авторитете... Ну что, к тебе домой?

Эдуард кивнул. Ему очень хотелось домой — как следует отмокнуть в джакузи, смыть с себя тюремную грязь и кровь Штуцера. Домашний стол — тоже не последнее дело...

Юля его не интересовала. И он даже обрадовался, когда вдруг выяснилось, что дома его никто не ждет. Правда, радость эта густо была пронизана тоскливыми нотами. Все-таки он из тюрьмы вернулся, и жена могла бы в этот день отказаться от своей работы, от этих жалких людышек, которых она лечит бесплатно.

— А я почему-то думал, что Юлька нам поляну накроет, — разочарованно покачал головой Лева.

— Ага, поляну накроет, — кивнул Ждан.

— Незачет ей, — ничуть не расстроился Семен. — А незачет отработать надо, да, Лева? В субботу собираемся у отца, пусть только попробует отказаться. Но я с ней поговорю... А ты, Эдик, давай, обустраивайся. Яичницу себе сваргань...

— Да я-то не пропаду.

Судя по всему, братья собрались уезжать. Вот это Эдуарда обрадовало по-настоящему.

— Но мне бы лучше в «Седьмую орбиту» съездить, — многозначительно глянул он на Семена. — Или я уже не при делах?

— Как же не при делах? Все в ажуре, Эдик. И казино на месте, и секретная твоя тарша, — заговорил

щицки подмигнул ему Семен. — Только смотри там, осторожно.

— Ну, понятное дело, — расцвел Эдуард.

Одна только мысль о том, что Карина так же доступна, как и в прошлом, заставила его мужскую суть вибрировать от возбуждения.

— Что понятное дело? Если ты не в курсе, у нас небольшие проблемы. Поэтому самому в казино ехать не надо. Часа через два за тобой подъедут. Новая машина, новая охрана — заслужил.

— А охрана зачем? — напрягся Лихопасов.

— Говорю же, с конкурентами проблемы у нас, — сурохо ответил Семен. — Всякое может случиться.

— Что, и убить могут?

— А ты боишься? — спросил Лева, с подозрением всматриваясь в него.

— Я? — растерянно встрепенулся Эдуард. — Я — нет!

Конечно же, он боялся умереть, но страшно было признаться в этом.

— Вот и хорошо, что не боишься. Нас бояться должны. А кто не боится, того напугаем, правильно, брат? — Семен снова перешел на свой привычный ироничный тон.

— Э-э, да.

Братья уехали, оставив Эдуарда в смятении. Что это значит — проблемы с конкурентами? Какие у Семи конкуренты — воровская община, Паук со своей охранной паутиной, кавказские торговцы со своим укладом и претензиями? От всех них можно ждать беды. И не бить враг будет, а сразу стрелять, убивать...

Поддавшись панике, Эдуард раздумал ехать в казино. Дома хоть и нет охраны, зато есть крепкие стены, решетки на окнах, в сейфе — охотничьи ружья.

Но горячая ванна расслабила его, успокоила. А через пару часов, как и было обещано, к дому подъехал новенький черный «Ландкрузер» с водителем и охранником.

Это была его машина, его телохранители. И так хотелось поскорей отправиться в путь в сопровождении грозных спутников, что не осталось никакого желания сидеть дома.

И все же в пути он нервничал. Пытался поговорить с охраной, узнать природу возникшей угрозы, но парни сами толком ничего не знали.

Наступал вечер, в казино готовились принимать гостей, в залах наблюдалось оживление. Эдуарда встречали приветливыми улыбками, но здоровались с ним так, будто не видели его со вчерашнего дня. Как будто и не было никакой тюрьмы...

В приемной цвела и пахла Карина, прелестная девушка, мечта бесправного арестанта.

— Эдуард Михайлович! — зажеманилась она, поднимаясь ему навстречу.

— Эх, Карина-Кариночка, темные очи!.. — в романтическом упоении воззвал к ней Лихопасов. — Если бы ты знала, как я голоден!

— В каком смысле, Эдуард Михайлович?

— Во всех смыслах, Кариночка. Я ведь сегодня еще утром стихи читал: сижу за решеткой, в темнице сырой... Стихи хорошие, а завтрак, моя дорогая, ужасный. А потом суд был, оправдали меня, потому что я хороший. А жена, увы, не встретила, обедом не накормила. Тюрьма завтраком покормила, а жена — нет.

— Плохая жена, — сделала вывод Карина.

Эдуард и хотел бы с ней согласиться, но не мог

это сделать. Ведь их разговор мог стать достоянием вездесущего Семена.

— Нет, жена у меня хорошая. Но не кормит. И я сегодня без обеда остался. И без горячего...

— Все будет, и обед, и горячее. Я сейчас все организую...

Из приемной он зашел в свой кабинет, снял пиджак, галстук, опустился на диван, включил телевизор. Сегодня он будет занят только собой.

Карина не обманула его ожиданий. И обед подала, и себя. Хватило легкого намека, чтобы она опустилась перед ним на колени, сняла блузку...

— Ух, ты! Какое тело!

Эдуард благодарно улыбнулся. Он ждал этих слов. За месяц, проведенный в камере, он заметно похудел. И на прогулках в тюремном дворике время зря не терял — подкачивал бицепсы и грудные мышцы. Силы и храбрости это ему не придало, зато он выиграл в эстетическом плане. Не Шварценеггер, конечно, но никакого сравнения с тем, что было раньше.

— Ты первая, кто это видит, — самовлюбленно сказал он.

— И первая, кто может тебя съесть.

«Поедала» его Карина медленно, кусочек за кусочком, ее голова опускалась все ниже и ниже... Она дошла до самого чувствительного места, когда вдруг открылась дверь, и на пороге появилась Юля.

Карина вскочила, застегивая блузку, Эдуард потянулся за брюками, но было уже поздно. И все же он пошел в наступление.

— Ты сама во всем виновата!

Если бы она встретила его сегодня дома, накормила обедом его и своих братьев, он бы просто-на-

просто не смог бы оказаться здесь и в объятиях секретарши. Но Юля не стала ничего выяснять.

— Я знаю, — сухо сказала она.

И ушла, громко хлопнув дверью. Эдуард со стоном схватился за голову. Если Юля совсем уйдет от него, Семья быстро поставит на нем крест — сначала обычный, деревянный, а потом уже, возможно, мраморный...

глава 13

Пол качался, стены, казалось, изгибались, как кривые зеркала. И только Лена стояла незыблемо. Светящееся, отливающее мертвенною синевой лицо, грустные глаза, бесплотное, почти прозрачное тело... Она внезапно всплыла из темноты, и, глядя на нее, Павел боялся, что сейчас она исчезнет, растворится во мраке вечности.

«Все пьешь?» — печально спросила она.

Он не видел, чтобы она открывала рот, и голоса ее не слышал, но все же ее вопрос прозвучал в сознании ясно и четко.

Павел действительно сегодня много выпил. Может, потому и сообразил, что с покойной женой общаться нужно мысленно, а голос может прогнать видение.

«Я хочу к тебе. Я уже выплакал все слезы...»

«Все сказал?» — печально улыбнулась она.

«Нет... Я люблю тебя!»

От прилива сильных чувств закружилась голова, Павел едва удержался на ногах. Наконец-то он признался жене в том, чего она так ждала от него на протяжении многих лет.

«Я знаю, что ты меня любишь, — ее улыбка наполнилась счастьем. — И я очень хочу к тебе».

«Ты не можешь ко мне. К тебе могу я...»

Входной звонок резкой трелью прорезал колышущуюся тьму, видение исчезло.

Павел до боли зажмурил глаза, тряхнул тяжелой от водки головой. Не было никакого видения. Просто он сходит с ума...

А звонок продолжал резать слух. Он подошел к двери, но в глазок смотреть не стал. Зачем? Если за дверью киллер, то чего бояться? Он же убьет быстро и не больно. И тогда душа устремится к Лене...

Но Лена сама пришла к нему. Она стояла за дверью, такая же взволнованная и печальная, но во плоти. Она очень хотела к нему, и вот она с ним... Она не хочет, чтобы он умирал. Поэтому сама пришла к нему.

— Лена!

Вот это было настоящее сумасшествие. Он схватил покойную жену за руку, завел в квартиру. Она прильнула к нему, согрев теплом своего тела... Она мертва, но вместе с тем живая, теплая, как будто плоть от плоти. Он должен ее бояться, но ему совсем не страшно. Потому что он действительно сошел с ума. Помешался от любви к ней...

Она молчала. Он не слышал ее голоса, и ее мысли не звучали у него в голове. Он чувствовал только одно — она очень хотела быть с ним. Быть, как женщина с мужчиной. А уж он-то как хотел! Она должна знать, как сильно он ее любит, он объяснит ей это и словом и делом...

Вне себя от возбуждения он затащил жену в комнату, вместе с ней свалился на диван. Платье с нее снимать не стал: никогда. Быстрей, быстрей... Она

жарко дышала ему в ухо, сопела, стонала от удовольствия. Вот из ее груди вырвался глубокий вздох. Тело напряглось под его натиском, он ощутил горячую упругость ее живой плоти; она, расслабляясь, подалась ему навстречу... Никогда и ни с кем ему не было так хорошо, как с ней и сейчас. Все его прежние любовницы казались жалким ее подобием...

Лене совсем не нужен был парик, чтобы завести его, не нужен был и корсет с подвязками — полная ерунда. Ему достаточно чувствовать тепло ее тела, вдыхать аромат ее кожи, волос, и одно только это делает его самым лучшим любовником на свете. А еще он очень-очень любит ее, а значит, он — самый лучший муж. Лучший муж покойной жены... Но ему все равно, живая она или мертвая. Он сошел с ума и безмерно этому рад...

А потом был взрыв, который, казалось, сорвал его с дивана вместе с Леной. Они вознеслись высоко-высоко, и он уже знал, что это за высота. Сейчас она покажет ему райские кущи, где скучала без него. Там они будут счастливы. А на землю, на белый свет он больше не вернется. Теперь он знал, что можно умереть от острого наслаждения, но только затем, чтобы воскреснуть на небесах...

Но эйфория безумного блаженства вдруг схлынула, и Павел обнаружил себя на своем диване. Но Лена рядом, жмется к нему, жаркая, разомлевшая... И у него нет никаких сил: все вычерпал из себя. Сон давит на сознание всей своей массой, окутывает его розовым дымом, глаза склеивает сладкий с легкой горчинкой мед. Засыпает он, но Лена никуда от него не денется.

— Не пущу! — закрывая глаза, он крепко обнял ее и прижал к себе. — Ты со мной...

Проснулся он утром. Свет за окном, на жестяном подоконнике гулко гарцают голубь, муха вьется вокруг люстры, жужжит. А в постели только он один. Нет Лены... Да и была ли она? Могла ведь и привидеться. Слишком уж много он выпил вчера. Впрочем, как всегда...

Но почему тогда на кухне что-то шкворчит на сковородке. Луком пахнет, колбасой... Лена?! Но ведь утро на дворе. Покойники в это время спят...

Павел осторожно поднялся, натянул брюки, тихонько прошел на кухню. У плиты стояла женщина. Очень похожая на Лену. Но это была не она... Хотя платье очень знакомое. Однотонное, стильное, длиной чуть выше колена. И задиралось оно вчера легко...

— Юля?!

— А ты удивлен? — спросила она, не поворачивая к нему головы.

— Э-э... Я не знаю...

— Ты вчера всю ночь называл меня Леной... Нет, нет, я ни в чем тебя не виню. А ты винить меня можешь. Это твое право...

— Коротко и ясно.

Лена была вчера только в видениях. А дверь он открыл Юле. Но ведь ему вчера было здорово. И не с Юлей он спал, а с Леной... Ни себя он не мог винить, ни ее. Но на душе все равно тяжко... Впрочем, у него есть лекарство.

— Только неясно, почему ты здесь.

— Я ушла от мужа, — дрогнувшим от волнения голосом ответила она.

— Ко мне?

— Нет, вообще... А к тебе я просто заглянула. Бы-

ла в баре, потом решила к тебе... Я тоже вчера была пьяна.

— Тогда тебе тоже стоит подлечиться.

Он полез в холодильник, достал оттуда пару бутылок холодного пива.

— А нужно? — спросила она, с сомнением глянув на него.

— Ты же не будешь читать мне мораль? — пристально посмотрел на нее Павел.

— Нет, — опустив глаза, качнула она головой.

— Тогда мечи. На стол. Что там у тебя на печи?

Он угадал: она приготовила яичницу с колбасой и луком. Вкусно. Он ел с таким аппетитом, что Юля подвинула ему свою, нетронутую тарелку. Но он осадил ее протестующим движением руки.

— Был бы я у тебя в гостях, пожалуйста. А так в гостях у меня ты... Кстати, как ты узнала мой адрес?

— Семен сказал.

— Ну да, он про меня все знает... — разозлился Павел.

Он снова полез в холодильник, но вместе с пивом достал и бутылку водки, последнюю из своих запасов.

— Пришел ко мне, шантажировал тобой, — в запале выдал он.

— Шантажировал мной? — возмутилась она.

— Да, я был с тобой, значит, мы с ним почти родственники.

— Прямо так и сказал?

— Ну, что-то в этом роде... Дал понять, что я не могу его выгнать. А потом... Потом я совершил должностное преступление. Твой брат — козел! Но я еще хуже... Он хоть за дело, а я — предатель... Я презираю себя, понимаешь?!

На всякий случай он поставил на стол две стопки, но Лена мотнула головой. Впрочем, он в собутыльники к ней и не напрашивался. Самому мало...

— Чем он тебя купил? — спросила она.

— Купил... В том-то и дело, что купил. Как последнего... Сволочь. Я сволочь... Он все правильно сделал — ублюдка нашел, который Лену мою убил... Я его сам сколько искал, и все без толку. А Семен твой нашел... Отомстил я за жену. Отомстил, понимаешь. А ей все равно...

Стопка водки, запитая пивом, плотно легла на старые дрожжи, и Павел почувствовал, как запьянял. Но этого все еще было мало. Хотелось довести себя до невменяемого состояния, чтобы не мучиться, не переживать.

— Она приходила ко мне, — сказал он, закуривая после второй. — И ничего не сказала... Ко мне, сказала, хочет. А тут ты в дверь позвонила... Ты сама понимаешь, что я с ней вчера был, а не с тобой.

— Понимаю, — опустив голову, сказала она. — И ни в чем тебя не виню. Себя виню... Лезу в твою жизнь. Ты меня гонишь, гонишь, а я все лезу, лезу... Не нужна я тебе. Никому не нужна...

Она сложила руки на столе и беспомощно уронила на них голову. Она плакала, и плечи ее так жалобно вздрагивали, что у Павла от сочувствия перехватило горло... Но чем он мог ей помочь? Обогреть, утешить? Но ведь у него есть Лена. И не его вина, что вчера он принял Юлю за нее...

А может, и есть в этом его вина? Может, он и должен утешить Юлю. Живые на этом свете должны заботиться о живых. Тем более он сам виноват в том, что дал Юле надежду, которой она сейчас жила. В которой жестоко разочаровалась. Зачем он признался

ей, что очень любит свою жену, на которую она так похожа. А Юле, как всякой женщине, свойственно фантазировать. К тому же он действительно тянулся к ней, и она чувствовала это...

— Нужна. Мне нужна, — решительно сказал он.

Ему не нужно было подсаживаться ближе к ней, чтобы обнять. Он всего лишь коснулся ее руки, и она сама потянулась к нему, как цветок навстречу солнцу.

Движением руки он позвал ее к себе, и она, жалобно всхлипнув, пересела к нему на колени. Обняла его за шею, прижалась к нему всем телом, и ее слезы окропили его плечо. Он был жесток с Леной. И это вовсе не значит, что так же он должен поступать с Юлей. Может, и не любит он ее так сильно, как жену, но сейчас его душила нежность к этой женщине. И неважно, что эта нежность замешана была на ее слезах. Важно было понять, что нет у него права обижать ее. И отвергать ее — преступно...

— Ты в платье, тебе неудобно, — сказал он, когда слезы на ее глазах высохли.

— Это все, что у меня есть, — всхлипнув, сказала она.

— Да, ты говорила, что ушла от мужа... Он что, уже вышел из тюрьмы?

— А ты не знаешь? — без особого удивления спросила Юля.

— Нет. Мне уже все равно... Я увольняюсь, ухожу со службы.

— Почему?

— Потому что твой муж уже на свободе. Я помог ему освободиться. Я предатель... И ты должна меня презирать.

— Но я тебя не презираю... Я презираю мужа. Я видела, как он... был со своей секретаршой...

— И с горя напилась? — тускло улыбнулся он.

— Нет, не с горя... Я его не люблю, потому и не было никакого горя. Но напилась. И пришла к тебе...

— Семен знает, что ты у меня?

— Нет.

— Но ты же спрашивала у него мой адрес.

— Давно спрашивала... После того, как ты от меня ушел. Напоил меня и ушел... Я хотела к тебе, но гордость не позволила. Хотя твой адрес я все-таки узнала. На всякий случай, вдруг сил не будет держаться. Вчера не удержалась... То, что муж мне изменил, это всего лишь предлог. Я его не люблю. Я тебя люблю. И это факт, от которого никуда не деться...

Павел промолчал, но Юля восприняла это, как продолжение разговора. Как будто он сказал ей, что не сможет полюбить ее.

— Я понимаю, ты всегда будешь любить свою Лену. И ни на что не претендую. Любишь ее — и люби. Только меня не гони... Если прогонишь, я не знаю, что с собой сделаю.

— Не надо ничего делать. Живи. Просто живи со мной. Если понравится...

— Мне нравится все. У тебя мне нравится все...

— А дом тогда оставь мужу. Не хочу от него ничего.

Павел засмеялся, и Юля, отстранившись, вопросительно посмотрела на него.

— Вспомнил, о чем думал, когда муж твой сел. Нечестно, думал: он сидит, а я с тобой... Может, и правильно сделал, что помог ему освободиться?

— Мне все равно, правильно или нет... Мне правда в платье неудобно.

Павел оставил ее на кухне, прошел в спальню, где в шифоньере хранилась одежда. Нашупав в стопке халат покойной жены, он замер, прислушиваясь к тишине, уж не послышатся ли за спиной крадущиеся шаги. Но нет, не было ничего. Значит, Лена спокойно относится к тому, что ее халат перейдет к Юле. Если та, конечно, согласится.

Юля против халата возражать не стала, хотя и понимала, чей он. Но белье Павел предлагать ей не решился. Все-таки это более интимная вещь...

Пока она принимала душ, он сидел на кухне и налегал на водку. В голове все перемешалось — Лена, Юля, платья, халаты, душ, белье. Он уже переспал с Юлей; что, и дальше продолжать в том же духе? А как же Лена?.. Кошки скребли на душе, а водка обезболивала раны...

Когда Юля вышла к нему, бутылка была пуста.

— Нельзя же так, — с упреком во взгляде покачала она головой.

— Знаю, что нельзя, — пьяно кивнул он. — А если душа просит?..

— Даже не знаю, чем тебе помочь.

— Не надо мне ничем помогать. Сам как-нибудь справлюсь.

— С чем?

— С кем. С самим собой...

Павел поднялся, повернулся к ней спиной.

— Я пошел спать. Если хочешь, пошли со мной...

Она ничего не сказала в ответ. И за ним не пошла. Засыпая, он подумал о том, что чем-то ее обидел. И еще в сознании мелькнула мысль, что Юля может из-за этого уйти. Он уже не очень хотел, чтобы она уходила. Но и удерживать ее не собирался...

глава 14

Семен сидел в низком кресле, картино забросив ногу на ногу. Глядя на него, Эдуард не мог понять, сочувствует он ему или насмехается над его бедой. Скорее, второе. Слишком хорошо знал он своего родственника, чтобы верить в его благие намерения.

— Эдик, я же говорил тебе, будь осторожен, — вспомнил Семен. — А ты меня не послушал. Нельзя же быть таким неосторожным. Хоть бы закрылся, что ли.

— Но я закрылся, — неуверенно сказал Эдуард.

— Точно?

— Ну, вроде.

— Твой «вроде» у Карины был, когда Юлька вошла. Приехала мужа повидать после долгой разлуки, а тут половое безобразие... Я бы на ее месте тебя убил. Только вот к другому бы не ушел. Потому что с мужиками не жу-жу...

— А она что, к другому ушла? — встрепенулся Лихопасов.

— А ты не в курсе? — насмешливо посмотрел на него Семен.

— Это что, правда?

— Правда. Но это наша, семейная, правда. Юлька ушла к другому, но об этом знать должны только мы. И ты никому не должен говорить об этом...

— Да какая разница, кто и что кому-то может сказать! — вспылил Эдуард. — Юля наставила мне рога?! Я не могу в это поверить!

— А ты в стену головой с разбега ударься. Если рога не отвалятся, значит, все путем... А если серьезно, то ты все это должен пережить.

— Она что, правда, с другим живет? — не на шутку раз волновался Лихопасов.

Вот уже неделя прошла с тех пор, как исчезла Юля. Бросила детей на его мать и не появляется. Он думал, что жена ушла к своему отцу: дом у него большой, места много. Надеялся, что со временем она успокоится и позволит попросить у себя прощения. Он, конечно же, настраивал себя на то, чтобы извиниться перед ней. Все-таки он очень зависел от нее... И тут вдруг выясняется, что Юля живет с другим. Он чуть не волосы рвал на себе, пытаясь показать, как страдает без нее, а Семен с легким сердцем сообщает ему, что у него выросли рога.

— Да, правда.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— А сердцу, братец, не прикажешь. Вот если бы ты ушел, я бы тебе вправил мозги. А Юлька — моя сестра. Моя упрямая сестра... Людого сломать могу. Тебя, надо будет, сломаю. Мента сломал, который тебя за узду держал... Ну, может, и не совсем сломал, но точно, сделал... Он, кстати, неплохой мужик. Попильней тебя будет. Не поверишь, я его даже уважать стал. А знаешь за что?

— Зачем он мне нужен, этот мент?

— А затем, что он спит с твоей женой! — словом, как плеткой, полоснул по сознанию Семен.

— Как так? — опешил Эдуард.

— А как положит, так и спит... Юлька ему очень понравилась. И она на него запала.

— Врешь!

— Ты не шипи, не надо. Пока ты сидел, она его домой к себе приводила. Накушалась прилично. Как в песне: напилась — и вся твоя. Только он ее не тро-

нул. Потому что мужик. А как только ты вышел, так он ее и приголубил...

— Прямо в тот же день?..

— Ага, прямо в ту же ночь... Она увидела тебя с Кариной и к нему побежала. На тебя жаловаться. Ну, он ее и утешил...

— Мразь! — взвыл от обиды Эдуард.

— Я тебя понимаю, — без особого сочувствия в голосе сказал Семен.

— Я его убью!

Лихопасов представил себе, как он выглядит в этот момент. Гордый, страшный и беспощадный. Только Семен почему-то не пришел от него в воссторг.

— А как же Юлька? — возмущенно спросил он.

— Ее трогать не буду! — продолжая любоваться собой, пообещал Эдуард.

— Трогать он ее не будет, — пренебрежительно фыркнул Бурыбин. — А ты о чувствах ее подумал? Ты мента убьешь, а она руки на себя наложит. Угадай, кто в этом будет виноват?

— Не наложит, — растерянно мотнул головой Лихопасов.

— А вдруг?.. Ты же должен понимать, что я тебе за Юльку башку оторву.

— Да я понимаю... Только как мне быть?

— Вот я и думаю, как тебе быть... Я говорил с Юлькой. Она вроде бы разводиться с тобой не собирается. А мент в дом к ней, то есть к вам ехать не хочет. Это все правильно, конечно.

— Что правильно? Я ничего не понимаю! Моя жена живет с каким-то ментом, а ты ведешь себя, как будто так и надо!..

— Ты на меня слюной-то не брызгай. Мне лично

все равно, с кем живет Юлька. Лишь бы любила. Но проблема в том, что ты — член нашей семьи. А мент им никогда не станет. Да он и не стремится... Пусть Юлька с ним живет, пока не перебесится. А там видно будет... Или развестись с ней хочешь? — жестко спросил Семен.

— Ну нет! — поторопился заверить его Эдуард.

— Это правильно. Все-таки у вас дети, она должна это понимать... Да, кстати, мой тебе совет: езжай-ка ты сейчас за детьми к своей матери. Заберешь их домой, сам будешь ими заниматься. А Юлька узнает, какой ты заботливый отец, поймет, что зря тебя бросила... Ведь менту ее дети не нужны, правильно?

— Э-э, да, — из глубины своих раздумий кивнул Эдуард.

— Были бы нужны, сейчас бы у него жили, а они до сих пор у твоей матери. Логично? Логично. Нелогично будет, если они вдруг сегодня заберут ее детей. И твоих, между прочим, тоже. А Юлька что-то говорила, что пытается мента своего уломать... Давай, не тормози, прямо сейчас за детьми езжай.

Семен медленно поднялся, подошел к Лихопасову, панибратски похлопал его по плечу. И ушел. А Эдуард остался обтекать, как оплеванный.

Он мог бы вызвать к себе Карину, расслабиться вместе с ней под коньячок, но даже думать о ней не хотелось. Все из-за нее... Да и Семен хорош. Нет чтобы сестру за уши к законному мужу привести, он менту дифирамбы поет! О Юле и говорить нечего. Как она могла бросить его и уйти к другому?..

Юля?! К другому... Но этого не может быть! Кому она нужна с ее «неземной» красотой?.. Но ведь нужна. Хочешь — верь, не хочешь — не верь, но Юля живет с ментом... И что теперь делать?

Эдуард нервно постучал кончиком авторучки о стол. Надо что-то делать? Но что?..

Да, наверное, Семен прав. Прежде всего, нужно стать образцовым отцом. Надо ехать к матери, забирать детей и увозить их домой. Он будет с ними играть, они будут бегать вокруг него, смеяться. И это все нужно снять на камеру, чтобы затем через Семена передать кассету Юле. Она очень любит своих дочек, ее материнское сердце не выдержит, и тогда она бросит своего мента, вернется к мужу... А он больше не станет изменять ей с Кариной. Вообще — никаких измен...

Лихопасов с удивлением прислушался к себе. А ведь ему действительно не нужна Карина. Он действительно жалеет о том, что Юля не с ним. И дело даже не в том, что его ждет пуля, если он вдруг уйдет из семьи. Просто Юля ему дорога, как жена. А ведь правда дорога...

Он вскочил с места, сделал круг по кабинету. Ехать к матери, действительно, нужно прямо сейчас. Вдруг Юля его опередит, заберет детей? Тогда их будет воспитывать мент... Нет, это уже никуда не годится.

Телохранители расслаблялись в баре, лениво потягивая сок и разглядывая полуоголых танцовщиц. Они привыкли, что босс задерживается в казино чуть ли не до утра. Но сегодня Лихопасов потревожил их раньше положенного. Впрочем, недовольства они не выразили.

— Куда ехать? — закрывая за собой дверь, спросил Жора.

Эдуард уютно разместился на заднем сиденье. Мягкий диван, приятный запах кожи... И только в душе дискомфорт.

— Улица Черепанова.

— Южная окраина? — снова и так же громко спросил Жора.

— Зачем спрашиваешь, если знаешь? — раздраженно глянул на него Лихопасов.

— Да вот, вслух вспоминаю. Там еще через Лебединый пруд ехать.

— Не через пруд, а мимо. Рули давай.

Машина мягко выехала на дорогу, с легким шелестящим гулом помчалась по ночному городу. Плавный размеренный ход убаюкал Эдуарда, он почти заснул, когда вдруг автомобиль резко затормозил.

— Твою мать! — выругался Жора.

И выскочил из машины. В свете фар Эдуард увидел силуэты двух мужчин. Один направил на водителя пистолет с глушителем. Выстрела он не услышал, но Жора упал. Вслед за ним, вытаскивая на ходу пистолет, удлиненный цилиндром глушителя, вывалился из машины второй телохранитель. Но упал, даже не успев сделать шаг навстречу опасности.

Эдуард с ужасом наблюдал, как через открытую водительскую дверь в салон протиснулась рука с пистолетом. Но страх перед смертью не совсем парализовал его. Он смог открыть свою дверцу, но выйти из машины не сумел: из темноты на него смотрел второй пистолет.

— Э-э, не надо, не убивайте! — жалко пробормотал он, задом пятаясь в глубь салона.

— Да никто не собирается тебя убивать, — услышал он голос человека, который уже сел за руль.

Второй убийца сел рядом, ловким движением набросив на голову Лихопасову небольшой мешок. А ствол пистолета уперся ему в бок, так что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи.

- Жить хочешь? — спросил человек справа.
- Да, к-конечно...
- Тогда скажи, кто Блинкова убил?
- А-а вы кто?
- Тебе не все равно?
- К-конечно, все равно... Только я не знаю, кто его убил...

— Ты не думай, мы не из ментовки. Обратно в камеру не отправим. Просто нам нужно знать, кто заказал Блинкова.

- Я не знаю.
- Тебя как лучше убить — в голову выстрелить или в живот? В голову больно, зато сразу. А в живот — больно и долго умирать будешь.

— Ну, не надо, ну, пожалуйста! — простонал Эдуард.

Он представил, как будет лежать с простреленной головой, как его будет резать патологоанатом, вынимая из живота кишки, чтобы выбросить их потом на больничную свалку на радость жирным вонючим мухам. Потом его положат в гроб, кто-то из близких расскажет, каким хорошим человеком он был, потом пьяный гробовщик закроет его крышкой, забьет ее гвоздями. Гроб опустят в землю, закопают, а его таким нежным и свежим сейчас телом займутся могильные черви, они будут жрать его разлагающуюся плоть, жиреть и размножаться, пока не будет обглодана последняя косточка... И случится это не когда-нибудь, а в самое ближайшее время.

— Я спрашиваю, кто убил Блинкова?

Нет уж, лучше пропадать в тюремной камере, чем в могиле. Тяжело там, страшно, но хоть какая-то жизнь...

— Я убил! Я!

— Кто с тобой был?

— Никого.

— Не ври. В машине было как минимум двое.

— В машине? Из которой я стрелял? Да, двое было. Только я второго не знаю. Честное слово, не знаю!

— А Блинкова за что убил?

— Ну, мне его магазин нужен был.

— А Семену? Бурыбину?

— Э-э, он здесь ни при чем. Честное слово, ни при чем!

— Значит, ты все сам организовал?

— Да! Сам!

— И человека нанял, который за рулем был?

— Да! Нанял!

— И кто он такой, понятия не имеешь?

— Ну да. Он ехал на «десятке», я его остановил, попросил подвезти. Он подвез, я выстрелил, денег ему дал...

— И он тебя не сдал?.. Десять секунд у тебя, козел, чтобы помолиться, потом буду стрелять. Давай, время пошло!

— Но это правда!

— Восемь!

— Я сам все!

— Пять!

— Почему так быстро?

— Две секунды!

— Я скажу! Скажу!!! — не выдержал прессинга Лихапасов.

Он боялся умереть. Лучше предать Семена, чем гнить в земле. У него есть немного денег, он уедет куда-нибудь далеко-далеко, чтобы никто его не достал. Ясно же, что у Бурыбинах проблемы, их скоро нач-

нут отстреливать как бешеных собак. И когда их не станет, он вернется в город... Ни кола у него не будет, ни двора. Зато он будет жить. Жить!..

- Говори!
- Семен со мной был.
- Бурыбин?
- Да, Бурыбин.
- И на суде можешь это подтвердить?
- Да! — кивнул Эдуард.

Суд не входил в его планы, но ему главное — получить отсрочку. Как только минует угроза жизни, он тут же ударится в бега. Только его и видели...

— Вот и молодец. Значит, жить будешь. Жаль, что не долго...

Значение этих слов Эдуард понял через некоторое время. Он услышал, как к джипу подъехала машина, хлопнули двери, и тут же сильные руки выдернули его из салона. Мешок с головы соскочил сам по себе.

Он упал на колени, на мокрую после дождя траву. На небе ни облачка, звезды во всю ширину вселенной, лунная дорожка на воде, лягушка в камышах надрывается. А над ним нависал Семен. Дьявол во плоти, смерть онлайн...

- Ну что, иуда, все-таки сдал?

В его глазах Эдуард видел космос — бездонный, ледяной и беспощадный к ошибкам. А он ошибся, не понял, что это была проверка... Точно, проверка. Он видел стоящих в сторонке некогда своих телохранителей. Это их смерть лишила его рассудка.

- Я... Я не хотел... Они меня запутали...

— Ты сам, Эдик, запутался. В своей жалкой душонке запутался, как баран в трех соснах... У кого-то луша как гибкий лес. Хоть и гибкий, но лес. Большой лес. А у тебя, Эдик, три сосны. И ты на них в

рай хотел подняться. А не вышло у тебя, потому что слабак ты и трус.

— Но я же не сдал тебя, ну тогда, в ментовке! — умоляюще взывал к Семену Лихопасов.

— Не сдал. Потому что тебе смерть не грозила. И ты знал, что тебя вытащат. А как порохом запахло, так и приехали... Правильно Юля сделала, что ушла от тебя. Чухарик ты и есть Чухарик. И Штуцера ты кончил, потому что Чухарик... Ну, это ты ему на том свете объяснишь, зачем ты его убил...

— Я... Я не хочу на тот свет! — взвыл Эдуард.

— Извини, ничего не могу поделать, — повернувшись к нему спиной, сказал Семен. — Юлька ни за что не вернется к тебе. А членом Семьи ты оставаться не можешь, потому что предатель. Как предатель...

Он не договорил — помешал звук вдруг лопнувшего стекла и послышавшийся затем визг рикошета. Над головой Семена что-то просвистело, а стоявший за ним человек вдруг схватился за живот...

— Твою мать! — Семен испуганно присел, хватаясь за пистолет.

А рядом с ним захрипел, взявшись рукой за горло, Жора.

Стреляли из бесшумного оружия, откуда-то из темноты. Эдуарду даже показалось, что за прибрежными кустами мелькнул чей-то силуэт. Стреляли плотно, очередями. Переполошенный Семен и думать забыл о приговоренном родственнике. Отстреливаясь, он бежал к машине, корпус которой мог защитить его от пуль.

Какое-то время Эдуард сидел как заяц под кустом с поджатыми ушами, наблюдающий, как поймавшая его лиса дерется с напавшим на нее волком. И нако-

нец до него дошло, что у него появился шанс на спасение.

Припадая к земле, на согнутых ногах он развел немыслимую для обычной ситуации скорость. Пули свистели у него над головой, а он бежал, пока с треском не влетел в прибрежные камыши, которые казались ему очень густыми, чтобы спрятаться в них.

Он хотел погрузиться в грязную воду пруда по шею, но здесь оказалось мелко. И не вода, а сплошной ил. Но Эдуард лег на спину, оставив на поверхности среди тростинок камыши лишь лицо. Помогая себе ногами, он осторожно продвинулся в глубь зарослей.

Впрочем, искать его никто и не собирался. Отзвучали выстрелы, над озером снова воцарилась тишина. А потом где-то вдали заунывно взвыла милицейская сирена. Только тогда Эдуард вылез из своего мокрого укрытия и побежал, огибая пруд.

Куда идти, он еще толком не знал. Главное, он избежал гибели. А возможно, и опасного родственника. Он бежал, мечтая о том, чтобы все Бурыбины исчезли с лица земли...

глава 15

Ждан тихонько постанывал, потирая раненую, наскоро перебинтованную руку. Пуля прошла навылет, но, видимо, задела кость, поэтому ему было так больно.

— Терпи, брат, терпи, — нервничал Семен. — Главное, жив остался. А двоих положили, гады...

Это война, и развязал ее Паук. Только его наемники малость просчитались: их целью были Семен и Ждан, а убили они двух телохранителей. Еще два

бойца были серьезно ранены — их сейчас везли в больницу на джипе сбежавшего Эдика. А Семен и Ждан ехали домой, к отцу. Нужно было срочно решать, что делать. А пока нужно оповестить всех об опасности.

Семен позвонил Леве — тот уже дома, а особняк отца находится по соседству, там он будет в большей безопасности, чем у себя. Во всяком случае, Семену очень хотелось на это надеяться.

На очереди Стас, но его телефон почему-то не отвечает... Но вот, наконец, послышался его голос.

— Да.

Судя по его вальяжной интонации, он еще ничего не знал.

— Брат, нас обстреляли, Ждан ранен.

— Куда?

Стас пытался сохранить спокойствие, но чувствовалось, что давалось ему это нелегко.

— В руку. Ничего серьезного... Я надеюсь...

— С Эдиком разобрались?

— Облажался Чухарик.

— Плохо. Проблему с ним решили?

— Почти.

На днях Семен разговаривал с Юлей. Она упрямо не желала возвращаться к мужу. Никто пока не собирался вычеркивать Эдика из списков Семьи, но ведь он сам, разозлившись, мог наломать дров. Поэтому и попал в разряд ненадежных, и Семену пришлось организовывать ему проверку, которую тот выдержать не смог. Эдик сам подписал себе приговор, но исполнить его не успели...

— Почти? Это не ответ.

— И не результат, — поморщился Семен. — Оформить его собирались, а тут эти... Пока отбива-

лись, Чухарик ушел. Автоматы у них были, глушители. Все очень серьезно, брат... К отцу надо, решать, что делать. Ты бы Леру свою забрал, и к нему...

- Да, ты прав, надо собираться. Только Леры нет.
- Где она, в клубе?
- Нет ее, у матери она. У отца инфаркт был...
- Так это же далеко.

Насколько знал Семен, Лера была родом из небольшого города, находившегося в километрах в пятидесяти от Старобоярска.

- Ничего, она на машине.
- С охраной хоть?
- Какая охрана? Ты же знаешь, она у меня сама себя охраняет.

Семен кивнул. Лера и рукопашным боем владела, и охранной лицензией, которая позволяла ей держать при себе служебное оружие, мало чем отличающееся от боевого.

— Все правильно, брат. Я тоже не хочу, чтобы мою жену мужики охраняли. Я ей двух девок нашел.

— Я Лере предлагал такой вариант, она не хочет... Да ты не переживай, с Лерой я сам разберусь. Сам ты где?

— К отцу еду... Надо бы еще и Юльку забрать. Она хоть и не при делах, но все может быть. Да и Чухарик бегает где-то, вдруг наскочит...

— Это хорошо, что ты о ней заботишься. Только тебе сейчас не до нее.

— Ну, людей под рукой нет, некого за ней послать, — сказал Семен.

Свободных людей у него под рукой действительно не было. Но в запасе есть парочка толковых ребят, которых он мог поднять из теплой постели, чтобы отправить за Юлей. Но сейчас они нужны были ему для

другого дела. Разговор со Стасом навеял ему одно нехорошее предположение, которое он хотел бы опровергнуть.

— Ничего, я все организую. Ты давай, к отцу езжай, там встретимся, разберемся...

Семен отключил телефон и глянул на брата. Ждан сидел, инстинктивно поглаживая больную руку. Он молчал, закусив нижнюю губу. Семен смотрел на его немые страдания и представлял, как жестоко расправится с его и своими обидчиками.

* * *

Звездное небо качалось над головой, земля, казалось, пыталась выскользнуть из-под ног. Собака взяла след, женщина-кинолог сначала двинулась за ней шагом, затем перешла на бег. Но это ее работа. А Павел не очень понимал, зачем он сам бежит за ней. Может, потому что она — женщина, и ему, как мужчине, неудобно отставать от нее. А бежать после выпитого тяжко, да и легкие прокурены насквозь. И зачем ему все это нужно?

Но вот наконец собака остановилась и озадаченно закружилась на придорожном пятаке.

— Здесь они сели в машину, — сказала круглоголовая девушка с погонами старшего лейтенанта.

Она была раздосадована так, будто именно из-за нее преступники ушли.

— А машина их ждала, — в раздумье кивнул капитан Нырков, опер из местного РОВД. — Ну, так по-другому и быть не может. Акция была спланирована...

В отличие от Павла, он почти не устал, пока бежал. И дыхание у него несбитое. А еще его переполняло желание работать, чего Никифоров не мог ска-

зать про себя. Документы на увольнение уже отправлены, в ближайшее время подпишут приказ, и все, прощай, милиция. Может, сегодня у него последнее дежурство.

Он посмотрел на светящиеся в темноте многоэтажки спального микрорайона. К ним вела дорога, по которой уехали преступники. Повернувшись к высоткам спиной, он глянул на пруд, виднеющийся вдали. За ним тоже светятся многоэтажные дома, но между двумя микрорайонами большой пруд с пустырем, который почему-то именуется парком. Деревьев раздва и обчелся, искусственного освещения нет, про асфальтированные дорожки и скамейки для культурного отдыха и говорить нечего. Зато бандитские разборки — всегда пожалуйста. Место темное, безлюдное. В лихие девяностые отсюда частенько трупы вывозили...

И сегодня, похоже, произошла разборка. Два трупа, кровь, гильзы, следы от машин... Особенно много гильз было в кустах, откуда тянулся взятый собакой след.

— Акция была, — кивнул Павел. — Но какая? Разборка? Тогда почему стрелки машину здесь бросили?

— Может, разборка между одними была, а это третья сторона? Подъехали, выбросили десант, маршбросок по пересеченной местности, занятие боевой позиции, огонь на поражение...

— Все может быть... — согласился Павел. — Может, по дороге пройтись? — кивнул он в сторону высотных домов. — Ребятки, я так думаю, очень спешили, может, напортачили где-то...

Он очень сомневался в том, что преступникам что-то помешало беспрепятственно скрыться с места

преступления. Но и самому к этому месту возвращаться не хотелось, там и без него разберутся. РУБОП уже там, чуть ли не в полном составе. Это их компетенция, а Павел уже, считай, отработанный материал.

— Да вряд ли, — мотнул головой Нырков. — Может, сам?

— Тогда, если что, скажешь, где я.

Павел достал из кармана сигарету, с сомнением покрутил в ее руках. Курит он очень много в последнее время и пьет чуть ли не каждый день. Поэтому и бегает еле-еле, хотя в недалеком прошлом всегда показывал отличные результаты... Но для чего себя бе-речь, если на службе поставлен крест? А для Юли он сгодится и такой.

Все-таки он сунул сигарету в рот, закурил. Дождался, когда Нырков и кинолог с поисковой собакой растворяются в темноте, и медленно пошел по дороге в сторону многоэтажек.

Он был уже возле первого по счету дома, когда звонил телефон.

— Паша, у меня проблема! — услышал он встревоженный голос Юли. — Мне нужно уехать.

— Куда?

— Отец к себе зовет. За мной уже приехали.

— Кто?

— Ну, отец прислал.

— Что-то случилось?

— Да нет, ничего, — голос у Юли заметно дрогнул.

Значит, не совсем она с ним искренна. Значит, все-таки случилось что-то не очень приятное для ее семьи.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

- Нет. Зачем? Нормально все.
- Звонить хоть будешь?
- Да, обязательно... Может, мне останься?
- Нет, лучше к отцу. И детей забери...
- Да, я сейчас за ними, а потом к отцу...
- Кто вам угрожает?
- Да нет, не угрожают, — снова слукавила Юля.
- А Семен там, рядом с тобой?
- Нет.
- Но ты с ним увидишься?
- Да.
- Пусть он мне позвонит.

Семен вызывал в нем неприязнь. Преступник он, убийца, шантажист — и этим сказано все. Но в то же время Павел испытывал к нему и чувство уважения. Маленькое такое чувство, смутное, как предрассветный час, но все же он был благодарен ему за убийцу жены, который обязательно понесет заслуженное наказание. И еще он, как никто другой, понимал свою сестру, заботился о ней. Юля сказала ему, что любит Павла, и Семен даже не стал отговаривать ее. Сказал, что ему очень важно, чтобы она была счастлива...

А Юля действительно казалась таковой, хотя Павел особо и не баловал ее своей любовью. Между ними по-прежнему стояла Лена. Нет, не каменной стенной стояла, иначе бы он просто не смог преодолеть такую преграду. Она стояла между ними как привидение, зыбкое в своей нематериальной структуре. Всякий раз, когда Павел приближался к Юле, он чувствовал, что словно проходит сквозь призрак жены, слышал, как звенят в нем струны совести. Может, потому он и не мог жить с Юлей полноценной жизнью, не мог познать с ней счастье. Может, потому до сих пор и прикладывался к бутылке...

Он сунул трубку мобильного телефона в карман, пошел дальше. Прошел еще метров сто по дороге между домами, пока не наткнулся на старенький «Ниссан» с помятым передним крылом. Машина одиноко стояла на перекрестке под ярким придорожным фонарем, огнями аварийной сигнализации посыпая в темное небо сигнал «SOS». Рядом, глубоко сунув руки в карманы джинсов, нервно прохаживался узконосый паренек с наголо бритой головой.

— Ты — хозяин машины? — спросил Павел, осматривая вмятину на крыле.

— Ну, я, — недовольно глянул на него паренек. — А что такое?

— Давно здесь?

— Да уже больше часа! Гаишники совсем обозрели! Ждать уже задолбался!

Павел заглянул в салон и увидел длинноволосую девушку с маленьkim, но симпатичным лицом. Она лежала на разобранном пассажирском кресле; глаза закрыты, руки скрещены на груди. Похоже, она уже поняла, что застряла на этом перекрестке на долго.

— Жена, подруга?

— Ну, подруга... А тебе не все равно? — подозрительно покосился на него паренек.

— Нет, не все равно. Может, у нее сотрясение мозга после аварии?

— Да нет, нормально все. Просто она тоже задолбалась ждать...

— А стукнулись сильно? — спросил Павел, взглядом показав на смятое крыло.

— Ну да, не слабо. Хорошо, что не в дверь въехали, а то бы Таньке досталось.

— А кто въехал-то?

— Да уроды одни! — возбудился от ярких воспоминаний паренек. — Мы выезжаем, а они несутся! Ба-бах!.. Их вот здесь развернуло!

Он показал на месте, как встала после удара «враческая» машина.

— Остановились, постояли немного и дальше поехали... Ну, да ладно, я с ними еще разберусь! — запальчиво пригрозил паренек.

— А ты их знаешь что ли?

— Да не я, Танька... Слушай, а чего ты такой любопытный? Делать нечего?

— Работа у меня такая.

Павел достал из кармана служебное удостоверение, раскрыл его и тут же убрал, чтобы паренек не успел прочитать его должность.

— Ты... Вы из милиции?

— Да, как раз такими делами занимаюсь, по линии ГИБДД. Розыск лиц, скрывшихся с места происшествия... Поэтому к вам и подошел. Увидел, что нарушитель скрылся, и подошел... Хотя надо еще выяснить, кто из вас нарушитель. Кто на главную дорогу выезжал? — Павел строго нахмурил брови.

— Ну, в общем, я, — растерянно посмотрел на него паренек.

— Понятно, с девушкой болтал, по сторонам не смотрел.

— Нет, по сторонам смотрел.

— Но с девушкой болтал.

— Ну да, было немного... Я свою вину и не отрицаю. Но ведь эти с места столкновения скрылись. И потом, они пьяные были...

— Ты с ними общался?

— Нет, видел, как водитель на меня посмотрел. Стекло опустил и посмотрел. Глаза мутные-мутные.

Или пьяный, или под кайфом... Танька говорит, что у них это часто.

— У кого, у них?

— Ну, кавказцы, на рынке... Она там работала, и этого там видела, ну, который за рулем сидел. У них там бизнес — фрукты, овощи, цветы... И еще она говорит, они наркотой приторговывают. Ну, травка там, все такое. И этот мужик постоянно под кайфом. Его так и зовут — Нарик, ну вроде как наркоман.

— Нарик — это еще имя такое... Кавказцы, говоришь?

— Ну, этот, который за рулем был, да, кавказец. Не скажу, что черный, но есть в нем что-то такое, не-русское... Ну, наконец-то!

Из-за поворота неторопливо выехала машина ГИБДД, с кажущейся вальяжностью подъехала к «Ниссану», остановилась. Прошло минуты две, прежде чем из автомобиля вышел милицейский лейтенант. На полных щеках здоровый румянец, голова высоко вскинута вверх, плечи расправлены, пузо вперед, походка от колена.

— Тэк-тэк-тэк! Что там у нас такое? — спросил он с видом сановного человека, недовольного тем, что его оторвали от важного государственного дела.

— Столкновение.

Павел подошел к нему, предъявил удостоверение.

— Преступник скрылся с места аварии.

Взяв гаишника под руку, он отвел его в сторонку.

— Ну почему сразу преступник? — вяло возмутился тот.

— А потому, что тут рядом стреляли недавно, на Лебедином пруду.

— Да, да, была информация.

— Возможно, это те самые стрелки и были. Они

как раз в этом направлении ехали. Спешили очень, могли «Ниссан» зацепить... Я сам только что подошел. Марку машины выяснить не успел. А ты у водителя выясняй, что и как, и сразу в розыск. Проявляй инициативу, лейтенант, глядишь, звездочку получишь.

— А точно преступники? — взбудораженно спросил гаишник.

— Точно — это то, что два трупа на Лебедином пруду. И то, что убийство громкое. Давай, дерзай.

Лейтенант занялся водителем, а Павел — его подружкой. Девушка уже сама вышла из машины и сонно смотрела на своего парня. На улице прохладно, а она в одной футболке, зябко ей. Павел снял с себя куртку, набросил ей на плечи. Должен же он был как-то расположить ее к разговору.

— Теллей?

— Спасибо.

— Ты Нарика хорошо знаешь? — без предисловий начал он.

— Какого Нарика?

— Который в вас врезался? Он ведь и убить тебя мог.

— Да нет, вряд ли... А может, и мог бы...

Сейчас, когда девушка стояла рядом с ним, Павел смог лучше рассмотреть ее. Действительно, симпатичное лицо: правильные черты, аккуратненький нос, глаза интересные. Но при этом заметна была некая грубоść в ее облике, вульгарность, затасканность. Что-то выдавало в ней порочную натуру, причем более пассивную, нежели активную. Такие девушки сами не ищут связей, но довольно легко позволяют мужчинам пользоваться собой.

— Значит, Нарик его зовут?

— Я этого не говорила, — мотнула головой девушка.

— Что ты не говорила?

— Ну, что Нарик в нас врезался.

— Как это не говорила, если сама только что об этом сказала, — пристально и жестко смотрел на нее Павел.

— Разве? — не выдержав его взгляд, заметно стушевалась она.

— Говорила, говорила. И не надо отказываться. Татьяна, пойми, я человек добрый, но начинаю злиться, когда меня начинают обманывать.

— А-а я не обманываю, — мотнула головой девушка, глядя на торчащую из кобуры рукоять табельного пистолета. — Да, Нарик за рулем был.

— Ты его боишься?

— С чего вы взяли?

— Вижу, что боишься... Ты на рынке работаешь?

— Работала.

— Что, уволили?

— Ага, счас! Сама уволилась!

— Что, приставали?

— Кто приставал? — покосившись на своего парня, тускло возмутилась девушка.

— Ну, Нарик, например.

— Кто вам такое сказал?

— Мне так кажется. Вижу, что ты его боишься, поэтому подумал, что он мог к тебе приставать...

— Да нет, не приставал. Я с Муслимом была... Э-э, то есть меня Муслим защищал.

— С чего такая милость?

— Ну, я работала у него, — стушевалась девушка.

— А если я узнаю, у кого ты работала и кто такой Муслим? — негромко сказал Павел.

— Не надо, — еще тише попросила она.

— Почему?

— Ну, было у нас... ну, с Муслином... Только с ним, больше он никому не разрешал... А потом это мне все надоело, я ушла... Только вы Яше ничего не говорите.

— Могила: Только ты не молчи, ладно? Кто такой Муслим?

— Ну, он на Северном рынке... Там у него свои точки. Апельсины, мандарины, цветы, все такое проще. Там целая мафия, короче...

— Какая мафия? Азербайджанская?

— Ну да. А вы как узнали?

— Работа у меня такая, все знать... Значит, Северный рынок?

— Да, Муслим там один из основных.

— А кто такой Нарик?

— Ну, он там на складе, подвозит, подносит... Грязный всегда, неряшливый. Он еще наркотой приторговывает. Ну, травка там... Только я ничего точно не знаю. Так, говорят...

— Кто говорит?

— Ну, люди вокруг...

— Понятно... Значит, Нарик на мафию работает?

— Ну, не на мафию... Он же просто на складе, корзины таскает, мешки...

— А как он выглядит, не скажешь?

— Ну, лицо у него узкое, — начала было Татьяна.

Но Павел ее осадил:

— Не надо на словах. Мы сейчас в отдел съездим, ненадолго. Фоторобот составим, и все.

Никифоров пытался удержать себя на тормозах. Пытался внушить себе, что не стоит лезть в это дело. Но инстинкт профессионального сыщика уже крепко держал его за шкирку и тащил в самое пекло...

глава 16

Юля выглядела напуганной, но вместе с тем не проявляла признаков особого беспокойства. Она уже съездила за детьми и сейчас крепко прижимала к груди спящую малышку Дину. А Семен взял на руки ее старшую дочь, свою племянницу. Девочка терла кулачком глаза и капризно надувала щеки.

— Что, спать хочешь? — догадался Семен. — Сразу видно, что ты Соня.

— Соня она у нас по утрам. Чуть свет, уже на ногах, — вымученно улыбнулась Юля.

— Завтра ей будет весело. Савка уже здесь, про тебя спрашивал.

— Где Савка? — вмиг взбодрилась девчонка.

Глазки широко распахнулись, головка вскинулась, губки растянулись в шальной улыбке. И куда только сон подевался?

Савка был сыном Левы, одного примерно возраста с Соней. Это значило, что в доме намечался большой переполох. Большой маленький переполох. А большой большой переполох уже начался.

— Спит уже Савка. И ты спать сейчас пойдешь.

Соня тяжко вздохнула, с осуждением глядя на дядю. Но ничего не сказала. Девочка она была послушная.

Семен поднялся вместе с Юлей на второй этаж, где для нее готова была комната.

— Может, все-таки скажешь, что произошло? — спросила она, уложив Дину в кроватку.

• Соня уже отправилась искать комнату, где Катя укладывала спать своего такого же взбалмошного сынка. Девочка не могла слышать, о чем говорят мать и дядя.

— А то Павел спросил, а я даже не знаю, — так объяснила Юля причину своего любопытства.

— Ему это совсем не нужно знать, — нахмурился Семен.

— Но ведь он догадывается.

— Догадывается... Где он сейчас, на службе?

— Да, в ночь остался, — дрогнувшим от переживаний голосом сказала она.

— А чего так невесело?

— Да так...

— Он тебя что, обижает?

— Нет, что ты. Он хороший... Только мне кажется... Нет, ничего, нормально все. Кстати, он просил тебя позвонить ему.

— Обойдется.

— Семен, мне кажется, произошло что-то страшное.

— Для кого-то страшное, для кого-то нет... Война у нас. Ждана в руку ранили.

— Где он?

— Здесь, дома. И не надо дергаться, врач уже был, обработал рану, уколол его. Спит Ждан. Без него разберемся.

— С чем?

— С кем. С врагами, Юля, с врагами... Только не думай, ничего страшного нет. А тебя сюда привезли, потому что боимся за тебя и детей. Здесь вы в безопасности, а так черт знает, что может произойти... Вон Леры нет, все за нее переживают.

— А где она?

— Да нормально уже все, с минуты на минуту подъедет.

Семен не ошибся. Только он спустился в холл, как появилась Лера — красивая, эффектная, благо-

ухающая. Стас обнимал ее за талию с видом человека, вернувшего в свою собственность самый крупный алмаз в мире. Он очень дорожил своей женой. Семен мог ей только посочувствовать.

— Все в порядке? — спросил он, улыбнувшись счастливой паре.

— Как всегда! — весело подмигнула ему Лера.

— Как отец?

— Ничего. На поправку идет.

— В Старобоярск ему нужно, тут у нас клиника покруче. Или в Москву...

— Его сейчас лучше не трогать, — покачал головой Стас. — А когда оклемается, мы его в Москву отправим. Шунтировать будем... Ну, если нас до этого самих не прошунтируют.

— Сами кого хочешь прошунтируем, — усмехнулся Семен, огладив пальцем рукоять вложенного в кобуру пистолета.

Время тревожное, без оружия никак нельзя. А в пиджаке жарко, поэтому оперативная кобура на виду. Но это никого не смущает.

— Все в сборе, — сказал Стас. — Надо идти к отцу.

— Да, надо, — кивнул Семен. И, глянув на Леру с понятной только ему иронией, сказал: — А то он уже нервничать начал.

Семья собралась в отцовском кабинете, все окна которого были плотно зашторены. Вокруг дома охрана, все вроде бы под контролем, но мало ли, вдруг снайпер где-нибудь на дереве засел.

Глядя на отца, нельзя было сказать, что он нервничал. Невозмутимый взгляд, безмятежное выражение лица, сцепленные в замок ладони покоятся на мерно вздыхающему животе. Вокруг него собирались

только сыновья. Женщин решили пока не звать, их родственников тоже.

Кабинет был проверен вдоль и поперек — ни по-тайных видеокамер здесь, ни «жучков». Отсутствовала здесь и другая аппаратура — телефоны, компьютеры, телевизоры, приемники. В общем, все, через что можно было, при большом желании, прослушать разговор. По той же причине братья сдали охране свои мобильные телефоны.

— Ну, что скажешь, сын? — обращаясь к Стасу, кряхтящим голосом спросил отец.

— А что говорить? Я предупреждал, Паук может спросить за Крыжова...

— Почему с Семена начал?

— А кто Крыжова сделал?

— Моя работа, — подтвердил Семен.

— Откуда Паук об этом узнал?

— Через ментов. РУБОП этим делом занялся. А я им наводку дал, что Блинков и Крыжов — одних рук дело. Потому Паук в курсе... Мы хотели войны, мы ее получили.

— Ответ готов?

— Да, можно хоть сейчас начинать.

— Ты в этом уверен? — пытливо в упор посмотрел на Семена отец.

— Мои люди на местах, и у Левы все готово. Но только под утро начать можем.

Семен ждал нападения со стороны Паука, просто не думал, что оно произойдет так скоро. Впрочем, война всегда начинается внезапно, даже если к ней все готово...

Дом Паука охранялся, как осажденная крепость. Но за стенами этого бастиона скрывался человек,

подконтрольный Семену. Он заступает на смену в четыре часа — раньше ворота изнутри не откроются.

— Лева?

— Все нормально, отец. Паук сейчас дома, мои люди наготове. Утром думаю начать...

— Паук дома?! Ты в этом уверен? — нахмурился отец. — Паук не должен быть дома. Если он начал войну, то он не должен быть дома.

— Но мы же дома. И он в своем особняке. Тут сигнал был, охрана к нему подтянулась. Но это для нас не проблема. У нас есть план.

— Лишь бы только не обкуриться, — мрачно усмехнулся Стас.

— А ты что, сомневаешься? — удивленно посмотрел на него Семен.

— Нет. Но лучше не говорить «гоп».

— Это ты правильно сказал, брат. Я вот тут подумал, может, все-таки не Паук эту свару организовал. Проверочку надо бы устроить. Это недолго, часа на два. А потом и начнем...

— Ты сегодня уже устроил проверочку. Где Эдик?

— Да, где этот предатель? — поддержал Стаса отец.

— Некогда им сейчас заниматься, — скривился Семен. — Сейчас решим проблему и сделаем его.

— Может, зря его тронули? — спросил Стас. — Перебесится Юлька, уйдет от своего мента, а где Эдик, спросит? Что мы ей скажем?

— Не уйдет она от своего мента, — мотнул головой Семен. — Я ее знаю...

Если честно, он и сам чувствовал, что поторопился взять Эдика в оборот. Надо было выждать какое-то время, а потом решать... Но Семен не привык признавать свои ошибки. Да и никогда было этим сейчас

заниматься. Паук на голову сел, от него сначала надо избавиться.

— Ладно, потом об этом поговорим, — будто прочитав его мысли, решил отец.

— Вопрос у меня, — осмелился перебить его Семен. — У Стаса хочу спросить.

— Спрашивай, если невтерпеж.

— Лера знала, что я с Чухариком... э-э, с Эдиком разобраться хочу.

— Да, мы говорили с ней об этом, — признал Стас.

— И после этого она уехала к родителям?

— Да, а что?

— Да нет, ничего...

— Ты мою жену в чем-то подозреваешь?

— Ша, брат, ничего личного! — вскинул руки Семен. — Просто вопрос... Да, кстати, мне уже пора.

— Куда ты?

— Говорю же, проверить кое-кого надо.

— Кого?

— Секрет. Пока секрет. Но все для блага общего дела.

Отец отпустил Семена и даже отдал ему свой бронированный «Мерседес». В нем он и уехал, прихватив с собой всего двух телохранителей.

Еще два бойца ждали его в машине на улице Станиславского. Игорек и Васек отлично стреляли, не плохо вели себя в рукопашном бою, но главное их достоинство заключалось не в этом. Они могли влезть в любую щель, как тараканы — вынюхать, выведать, а при необходимости и нагадить... В разведке такие люди незаменимы. Именно благодаря им Семен и владел ситуацией, держал руку на пульсе событий. Во всяком случае, так ему казалось.

Худощавый и слегка манерный Игорь сел на заднее сиденье, протянул конверт с фотографиями. Ничего особенного. На одном снимке Лера выходила из подъезда, на другом садилась в свою машину. На дворе было уже темно, но и в скучном уличном освещении фотографии удались. Леру точно ни с кем не перепутаешь. И главное, на фотографии отпечаталась сегодняшняя дата и недавнее время.

— Нормально, — кивнул Семен, бросив фотографии за подголовник. — Как там наш одноклассник поживает?

— Дома сидит, телевизор смотрит.

— В гости не зовет?

— Ну, так ты же обычно не спрашиваешь! — подбочистно улыбнулся Игорек.

Разговор шел о том самом однокласснике, с которым Лера время от времени встречалась тайком от мужа. Семен почему-то думал, что после первого раза она больше не захочет грешить, но куда там...

Семена забавляла ее наивная уверенность в том, что никто об этих ее проказах не узнает. Но сегодня, когда зашел разговор о Лере, он вдруг заподозрил неладное. Поэтому и отправил Игорька и Васька на улицу Станиславского. Они заметили, как Лера выходила из дома своего любовника, сняли ее на пленку, но, прежде чем распечатать снимки, позвонили Семену. Потому и не поверил он ей, что была она у родителей.

— Не спрашиваю... Как в квартиру попасть, придумал?

— Дверь у него крепкая, не выбьешь. Просто так может не открыть. Мы тут с девочкой одной познакомились, пока тебя ждали. Она поможет.

— За это я тебя, Игорек, и ценю. Только ты не задавайся. Давай свою девочку моим мальчикам.

Семен остался в машине, а его охранники вместе с девочкой отправились с визитом к Лериному однокласснику. План Игорька удался: его случайная помощница позвонила к парню в дверь, и этого вполне хватило, чтобы он ей открыл. А дальше в ход пошла грубая физическая сила. После чего Семен получил сигнал, что можно подниматься.

Когда он зашел в квартиру, парень сидел на стуле, привязанный скотчем к спинке. Рот заклеен также. Лицо бледное, зато в широко распахнутых глазах красным огнем пылает страх.

Семен подошел к нему, сорвал со рта полоску скотча.

— Ну, и как зовут тебя, герой-любовник?

— Дима.

— Значит, ты, Дима, Леру любишь?

Парень знал, о ком идет речь. Пока Семен поднимался, его парни уже успели объяснить ему суть претензий.

— Э-э... У нас еще в школе роман был.

— А ты знаешь, чья она жена?

— Э-э... Знаю.

— И почему же ты с ней спишишь?

— Я... Мы не спим...

— Она к тебе просто так приходит?

— Да-да, просто так.

— И что, даже на полвставочки dame не предложил?

— Я предлагал... Она отказалась...

— Нравишься ты мне, Дима. Очень нравишься, — изобразил восхищение Семен. — Лера тебя под нож подставила, а ты ее выгораживаешь...

— Под нож?! — обмороочно посмотрел на него парень.

— Да ты не бойся, мы тебя не зарежем. Всего лишь выкрутим тебе болт... Только ты не думай, это не месть. Просто мы очень уважаем Леру. Она у нас в авторитете, поэтому мы решили сделать ей небольшой подарок. Отрежем, заспиртуем и зальем латексом, пусть себе накручивает на свою гайку твой болт. Твой, но без тебя.

— Не надо, ну, пожалуйста! — жалко заскулил Дима.

— А чего ты так боишься? Неужели поверил?.. Мы обычные мирные люди, вовсе не злодеи, а ты нам поверил. Неужели мы способны на членовредительство?

— Я... Я не знаю...

— А почему не спрашиваешь, в каком таком авторитете Лера?

— Я... Мне... Мне все равно.

— Все равно будет, когда ты с телкой ляжешь. У нее между ног все будет ровно, и у тебя... Ты знаешь, кто такие Бурыбины? Ты знаешь, что Лера — важное звено в этой системе? Только не говори, что не знаешь, а то я очень не люблю, когда мне врут... Игорек, дай мне нож и расстегни этой девочке штаны!

— Не надо, не надо, я знаю...

— Что ты знаешь?

— Ну, что Лера — член вашей семьи.

— Откуда?

— Она мне сама об этом говорила.

— А вот это вранье. Она не могла тебе этого сказать.

— А вот и неправда! — в уличающем порыве вскинулся Дима. — Могла и говорила!

— Правильно, говорила. Но после того как вы ее поимели.

— Кто мы?

— А вот это ты сам нам скажешь. Потому что я хочу знать, как к тебе относиться. Если ты с нашей Лерой спал, то это одно, если с предателем, то другое... Только не врать! Смотреть мне в глаза! — Семен крепко взял парня за подбородок, высоко задрал его голову. — На чем вы развели Леру? Почему она стала предателем?..

— Я... Я не понимаю!

— Игорек — нож!

— Не надо, нет...

— Вы шантажировали Леру?

— Это не я, это они... — обливаясь слезами, жалко всхлипывал Дима.

— Кто они?

— Я с Лерой случайно встретился. Она вся такая из себя, а я здесь на стройке работал... Мы же не местные, из Бельчинска, а тут встретились...

— Короче.

— Ну, просто поболтали... А потом они появились. Так, мол, и так, что у тебя за шуры-муры с этой телкой? Ну, я сказал, что у нас в школе роман с ней был. А они — так это, говорят, твоя судьба. Еще раз говорят, встретишься с ней, а мы тебе за это денег дадим. И еще квартиру снимем, если ты с ней закрутишь. Ну, встречу организовали, ну, как будто случайно. Она какое-то время ломалась, а потом все-таки ко мне поехала. А тут эти... Я с нее все снял, а они нас вместе с ней сфотографировали, ну, как мы тут упражнялись... И ее к стенке прижали! Если, говорят,

будешь умницей, муж твой ничего не узнает. Ну, она сдалась... Мужа она своего очень боялась...

— Значит, продалась?

— Ну, в общем, да...

— И что она тебе сливала?

— Не мне. Эти ее здесь ждали. Она им все расскажет, а потом уходит... У нас и было-то пару раз всего...

— А сегодня что было?

— И сегодня ничего не было.

— Меня не интересует, что могло быть у тебя с ней. Я хочу знать, что рассказывала она им сегодня?

— Я не знаю... Я на кухне сижу обычно... Она им там что-то рассказывала, потом тихо стало. Слышу, диван заскрипел... Она сначала им просто рассказывала все, ну, про какие-то там дела. А потом они Лерку еще и по женской части пользоваться стали. Ну, типа, одно другому не мешает...

— Значит, о чем она говорила, ты не в курсе?

— Нет. Они пришли, потом она приехала, а я на кухню — чай пить...

— А кто они?

— Я не знаю...

— Что, вообще про них ничего не знаешь?

— Ну, одного Вадим зовут, другого Радик. Описать могу, черты лица там, все такое. А кто они такие, не знаю.

— Не знаешь, и не надо...

Семен оставил с парнем Игорька и Васька, на тот случай, если вдруг неизвестные сунутся к нему. А после разговора с Лерой он решит, что делать с этим недоумком.

Вернувшись домой, он застал Стаса в каминном зале. Брат нервно мерил шагами комнату.

— Что-то случилось? — скрывая насмешку, спросил Семен.

— Нет!

— А чего так резко?.. С Лерой что-то не так?

Стас вдруг стремительно сократил до него расстояние и свирепо схватил за грудки.

— Что ты про нее знаешь?

— А ты? — выдержав его взгляд, встречно спросил Семен.

— Ты что-то про нее знаешь... — ослабив хватку, страдальчески скривился Стас. — И я тоже знаю...

— Что ты про нее знаешь? — Семен взял брата за руки, отстранился от него.

— Не была она сегодня у родителей... Ты что-то знаешь. И я решил узнать... Она мне изменяет?

— Долго рассказывать, а у нас мало времени. Где она сейчас?

— В комнате. Рыдает.

— Тащи ее сюда. Вместе с ней все и узнаешь.

— Семен, ты меня пугаешь! — не на шутку вспомнился Стас.

— Отца лучше не зови. Ему больно будет...

— Да что такое, черт возьми!

— Жену свою сюда тащи! — так же резко потребовал Семен.

Стас полоснул по нему злым взглядом, но все-таки ушел за женой. Вернулся минут через пять.

— О! И Семен здесь! — с беспомощным каким-то ехидством воскликнула Лера.

Она была в длинном до пят халате и в солнцезащитных очках.

— Все-таки мы братья. И тебе не привыкать, когда их двое, а ты одна.

— Кого их?

— Да это я так, образно...

Семен приблизился к ней медленно, но быстрым движением снял очки. Взгляду открылся назревающий синяк под левым глазом.

— Ай да Стас! Ай да молодец! С левой жену неразумную, с левой!

— Семен, не юродствуй! — рыкнул на него Стас.

Ему совершенно не нравился этот кураж.

— Все, все...

Семен достал из кармана конверт с фотографиями, сначала вынул одну, передав Лере, затем другую. Стас встал у нее за спиной и мог все видеть.

— И что это такое? — презрительно скривилась Лера.

— А это ты из дома выходишь... Есть у нас в Страбоярске один очень знакомый тебе дом, на улице, названной в честь твоего горячо любимого мужа Станислава. Улица Станиславского. Ты, наверное, потому там и пропадала, что в честь твоего мужа?

— Что ты несешь? — бледнея, Лера инстинктивно шагнула назад.

— Нет, не потому ты там пропадала. А потому, что там живет твой любимый одноклассник Дима.

— Ты ничего не докажешь!

Лера попыталась отступить еще дальше, но уперлась спиной в своего мужа.

— Ну почему же? Я только что разговаривал с этим Димой. И он рассказал мне очень интересную вещь. Про хвост и гриву...

— Заткнись! — затравленно прошипела Лера.

— Могу и замолчать, — кивнул Семен. — Мы сейчас вместе со Стасом поедем к Диме, и он все нам подробно расскажет. Как ты с ним спала, как тебя потом шантажировали...

— Это правда? — растерянно, с болью в голосе спросил Стас.

— Врет он все! — мотая головой, Лера медленно пятилась от него.

Но при этом она прекрасно понимала, что выхода у нее нет. Не убежать ей, не спрятаться.

— Она информацию сливала.

— Кому?

— Я так понял, этого Диму использовали втемную. Он даже не знает, кто его нанял. Одного зовут Вадим, другого Радик, больше ничего сказать не смог. Лера должна знать. Кому ты вчера сказала, что у меня разборка с Эдиком?

— Не знаю я ничего! — забившись в угол между камином и стеной, в отчаянье простонала Лера.

— Но ты же не была у родителей! — злым роком надвигался на нее Стас.

— Я просто по городу каталась. Что, нельзя?

— Хочешь, расскажу, как ты каталась? —sarкастически ухмыльнулся Семен.

Стас был повернут к нему спиной, поэтому он не видел, как брат изобразил отталкивающегося лыжника.

— Рассказывай, — с ненавистью глянула на него Лера. — Все равно ничего не было!

— А что было?

— Они заставили меня. Понимаешь, заставили! — забилась в истерику она. — Сказали, что мать убьют, отца!..

— Ты это кому говоришь? — спокойно, но с металлом в голосе спросил Стас. — Какая мать? Какой отец?

Он нависал над женой, как ледяная глыба, морозил ее взглядом.

Лера быстро поняла, что такая ложь не пройдет. Стас спросил бы с кого угодно и за ее мать, и за отца. Но за жену-шлюху он бы заступаться не стал. А именно под эту «вывеску» ее и подставили.

— Дима... Дима меня чем-то напоил... — рухнув перед мужем на колени, разрыдалась она. — Я проснулась, а они мне пленку крутят... А я тебя так боюсь. Пришлось согласиться.

— С кем согласиться? Кто эти люди?

— Они...Они сказали, что Леонид Петрович будет очень благодарен...

— Какой Леонид Петрович?

— Шестаков Леонид Петрович, он же Паук, — подсказал Семен.

— И что ты этим уродам про нас рассказывала?

— Ничего... Так, ерунду всякую говорила...

— Про то, что я сегодня в «Седьмой орбите» буду, тоже сказала? — спросил Семен.

— Э-э, да... Сказала, что у тебя с Эдиком проблемы...

— А где я эту проблему решать собирался, говорила?

— Откуда я знала, где ты собираешься что-то делать?

— Ну как же, я же говорил тебе, что Семен сегодня на Лебедином пруду шоу хочет устроить, — напомнил ей Стас. — Говорил?

— Да... Да, я им сказала про Лебединый пруд...

Лера поняла, что подписала себе смертный приговор. И как будто желая, чтобы его привели в исполнение немедленно, склонила голову к самому полу. Еще бы волосы с шеи убрала, чтобы под топор ее подставить...

— Брат, это тебе решать, что с ней делать, — ска-

зал Семен. — Скажешь убить, сам лично исполню. Хочешь, в доме у себя запри; пожалуйста, слова не скажу...

— Я... Я не знаю, что мне делать...

Всего два раза Семен видел слезы на глазах у Стаса. Когда хоронили мать и сейчас, когда умерла его жена. Пусть и морально, но умерла... Он очень любил свою Леру и мог пощадить ее сейчас, хотя бы как мать своих детей. Но прежней жизни уже точно не будет.

— Не знаешь и не надо. Запри ее в подвал, а завтра утром все решишь. Нам сейчас надо с Пауком решать.

— Да, конечно... — отрешенно кивнул Стас.

— Ну да ладно, без тебя решим...

Семен понял, что на Стаса сейчас надеяться нельзя. Не в том он состояний, чтобы принимать ответственные решения. Да и не задействованы его люди в этой операции. Более того, Стас имел о ней самое смутное представление. Это сейчас даже радовало Семена. Если Лера не знала о планируемой акции, значит, Паук не в курсе.

глава 17

Предутренние часы — это все равно что вакуум после воздуха. Днем этот воздух насыщен кислородом, к вечеру кислород словно редеет, ночь его разреживает совсем, а потом образуется сосущая пустота, которая, вопреки всем твоим желаниям, упорно втягивает тебя в сон. И только ответственность перед людьми могла удержать человека на плаву. Поэтому водитель микроавтобуса и не спал, упорно крутил баранку. Его пассажиры, шесть омоновцев в полной

экипировке, клевали носом. Что там впереди, их волновало мало. Главное под пули не попасть, если вдруг что. Павел тоже пытался бороться со сном, но все же время от времени проваливался в сумеречную яму, хотя всякий раз выныривал, с гулом прорезая пространство между сном и реальностью...

Он доставил Татьяну в отдел, и, пока они составляли фоторобот Нарика, она вспомнила, что знает девчонку, которая крутила роман и с ним, и с его друзьями. Правда, где та жила, Татьяна не знала, но у нее оказался телефон подружки, которая могла быть в курсе... В общем, с грехом пополам они выяснили адрес этой девчонки и отправились к ней домой. Ее звали Ниной. Страшненькая, убогонькая, затюканная и затасканная. И еще аутичная. Она долго не могла понять, что Павлу от нее нужно. Но в конце концов призналась, что была у Нарика дома, где он жил со своими друзьями-приятелями. И адрес вспомнила: улица Полярная, дом сто тридцать восемь. Как раз недалеко от Северного рынка.

Еще некоторое время ушло на то, чтобы организовать группу сопровождения из омоновцев. Мало ли, вдруг Нарик и его сожители вооружены и опасны? Но вот, наконец, машина выехала на Полярную улицу...

— Все, приехали, — облегченно вздохнул водитель, останавливая микроавтобус на перекрестке двух узеньких кривых улочек.

Дома кирпичные, бревенчатые, магазин типа сельпо, двери которого наискосок перетянуты ржавым засовом, один-единственный работающий фонарь. Впрочем, петухи на заборах уже приветствовали предрассветное солнце, лучи которого раскрашивали небо в нежно-розовые цвета. Ночная тьма расступа-

лась, и можно было обойтись без искусственного освещения.

— Задача серьезная, — обращаясь к командиру группы, сказал Павел. — Возможно, придется брать преступников, возможно, вооруженных.

— Работаем! — пытаясь казаться бывалым воином, кивнул молодой лейтенант.

Машина стояла как раз напротив маленького деревянного дома, на жестянке которого четко виднелся номер «сто тридцать восемь». Забор низкий, штакетный, собаки во дворе не было, омоновцы легко могли взять такой дом штурмом. Но пока что у них не было оснований действовать нахрапом, поэтому они тихонько подступили к дому, распределившись вокруг него.

Павел просунул руку между штакетинами калитки, загнав под ноготь занозу, отодвинул задвижку. Он осторожно зашел во двор, вслед за ним туда же втянулся и лейтенант. Поднявшись на шаткое скрипучее крыльцо, приложил ухо к двери, услышал неспешные шаги. Может, кто-то из жильцов в отхожее место сбрался.

Он подал знак, что нужно чуть-чуть подождать, и затаился сам. И точно, дверь открылась сама по себе, и на крыльце вышел паренек кавказской внешности в длинной клетчатой рубашке, накинутой поверх семейных трусов. Он был сонным, и после того, как Павел приставил пистолет к его подбородку, две-три секунды тупо соображал, снится ему все это или он действительно попал на крючок.

— Наргиз! А-а! — вдруг заорал он.

Павел швырнул его на руки лейтенанту, а сам рванулся в дом. Он ворвался в комнату еще до того, как лежащий на диване парень успел направить на дверь

пистолет-пулемет, который он вытаскивал из-под матраса.

— Бросил пушку! Буду стрелять! — заорал Павел. — Лежать! Не двигаться!

На полу, под одеялом лежали еще двое, но эти даже не пытались сопротивляться. Они пугливо жались друг к другу и с ужасом смотрели на Павла.

Парень с дивана оставил свою опасную затею и послушно поднял руки. В это время комнату заполнили омоновцы.

* * *

Только глупый паук живет в центре своей паутины. Старобоярский Паук отличался умом и сообразительностью, поэтому свил себе гнездышко за городом. Его особняк высился на холме, посреди сосновой рощи. Все подступы к дому просматривались и прощупывались, за высоким кирпичным забором скрывались два параллельных периметра из колючей проволоки; охранники с автоматами, собаки, камеры видеонаблюдения. Не дом, а самая настоящая крепость.

Но даже самая прочная крепость может пасть, если внутри нее предатель. Был у Семена свой человек в охране Паука. Его купили за деньги, а не шантажом, как в случае с Лерой.

Лера в Семье имела гораздо больший вес, чем Жучок в своей организации. Но та не смогла принести Пауку ощутимой пользы, ее предательство оставило корабль Семьи на плаву. А Жучок, это мелкое звено в паутине Шестакова, мог сдать Семену своего хозяина с потрохами. Ему достаточно было в нужный момент открыть ворота, отключить сигнализацию и обесточить дом. Парень как раз сейчас на вахте и уже готов

отработать свое ведерко черной икры. Наготове и группа захвата, которую организовал Лева.

Десять ряженых собровцев сидели в микроавтобусе и ждали команды, которую должен был дать им Лева. А он сидел в соседней машине и напряженно вслушивался в эфир, ждал, когда Жучок подаст ему знак.

— Есть! — улыбнулся он, махнув рукой Семену. И так же в эфир отдал команду командиру ряженой группы. — Вперед!

Водитель микроавтобуса направил машину по гладко асфальтированной дороге к особняку Паука. Он подвел ее к воротам как раз в тот момент, когда створки полностью отошли в сторону.

И ворота внутреннего периметра тоже открыты. Фонари уличного освещения не горят, а окна дома темные. Это было видно из «Волги», на которой Семен и Лева подъехали к воротам. Дальше, по плану, они следовать не могли.

Лева не ставил задачу сделать из дома склеп, набитый покойниками; ему нужен был только Паук. Это значило, что после штурма в доме останутся люди. Именно поэтому «Волгу» оснастили фальшивыми милицейскими синими номерами. Этим создавалось впечатление, что машина принадлежит Министерству внутренних дел, как и микроавтобус, из которого высадился якобы милицейский десант.

Через проем распахнутых ворот Семен видел, как за въехавшим во двор микроавтобусом устремились две сторожевые собаки. Машина остановилась возле широкого и круглого мраморного крыльца, из нее, словно горох из трубочки, посыпались ряженые. В руках у бойцов спецназовские автоматы с длинными глушителями. А для собак припасен пистолет с

усыпляющими стрелками. Гуманность здесь ни при чем, просто сноторное останавливает собаку надежней, чем пули. Даже смертельно раненный мастиф способен перегрызть человеку горло...

С охранниками Паука не церемонились. В одного выпустили бесшумную очередь, в другого. На этом все и закончилось. Остальное действие развернулось в самом доме, дверь в который была открыта тем же предателем.

О том, что происходило там, Семен мог догадываться по переговорам, которые Лева вел со старшим своей зондер-команды. Похоже, пока все шло по плану. А минут через пять из дома вывели растрепанного, измятого Паука. Его затолкали в микроавтобус, куда уже затащили трупы двух охранников, убитых в самом начале операции. Похоже, они были единственными покойниками. Если так, то Лева достоин похвалы.

Вместе с бойцами вслед за Пауком в машину втянулся и Жучок. Все правильно, ему оставаться здесь нельзя. И на чистую воду выведут, и выкачают из него всю правду.

Лева выслушал доклад начальника группы захвата, торжествующе улыбнулся, повернулся к Семену:

— В полном ажуре все! Уезжаем!

Телохранители быстро сели в джип, «Волга» развернулась на пятаке перед воротами, чтобы затем последовать за выехавшим со двора микроавтобусом.

* * *

Наргиза тряслось, как шахтера, вгоняющего в угольный пласт ударник отбойного молотка. И сопли текли из носа, как будто он стоял по пояс в ледяной воде.

— Ты кино русское смотришь? — нависая над ним, спросил Павел.

В комнате, кроме него и кавказца, никого больше не было. Остальные задержанные, в том числе и Нарик, уже в машине, а омоновцы мирно пасутся на травке у забора, курят, о чем-то говорят меж собой, строят планы на новый день. А Павел в работе. Фигурку нужно лепить, пока глина мягкая.

— Да, смотрю, да, — кивнул парень.

— Слышал такую фразу: сопротивление бесполезно?

— Да, слышал...

— Так вот, в твоем случае сопротивление не только бесполезно, но и опасно. Ствол у тебя нашли? Нашли. Это «узи», очень серьезное оружие. Из него вчера двух человек убили на Лебедином озере... Ты их убил, Наргиз. Ты!

— Нет, не я, да. — Парень сжался в позу эмбриона.

— А ствол откуда? И не один ствол. Два ствола! Откуда они?

— Просто...

— Просто у тебя в тюрьме будет. В общей камере. Там тебе рульку свинью в твое «просто» засунут. Знаешь, что такое рулька?.. Да это и не важно. Главное, что свиная. Ты же мусульманин, свинья для тебя грязное животное. А тут свинячья нога, да по самое не хочу! А потом тебя резать будут. Медленно, по кускам. А почему? Потому что ты на мафию руку поднял. Мафия тебе этого не простит...

— Э-э, зачем так... Не мой это автомат...

— Твой, не твой, а пальчики на нем твои. А экспертиза покажет, что из него ночью стреляли.

— Когда покажет?

— Ну, время какое-то уйдет... Твое время уйдет.

Понимаешь, твое!.. Мы все равно тебя расколем, но на это и уйдет твое время. А оно тебе сейчас очень нужно. Ты должен написать чистосердечное признание. Во-первых, это смягчит твою вину. А во-вторых, мы отправим тебя в отдельную камеру. Слышишь, ты будешь в камере один. Никто тебя там не тронет. Но это если ты с нами будешь дружить. А если нет, мы отправим тебя в общую камеру, где ты сам станешь таким же грязным животным, как свинья. Ты меня понимаешь?

— А как с вами дружить? — обхватив голову руками, убито спросил Наргиз.

— Нас, парень, только правда может сдружить... Ты стрелял на Лебедином пруду?

— Я стрелял, да. И Замир стрелял. Нарик на машине был...

— А машина где?

— Сожгли машину. За городом, да, сожгли. Потом на другой машине сюда приехали.

— На какой машине?

— Сафар нас привез.

— Кто такой Сафар?

— Ну, он там, на рынке, да.

— Он вас нанял?

— Нет, зачем деньги? Мы же братья все. Один брат сказал, другой брат сделал.

— Сафар на Муслима работает?

— Нет, Сафар на Муслима не работает. Сафар такой же, как Муслим. У Сафара бизнес, у Муслима бизнес...

— А в кого стреляли?

— В хозяина рынка стреляли. Семен его зовут. И брат с ним был. В них надо было стрелять...

— Семен, значит, — потирая щетинистый подбо-

родок, в раздумье произнес Павел. — А брат его — Ждан?

— Да, Ждан, да.

— И чем же Бурыбины Сафару твоему помешали?

— Я не знаю. Сафар сказал — Наргиз сделал... А что мне писать надо?

— Некогда писать. В отдел надо ехать. Там все напишешь...

— А одиночная камера?

— Нормально все будет, не переживай. Если, конечно, дружить с нами будешь...

Павел вымотался за эту ночь. И не было у него никакого желания дальше тянуть цепочку, за которую он взялся. На Северный рынок надо ехать, Сафара брать, если он еще не в курсе, что его наемники арестованы... Но, может, все-таки есть смысл поднапрячься. Хоть часть своей вины перед сослуживцами искупит. К тому же еще никто не отменял такое понятие, как «дембельский аккорд».

* * *

Ветер с треском полоскал свисающий с окна обрывок старого, серого от непогоды и времени полиэтилена. Здание старое, от окон остались только осыпавшиеся местами проемы, крыша разобрана, стены полуразрушены, на полу — кирпичи, обломки досок, куски обвалившейся штукатурки. В одной из комнат этого заброшенного дома и должен был умереть Паук.

Он лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В глазах — злость, страх и отчаянье. Он понимал, что сюда его привезли убивать.

— Да поймите вы, не начинал я с вами войну! — взывал он к братьям.

Лева нервно курил, Семен смотрел на зеленеющее поле, откуда могла появиться опасность. Но пока тихо все, спокойно. И соловей в лесу мирно исполняет прощальную трель для Паука.

— А Лера? — выдержав паузу, спросил Семен.

— Что Лера?

— Ты ее заставил работать на себя?

— Бред!

— Я так не думаю.

— Да не нужна мне с вами война, поймите это!

У вас контрабанда, у вас контрафакт, у вас наркота. Это мне нужно, а? У меня вполне легальный бизнес, менты меня вообще не напрягают...

— Какая наркота, что ты лепишь? — поморщился Лева. — Мы наркотой не занимаемся.

— Вы не занимаетесь! Да у вас на Северном траву в полный рост толкают.

— Кто, азики? Так это их проблема, — скривился Семен.

— Да нет, это ваша проблема. У вас война с азиатами была? Была! Что решили? А ничего! Они у вас на рынке больше не шумят, но все овощи-фрукты под себя подмяли, шмотками вовсю торгуют. Наркота, проститутки — это еще цветочки. Ягодки будут, когда вдруг окажется, что рынок принадлежит им... Я же знаю, что говорю, у меня охрана там, парни в курсе...

— Азики нас напрягают, не вопрос, — согласился Лева. — Но и твоя охрана тоже не в радость.

— Ну, так и скажите, что из-за этого войну начали. Только не надо на меня гнать! А то Крыжова к этому делу приплели, Леру вашу...

— А что Крыжов? — хищно сощурился Семен. — Я точно знаю, что ты бочку в нашу сторону катнул, когда его сделали.

— Ну, катнул! Потому беспредел это!

— Отцу бы стрелку забил, перетерли бы... Так нет, ты к войне готовиться стал. Сколько у тебя бойцов было? А сколько стало?

Семен знал, о чем говорил. На охране объектов Паук держал тысячи две человек. Но это пассивная охрана, неспособная решать нестандартные задачи. В активе же у него было всего два десятка бойцов, которые всегда готовы были выехать на разборку, лечь костьми или как минимум сесть за решетку в угоду своему боссу. Так вот, после убийства Крыжова этот актив увеличился как минимум вдвое.

— Не к войне я готовился, а к защите. Я же чувствовал, что вы ножи на меня точите... Блин, вы поймите, если со мной вдруг что-то случится, вас же с дерзьмом смешают!

— Это все слова, Леонид Петрович. Ты лучше о делах своих подумай. Твои ублюдки меня чуть не убили. И брата нашего ранили...

— Поверь, мои бы не промазали!

— Слова, слова...

— Поймите, это азики воду мутят! — стенал Паук. — Им выгодно стравить вас и нас! Ввяжемся в бойню и все потеряем. А они рынок хапнут. Сначала Северный, потом Центральный... Я знаю, что говорю!

— С азиками у нас мир. И они бы не посмели рыпнуться... И вообще, пора тебе собираться, Леонид ты наш Петрович. Ты не переживай, мы тебе и гроб сколотим, и яму поглубже выроем...

— Идиоты! — закрывая глаза, простонал Паук. — Какие же вы идиоты!

— Какие есть! — Семен сочувствующе посмотрел на приговоренного и медленно навел на него пистолет.

Тягостный момент, можно сказать, мистический, но настолько же и торжественный. И Семен даже вздрогнул, когда в кармане вдруг пропел телефон. Как будто с того света позвонили. Именно такое ощущение у него и возникло, может, поэтому он опустил пистолет. Можно было сначала застрелить Паука — секундное дело, — а потом уже ответить на звонок. Но он решил сменить последовательность своих действий.

— Да.

— Семен! — услышал он голос Юли. — Мне только что звонил Павел. У него для тебя очень важная информация.

— Ну, если важная, то я ему позвоню. Пока.

У него имелся номер Никифорова: взял на всякий случай у сестры. Оперативник отозвался сразу.

— И кто там у нас такой неизвестный? — спросил он, имея в виду высветившуюся надпись на дисплее своего телефона.

— Это я, майор. Чего ты хотел?

— Я тут случайно узнал, что некий неустановленный спецназ похитил гражданина Шестакова.

— Понятия не имею.

— А может, все-таки имеешь?.. Скажи, это ваших обстреляли на Лебедином?

— Даже не понимаю, о чем разговор.

— Значит, ваших... Да я и сам знаю, что ваших. Тебя хотели убить и брата твоего. Мы киллера взяли, он сказал, что на тебя охотились.

— Кто? — встрепенулся Семен.

— Не могу тебе этого сказать. Но точно — не Шестаков.

— Ты что, у него в адвокатах?

— Бурыбин, ты же меня со всех сторон просветил.

И знаешь, что не работал я на Паука. Просто предупредить тебя хотел, не делай глупостей...

— Кто меня заказал? — до треска сжал телефонную трубку Семен.

— Не скажу. Пока не скажу.

— Тогда не убедил...

— Ладно... Но учти, это только из-за Юли. Не хочу, чтобы она вместе с вами пострадала... Азербайджанцы. Сафар. Муслим.

— Твою мать! — вскричал Семен.

И со всей силы запустил мобильником в стену.

Лева вопросительно посмотрел на него.

— Сафар в нас стрелял. И Муслим... Майор сказал.

— Зачем он это сказал?

— Прочухал, что мы Паука взяли. Не нравится ему это...

— Может, потому и соврал про Сафара?

— А откуда он про него вообще может знать? И про Мусмина?.. Мы про них так, чуть-чуть знаем... Вот падлы волосатые!

— А я что вам говорил? — торжествующе спросил Паук. — Азики воду мутят. Под шумок банк решили сорвать.

— А Лера? Она сказала, что на тебя работала, — напряженно посмотрел на него Семен.

— Может, соврала. А может, ей самой голову запудрили.

— Ну и что делать теперь будем? — озадаченно спросил Лева.

— Да все нормально, парни! — воспрял духом Паук.

— Ну, развели вас, с кем не бывает? Зато теперь мы знаем, кто наш враг. Вместе его и завалим. А к вам я претензий не имею...

— Точно не имеешь? — всматриваясь в его глаза, спросил Семен.

— Ну, я же все понимаю.

— Что, и забудешь, как в ногах у нас валялся?

Паук не выдержал его взгляда, отвел в сторону глаза. Нет, не сможет он смириться со своим фактическим поражением. Ошибка это была или нет, но унизился он реально. И будет мстить... Но не хотелось его убивать. Действительно его смерть могла обернуться для Семьи большими проблемами.

— Забуду, забуду...

Семен обратился за помощью к Леве.

— Я не знаю, что делать, брат.

— Думать надо, думать, — замялся тот.

— Вот и я думаю, что нельзя Паука убивать, — кивнул Семен.

Он вспомнил вдруг, как однажды в детстве лазил с братьями к соседу на промысел. Есть такой неписанный, но известный всем закон — у соседа яблоки всегда слаще. Вот и повадился он в чужой сад, через дырку в заборе. А однажды он обнаружил, что дырка эта со стороны соседа закрыта тонкой древесно-стружечной плитой. Причем лист не был приколочен, а просто прислонен к забору, как деликатное, но вятое предупреждение, что сосед знает про их набеги и намерен положить этому конец. Но именно это и толкнуло Семена на авантюрный шаг. Он ударил ногой по листу, и тот разломился пополам и упал. Все, как будто ничего и не было. Он потом все-таки смог убедить себя в том, что совершил проступок, но ведь лист уже сломан...

— Нельзя Паука убивать, — завороженно повторил он.

И вдруг резким движением направил пистолет на

цель, тут же нажал на спуск. Пуля попала Пауку в переносицу, мгновенно выбив из него дух. Но Семен продолжал читать мантры:

— Нельзя его убивать!

И снова выстрел.

— Нельзя!!

Еще две пули в голову.

— Нельзя!!!

На этот раз он успел выстрелить только раз. Напуганный его исступленным поведением, Лева схватил его за руку, забрал пистолет.

— Нельзя его было убивать, — оскалился Семен. — А я убил... Что теперь делать, брат?

— Он перед нами на коленях ползал, — в раздумье покачал головой Лева. — Он бы все равно нам этого не простил.

— Надо выполнить свое обещание.

Пока одни бойцы копали для Паука могилу, другие сколотили для него ящик из старых грязных досок, что валялись вокруг дома. Работа хоть и топорная, но лучше что-то, чем ничего...

* * *

Толстая упругая ветка ивы опасно качалась, уходила из-под ног, а маленькая ветка, за которую держался Эдуард, выскользывала из рук. А внизу вода — мутная и почему-то казалось, что она твердая, как камень. Прыгнуть в нее с высоты — все равно что на бетонный пол со страшной силой упасть... Страшно Эдуарду, а снизу подгоняют, кричат, что очередь собрал, что надо прыгать. А вот кто-то уже лезет, еще больше расшатывая дерево. Сейчас ему дадут пинка...

— Вам плохо? — спросил милицейский офицер.

— Да нет, нет, нормально все, — натянуто улыбнулся Лихопасов.

На самом деле он два дня плутал по лесу. Сначала ходил, не зная, куда податься, потом заблудился. Сегодня вышел в город, прокрался к ларьку, купил там жареных сосисок, наелся чуть ли не до заворота кишок. Плохо ему, страшно, вокруг враги, а выход, казалось, только один...

Он сам, добровольно явился в управление по борьбе с организованной преступностью, настоял на том, чтобы его допустили к самому начальнику. И хотя его принял всего лишь заместитель, он все равно готовился совершить непоправимое.

Поэтому и возникло у него ощущение, будто он вернулся в детство и попал на то самое дерево, с которого так боялся прыгнуть в воду. Страх тогда держал его на привязи, но его столкнули, и он все-таки рухнул вниз. Вода не оказалась каменной твердью, но живот он тогда все-таки отбил.

И сейчас примерно такая же ситуация. Он забрался на самую вершину страха, а к нему подкрадывается Семен, хочет столкнуть его вниз, в пропасть. И надо самому туда прыгать. Может, он снова отобьет себе живот, но не умрет...

— Так что вы мне хотели сказать, гражданин...

Рыжеволосый майор потянулся к графину с водой, поэтому возникла пауза, которую Эдуард поспешил заполнить:

— Гражданин Лихопасов.

— Я знаю, — кивнул офицер. — Мне доложили, что вы Лихопасов. И слышал я про вас... Убийство Блинкова, я не ошибся?

— Да, да, я хочу сделать признание. То есть я готов его сделать. Но с условием.

— Давайте условия обговорим потом, — неприязненно поморщился майор.

— Нет. Сначала условия. Я признаюсь в том, что убил Блинкова, а вы освобождаете меня от уголовной ответственности!

— У вас явно нездоровий вид. Может, и с головой проблемы?

— Нет, с головой у меня все в порядке. Потому я и пришел к вам... А вам не я нужен, вам нужен Семен Бурыбин. А что, если это он заставил меня убить Блинкова?

— Так заставил или нет?

— Может, и заставил...

— Значит, мы обеспечиваем вам надежную охрану, включаем в программу защиты свидетелей, а вы даете показания, что Семен Бурыбин заставил вас убить Блинкова, так я вас понял?

— Или заставил, или заказал его, как вам удобней.

— А как было на самом деле?

— Он его мне заказал.

— Насколько я знаю, вы являетесь директором казино, которому мешал бизнес Блинкова.

— Если бы я владел этим казино так же, как вы владеете информацией, то, поверьте, я бы никого не стал убивать. «Седьмой орбитой» владеет семья Бурыбинах, и это ей выгодно было избавиться от Блинкова. А мне за это предложили увеличить процент от прибыли. Семен Бурыбин втянул меня в это грязное дело... Что вы на это скажете?

— А что я должен сказать?

— Меня интересует моя безопасность как свидетеля.

— Будет вам безопасность, не беспокойтесь.

— Я дам показания в суде, а когда Бурыбин сядет, мне помогут сменить внешность и фамилию.

— В принципе это возможно, — не стал разубеждать Эдуарда майор.

— Что ж, тогда я готов сделать признание, что убийство Блинкова заказал мне Семен Бурыбин.

Это решение далось Лихопасову очень нелегко. Он прекрасно понимал, что охранять его будут не в его доме, а в тюрьме, которую он так ненавидел. Но там у него будет одиночная камера. И тюремный срок ему не грозит, если его признают особо ценным свидетелем. А как иначе, если Семен Бурыбин — признанный мафиози, посадить которого мечтает РУБОП. Именно поэтому он и пришел сюда, чтобы задорого продать свою свободу.

— Думаю, вы должны написать чистосердечное признание, а потом мы с вами составим протокол...

Неспроста майор так разволновался. Не каждый день в его сети попадает столь крупная рыба.

— И это еще не все. Я должен объяснить, почему с дужки от моих очков исчезли отпечатки моих пальцев.

— Да, да, мне знакома эта история, — заинтригованно посмотрел на Лихопасова офицер.

— Во всем виноват майор Никифоров из вашего ГУВД. Я точно знаю, что он стер мои отпечатки, заменив их другими.

— Чьими?

— Понятия не имею.

— У вас есть доказательства, что Никифоров стирал ваши отпечатки? Вы это видели?

— Как я мог это видеть, если находился в тюрьме? Но я точно знаю, что его за меня просил Семен Бурыбин.

— И с какой стати майор Никифоров пошел ему навстречу?

— А у него роман с моей женой. Он хочет жениться на ней. А она, между прочим, дочь старшего Бурыбина. Никифоров хочет стать членом его семьи. Он хочет занять мое место, владеть моим казино, иметь много денег...

— А может, потому вы и пытаетесь очернить майора Никифорова, что у него роман с вашей женой?

— А если я скажу вам, что Семен Бурыбин пытался меня убить?

— Когда?

— Два дня назад. У Лебединого пруда. Он хотел убить меня, потому что я не живу больше с его сестрой. Логика у него такая, если я не живу с ней, значит, уже не член семьи. А поскольку я много знаю... Он уже собирался в меня стрелять, когда в него самого начали стрелять. Если бы не это, меня бы здесь не было...

— Да, был инцидент на Лебедином озере. И стреляли там в Бурыбина. Исполнитель и заказчики арестованы. Кстати, нашел их майор Никифоров.

— Ну, кто бы сомневался! — с ехидной ухмылкой всплеснул руками Эдуард. — Неужели вы думаете, что Бурыбин не знает своих врагов? Он знал, кто в него стрелял. Поэтому он поделился информацией с Никифоровым. Вот тот и отличился. Неужели непонятно? Они же теперь почти родственники и должны понимать друг друга...

— М-да, это все, конечно, интересно. Но давайте пока не будем отвлекаться на Никифорова. Займемся для начала Бурыбиным...

Майор протянул Эдуарду несколько чистых листов бумаги, велел писать чистосердечное признание.

А потом появился следователь, допросил его и дал подписать протокол... Все, клетка захлопнулась. И теперь у Лихопасова появилась возможность узнать, ловушка это или кабина для телепортации в безопасное будущее.

глава 18

Павел тоскливо смотрел на дверь своего служебного кабинета. Все, сейчас он ее откроет, выйдет в коридор и перестанет быть старшим оперуполномоченным уголовного розыска... Приказ об увольнении подписан, оружие с него списано, расчет получен, и нет больше майора Никифорова.

Он знал, как в отделе провожали на заслуженный отдых. Торжественное собрание, похвалы и славословия, стол, праздник. Но его не провожали. Потому что он увольнялся по собственному желанию. К тому же по выслуге лет... И стол он не накрывал, чтобы выпить на прощанье с друзьями-товарищами, которых он предал своим подлым поступком. Но все-таки он выпьет.

Павел взял со стола графин, плеснул в ладонь немного воды, смочил лоб. Душновато в кабинете, пот выступил, в глаза попал... А может, пот здесь и вовсе ни при чем? И глаза слезятся по другой причине...

Он неторопливо вышел из кабинета, не спеша закрыл дверь, опечатал ее. Затем отправился к начальнику, отдал ему ключ.

— Да, Никифоров, жаль, что так получилось, — с искусственным, как Павлу показалось, сожалением развел руками Стрельнев. — Нам тебя будет не хватать...

Павел ждал, что начальник предложит выпить на

дорожку. Все-таки повод есть, и оба далеко не трезвеники. Но Стрельнев сделал вид, что не замечает его чаяний. И, пожелав ему удачи, галантно выставил за дверь. Дескать, дел по горло...

По пути он встретил Чигирова. Капитан тоже был занят и также дежурно пожелал ему всех благ.

Он поехал в свою родную «Забегаловку», где, может, и не очень его любили, но искренне считали своим.

Рабочий день еще не закончился, людей в баре было немного, но музыка шумная и вызывающая. «Мурка, ты мой Муреночек»... А в дальнем углу хорохорилась девушка, в честь которой и заказана была эта песня.

Девушка стоила того, чтобы обратить на нее внимание. Каштановые с медью волосы до плеч, белая и чистая, как у ребенка, кожа, большие глаза, очерченные капризно-насмешливой линией. Роскошные формы, казалось, едва умещались в серебристом платье с открытой чуть ли не до самого копчика спиной. Но Павла больше заинтересовала ее компания. Два крепких на вид парня в майках-безрукавках посматривали на нее с небрежными ухмылками. Бритые головы, на шеях цепи из фальшивого золота, лагерные наколки на плечах, латунные печатки на пальцах. Похоже, бывшие зэки, причем не очень высокого полета. Само большее — бойцовская пристяжь, быки, вышибалы при пахане. Но вели они себя так, будто зашли в «Забегаловку» на часок-другой перед тем, как отправиться к королю на именины.

Один из них заметил скользнувший по нему взгляд Павла, внутренне напрягся. Агрессивный огонек вспыхнул в его глазах, но духота в зале и собственная лень вмиг потушили его. Да и не к чему было

цепляться. Подумаешь, посмотрели на него... Впрочем, он мог наметанным взглядом определить в Павле офицера милиции. И ведь не объяснишь ему, что это не совсем так. Ведь для уголовников, как известно, не бывает бывших сотрудников...

Павел занял столик в другом конце зала, чтобы не смущать лагерную рать. Его и самого такое соседство совсем не радовало.

Пухлый, конопатый офицант улыбнулся ему, как старому знакомому, подошел к столику.

— Пельмени. Салат. Водка.

— Понял, как всегда! — еще шире растянул губы офицант.

— Почти... — угрюмо усмехнулся Павел.

В последнее время водка стала неотъемлемой частью его рациона. Увы, но это нужно было признать. И хорошо бы исправиться... Да, наверное, пора закругляться. Но только не сейчас.

— Что-то музыка у вас тут сегодня какая-то интересная, — с небрежностью к татуированным соседям заметил он.

— Кто платит, тот музыку и заказывает, — блеснул кабацким красноречием офицант.

Павел подумал, что неплохо было бы закатать что-нибудь вроде «Прорвемся, опера» Расторгуева. Но ведь тогда скрытое противостояние обязательно перерастет в банальную драку. А ему пока не хотелось махать кулаками. Пока.

Лучше выпить, подумал он, когда офицант поставил на стол бутылку водки. Водка зальет сознание, как дождь — лобовое стекло машины, тогда все плохое размоется, а хорошее всплынет желанной фантазией. Сейчас он напьется, отправится домой, где будет ждать его милое сердцу видение. Он снова будет

говорить с Леной, расскажет ей, как хочет быть с ней...

И хорошо, что Юля находится у отца, пусть остается там. Хорошая она женщина, нежная, добрая. И чего греха таить, ему с ней уютно. И главное, что душу греет потребность защищать ее, берегать от жизненных невзгод и собственной грубоści.

Но все-таки это не то, чего бы он... Хотел? Но дело в том, что в этой жизни он ничего не хочет. Есть духовные и физиологические потребности, но нет стремления жить счастливой жизнью. Все это умерло вместе с Леной. Все, что спало в нем, когда она была жива...

Может, причина его неудовлетворения в том, что он не умел быть счастливым? Может, не дано ему это от рождения? А сейчас он уже знал, что такое счастье... Но для этого ему нужна была Лена. Только она. А раз так, то счастье недостижимо. Был только суррогат, который являла собой Юля. Сладкий, вкусный, ароматный, но суррогат. И не она виновата в том, что ненастоящая. Если бы он чего-то хотел от этой жизни, только Юля могла бы стать его любимой женщиной, потому что соответствовала его запросам. Точней, соответствовала бы, потому что на самом деле не было у него таких запросов. Он просто плыл по течению, нет, не как бревно, а как лодка без весел, но с рулем. Он мог управлять собой, но у него не было возможности плыть против своей хандры навстречу Юле, своему новому счастью. А воды Стикса влекли его к смерти, в загробный мир, где он мог встретиться с Леной...

Павел осознавал, что сходит с ума. Чувствовал, что ему нужна помощь. Но ни один психолог не смог бы помочь ему. Ведь Юля не смогла справиться с его

душевным недугом. А ведь она, казалось, была единственной, кто мог его спасти... Но, увы, этого не произошло. Как ни дорога ему Юля, но Лена по-прежнему превыше всего. Поэтому сегодня он снова напьется, чтобы дома встретиться с ее видением. Возможно, он увидит ее с порога. Она улыбнется, проведет его на кухню, как это было всегда, когда он возвращался с работы. Всегда она ждала его, всегда на столе был ужин. Но тогда она была жива. А сегодня она не сможет приготовить ему ужин. Когда она была жива, он ее не ценил. А сейчас готов был умереть, чтобы вернуться к ней...

Павел налил стопку, выпил. Мало. Повторил. Закурил. Снова выпил... А за спиной хохотала девушка, радуясь непонятно чему. Ведь ясно же, что уголовники не видят в ней женщину. Для них она — дешевая шлюха, с которой можно все... Впрочем, его это не касается. Он такой же сумасшедший, как и она. Она беспринципно смеется, а он безостановочно пьет.

Бутылка почти опустела, когда девушка вдруг оказалась рядом с Павлом. Подтянула к нему стул, села, порывисто обняв его за руку. Она уже не смеется, а судорожная улыбка больше выражает страх, нежели радость. И в инфантильном взгляде тоже испуг. Она явно искала его защиты.

— Не понял? — удивленно протянул Павел.

Он осознавал, что неприятности с ней уже приключились, но не понимал, почему она спряталась за него. Он же не похож на Бэтмена... Или похож?

— Они такое от меня хотят! — возмущенно протянула она, кивком головы показав на стол, откуда сбежала.

— А может, и я того же хочу? — скривил он губы.

— Нет, ты один... Да и не такой ты, как они.

— Такой не такой, а проблемы ты мне, похоже, создала, — с досадой сказал Павел.

Он спиной чувствовал, что уголовники направляются к нему. Да и слышно было, как гремят падающие стулья.

Он поднялся, развернулся к опасности лицом. И, как оказалось, вовремя. Татуированные как раз приблизились к нему на расстояние удара. Теперь у них не было возможности ударить в спину. Впрочем, их атака с фронта могла закончиться для Павла плачевно. Он, может, и не слабак, но и не голливудский герой типа Ван Дамма.

— Эта Рыжа чо, тебя полюбила? — блеснув золотой фиксой, спросил парень.

Он был еще молод, не больше тридцати, но морщины на лбу очень старили его.

— А ты у нее спроси.

Павлу приходилось драться в этой жизни, но до сих пор он думал, что выражение «кулаки чешутся» — это всего лишь метафора, а сейчас вдруг ощущил зуд в костяшках пальцев.

— Да кто она такая, чтобы ее спрашивать? — скривился дружок фиксатого.

Округленное лицо, округленные надбровья, округленный нос, округленная линия губ... Глянув на него, Павел ощущал оструе желание округлить его самого, свести вес в одну десятую по шкале полезности к полному нолю.

— Я не знаю, кто она такая. Но она с вами не хочет сидеть, — насмешливо сказал Павел и повел головой в сторону, чтобы размять затекшую шею.

— Хочет. Вертолет — это ее мечта.

Павел понимал, о чем говорит уголовник. Как понимал, почему от него сбежала девушка. Может, она

и дура, но чтобы одной сразу с двумя отморозками — это перебор даже для нее.

— А ты сам, наверное, часто крутил винтами?

Павел знал, что после таких слов последует удар, и был к нему готов. Но, видимо, недооценил противника. Уголовник не стал сопровождать свое возмущение истеричным воплем. Он ударил сразу. И молниеносно. Павел успел только чуть отклонить в сторону лицо, поэтому кулак противника скользнул вдоль подбородка.

Павел сумел избежать нокаутирующего удара, но все равно досталось ему сильно. Подавшись назад, он едва устоял на ногах. И перед глазами все поплыло...

Фиксатый имел отличную возможность его добить. Кулаки у него мощные, быстрые, и Павлу пришлось бы туго, повтори он первый удар. Но тот решил пустить в ход ноги.

Удар оказался сильным, но медленным. Павел успел поймать противника за ногу, рывком и далеко потянуть ее назад. Пытаясь восстановить равновесие, на какой-то миг уголовник потерял контроль над ситуацией и пропустил убойный удар локтем в челюсть.

Павел тоже прозевал удар. Округленный ударил в шею собранными в замок ладонями. Вот это было уже серьезно. Павел, как мог, растянул по дистанции свое падение, чтобы как можно больше увеличить расстояние от противника. И, поднимаясь, он продолжил отступление. Не поворачиваясь к противнику спиной, сбивая на своем пути столы и стулья, он добрался до двери. Казалось, что он собирается удрать. Может, потому противник, поспешив отпраздновать победу, не стал гнаться за ним, чтобы добить.

А Павел не сбежал. У самой двери остановился, развернулся к парням лицом. Перед глазами все плы-

ло, пол под ногами ходил ходуном, но это сейчас пройдет. Уже проходит... А фиксатый уже близко. Вот он замахивается для удара. Но Павел бросился ему в ноги. Схватив его за лодыжки, плечом зафиксировал коленку. Резкий рывок на себя и вверх... Фиксатый упал, с ускорением врезавшись затылком в пол из гранитной крошки. Округленный снова попытался напасть со спины, но Павел вовремя развернулся к нему. Уголовник надвигался на него, широко замахнувшись. Лицо его открыто для удара, сам Павел на противоходе, а лоб у него крепкий...

Удар оказался настолько сильным, что Павел услышал хруст костей. Но это ломался чужой нос, он смял его своим лбом...

Округлый, покачиваясь, сидел на полу и скулил, закрыв лицо руками. Фиксатый попытался встать, но Павел нагнулся к нему и, схватив за цепь на шее, занес над ним кулак. Уголовник покорно откинулся голову назад. Он сдавался, и Никифоров его отпустил.

Павел вернулся к своему столику. Кажется, тот был перевернут в драке, но если так, то девушка уже поставила его на место. Скатерть, правда, валялась на полу. Там же Павел увидел и осколки тарелок. Но бутылку девушка держала в руке. Она глупо улыбнулась Павлу, так же бестолково пожав плечами.

Он поднял с полу скатерть, вернул ее на место. Забрал у девушки бутылку, поставил ее на стол. Сел, наблюдая, как уходят бритоголовые.

Фиксатый остановился в дверях и угрожающе, исподлобья глянул на Павла. Дескать, разговор еще не закончен.

К Павлу подошел официант, с упреком, но вместе с тем и восхищенно посмотрел на него. Принялся убирать с пола битую посуду.

— Ты не волнуйся, парень, я заплачу, — пообещал Никифоров.

— Да, он заплатит. А ты что-нибудь покушать принеси. И водки, — распорядилась девушка.

И, кокетливо глянув на Павла, вдруг зашлась в полуумном хохоте.

— А что смешного? — с сочувствующим видом спросил он.

Он все больше убеждался в том, что у девушки не все в порядке с головой. Но не казнить же ее за это.

Смех оборвался, но бестолково-жеманная улыбка осталась.

— Ничего... Просто я подумала, что мы с тобой хорошая пара.

— Ну и что в нас такого хорошего?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Все равно.

— Что все равно?

— Ну, не задавай дурацкие вопросы... — умоляюще посмотрела на него девушка. — Да, меня Лариса зовут...

— Павел.

— А хочешь, мы к тебе домой поедем? — шаловливо приподняла она густо накрашенные ресницы.

— Прямо сейчас?

— А ты хочешь?

— Нет.

— Правильно... Давай сначала выпьем.

Она пододвинула к нему стул и пышной грудью прильнула к его плечу.

— Это что такое?

— Это я тебя хочу, — недолго думая, ответила она.

— А если я женат?

— Ну и что? Я же замуж за тебя не собираюсь.

— Разговор не про тебя. А про меня. Может, я никогда не изменяю своей жене?

— Изменяешь. Если бы не изменял, не шлялся бы по кабакам. А ты шляешься, пьешь и баб ищешь... Так что не грузи меня, не надо. А то я еще передумаю дружить с тобой.

— Это хорошо, если ты передумаешь.

— Ага, счас!

Лариса еще крепче прижалась к нему и вдобавок рукой обвила его талию.

В это время в бар вдруг вошла Юля. Увидев Павла в объятиях раскрашенной девицы, она застыла в изумлении. Брови возмущено поползли вверх, губы изогнулись в страдальческую линию. Щеки дрогнули, к глазам подступили слезы. Не в состоянии скрыть горечь и обиду, она повернулась обратно к выходу, но на пути у нее встал Семен.

Укоризненно глянув на Павла, он что-то тихо сказал сестре, движением руки сопроводил ее к выходу, после чего направился к его столику. Лариса ощущала исходящую от Семена угрозу, трусливо отпрянула от Павла.

И еще ее пугало, что Бурыбина сопровождают атлетического сложения парни в черных костюмах.

— Кто это такая? — презрительно глянул на нее Бурыбин.

— У нее спроси, — скривил губы Никифоров.

— Я Лариса... — пробормотала девушка, не в силах выдержать гнетущий взгляд Семена. — Паша мне очень помог. Я хотела его отблагодарить.

— Так в чем же дело? Или пол для коленок холодный?

— Нет, Паша сам холодный. Он меня не хочет...

— И я тебя не хочу. Исчезни.

Лариса не стала пытать судьбу и направилась к выходу.

— Эй, девушка, а платить? — окликнул ее официант.

Он показал ей на столик, за которым она веселилась с двумя уголовниками.

— А я ничего не заказывала, — возмущенно взвизгнула она. — Это все они! А я здесь ни при чем!

Официант не внял ее объяснениям, попытался схватить за руку, но не тут-то было. Девушка ловко увернулась и, мелко перебирая ногами, быстро исчезла в дверях.

— Может, ты скажешь, что произошло?

— Что-то. Ребята накрыли для нее стол, а она отказалась за это платить натурой. За меня спряталась.

— Что за ребята?

— Из мест не столь отдаленных.

— И где они?

Павел думал, как ответить, чтобы не показаться хвастуном. Но пока он соображал, уголовники зашли в бар. И не одни. С ними было еще двое.

— Да вот они. С подмогой.

— Смотри-ка, нос у одного распух! — в предвкушении опасной забавы хохотнул Семен. — Твоя работа?

— Ну, вроде моя, — кивнул Павел.

Бурыбин поднялся, повернулся к уголовникам лицом. Круговым движением головы размял шею, расправил плечи, шлепнул кулаком о ладонь.

— Ну, что, парни, помашемся? — азартно спросил он.

Фиксатый с опаской глянул на него, покосился на его тяжеловесных телохранителей. И пришибленно улыбнулся.

— Да мы вообще-то за стол пришли заплатить.

— Ну давай, плати, — разочарованно скривился Бурыбин.

И вернулся к Павлу, сел к нему за столик.

— Значит, девка залетная?

— А ты думал, роман у меня с ней?

— Ну, может, и думал.

— А если роман, тебе какое дело? — с вызовом посмотрел Павел.

— Большое дело. Чухарик... э-э, Эдик сбежал. Далеко-далеко сбежал, за тридевять, мать его, земель. Теперь Юлька — твоя. Хочешь ты этого или нет, но ты уже от нее никуда не денешься...

— Это хорошо, что у нее такой брат заботливый, — хмыкнул Павел.

— Ты о ней заботиться будешь, а не я. О ней, о ее детях.

— Так я разве отказываюсь? — уныло спросил Павел.

— Ты, говорят, из ментовки уволился?

— Из милиции.

— Подчистую?

— Ну, еще могу восстановиться. Если захочу.

— А хочешь?

— Нет... Спасибо тебе, что за Лену помог спросить. А теперь проваливай, видеть тебя не хочу.

— А гнать меня не надо! — напыжился Семен.

— Не буду, — пожал плечами Павел.

Он просто не станет разговаривать с этим человеком... Может, Семен и был чем-то ему симпатичен. Но в целом он презирал его. Может, он уже и не сотрудник милиции, но с бандитом и убийцей ему не по пути.

Семен тоже хранил молчание. Но не уходил, с

удивлением посматривая на Павла. Наконец не выдержал, заговорил:

— Я не понял, ты что, болт на меня забил?

— Нет. Просто мне с тобой не о чем разговаривать.

— Зато у меня тема есть. Ты должен вернуться к Юльке.

— Так я от нее и не уходил.

— Не уходил. Но и к ней не торопишься. Я разговаривал с ней, ей кажется, что ты ее избегаешь.

— Мнительная у тебя сестра, и ты это знаешь.

— Может, и мнительная. Но ты ее, пожалуйста, не обижай. Слышишь, я добром тебя прошу.

— Не обижал я Юлю. И обижать не собираюсь...

— А чего не побежал за ней? Она за тобой приехала, а ты с шалавой тут обнимаешься.

— Может, и побежал бы, если б не ты.

— Ладно, разберетесь. Она в машине сейчас...
Хватит ей сидеть у отца, утряслось все, домой можно возвращаться.

— Что утряслось? — скептически усмехнулся Павел. — Паука спровадили, и все утряслось?

— Даже не знаю, о чем разговор, — холодно посмотрел на него Семен.

— Да знаешь ты все... Как бы вам все это не аукнулось.

— Если бы я чего-то боялся, я бы здесь с тобой сейчас не сидел. И не надо каркать, без тебя ворон хватает. А если ты так за нас переживаешь, то будешь при Юльке охранником. Лицензию мы тебе организуем, получишь ствол...

— Как быстро ты все решаешь!

— Потому на белом коне и катаюсь... И ты не будь дураком. Нам такие люди, как ты, нужны.

— Кому это вам?

— Семье. И не надо дурака изображать...

— Дурака Лихопасов изобразил. И человека убил.

Со мной такой номер не пройдет. И не нужна мне ваша семья. Юля нужна, а семья ваша — нет. И не надо втягивать меня в ваше болото...

— Мы — не болото. И не втягиваю я тебя... А хотел бы втянуть. Это я тебе честно скажу. Никакого сравнения с Лихопасовым. Есть в тебе кремень...

— Это тебе кажется, — горько усмехнулся Павел. — Я — предатель. Я предал своих...

— Меня винишь?

— При чем здесь это? Неважно, кто виноват, важно, что сделано. И не надо меня в свои дела втягивать. Если предал своих, то предам и вас...

Семен ничего не сказал. Он смотрел на Павла удивленным взглядом. Может, он и не считал его предателем, но после того, что услышал, не мог не согласиться с ним.

— М-да... Даже не знаю, что сказать, — мотнув головой, хмыкнул он.

— А ты и не говори. Не о чем нам с тобой говорить... Может, я и предал своих, но и с вами я не хочу...

— Да я тебя и не заставляю, — пожал плечами Семен.

— Тогда в чем проблема?

— Юлька — наша общая проблема. Мается баба, и ты должен ее успокоить.

— Сейчас мы пойдем ко мне домой, и все будет в порядке, — невесело сказал Павел.

Он, конечно, был рад Юле. Но ведь из-за нее он не сможет сегодня встретиться с Леной... А может, это хорошо? Может, Юля не позволит ему окончательно сойти с ума.

— Зачем к тебе? У нее свой дом есть. И она хочет жить там с тобой и с детьми...

Павел не знал, что ответить. С одной стороны, он не хотел зависеть от Юли. Но с другой — у него в квартире будет тесновато для семьи из четырех человек. К тому же в его доме живет призрак Лены. Может, если он не будет стоять между ним и Юлей, жизнь наладится?

— А как же Лихопасов?

— Я же сказал, он уехал далеко-далеко.

— Надеюсь, не вместе с Пауком? — в саркастической усмешке скривил губы Никифоров.

— Нет. Мы в Москве ресторан открыли, Эдик теперь будет работать там. Да и дом ему не принадлежит...

— Но вещи я хоть могу собрать?

— Да, конечно... Пошли.

Павел расплатился по счету, из полусумрака бара вышел на яркий свет улицы, направился к джипу, на который показал ему Семен. Ощущение было таким, будто он шел под конвоем. Но ведь так все и было. Неважно, нужна ему Юля или нет, но он попал под пяту ее семьи. Обратного хода нет. Но, может, это и к лучшему?

глава 19

Из окна офиса рынок напоминал гигантский муравейник. Но все же верней было сравнить его с пастбищем, где муравьи добывают для себя пищу. Самый ценный продукт для них — медвяная роса. Они заботятся о тле, которая выделяет этот сок, вплоть до того, что на зиму забираются в ее зимовье, чтобы она не замерзла. Но жителям города вовсе не нужно забо-

титься о своих дойных коровах, для них уже все подготовлено на рынке. Молоко, мясо, яйца — бери, что угодно, только плати. И берут, и платят, и разносят по своим муравейникам. Много берут, много платят, много несут, потому и бурлит жизнь на рынке. Продукты, одежда, стройматериалы, техника — все, что есть, все продается. А это деньги, часть из которых остается здесь, на рынке, и достается его владельцам.

Когда-то Северный рынок был заросшей травой площадью, огороженной сеткой-рабицей. Торговые ряды представляли собой столы, грубо сколоченные из обрезной доски, о здании администрации можно было только мечтать. И десяти лет не прошло, а перемены произошли невероятные. Крытые торговые ряды из пластиковых конструкций, павильоны, бутики, склады — словом, цивилизация. И воры здесь — явление редкое. Одна головная боль — азербайджанцы. Народ, в общем-то, мирный. Но в любом тихом омуте — своя мафия. Впрочем, Сафар и Муслим за решеткой, кое-кто из их боевиков также греет нары. Остальные затаились, исчезли с рынка. Но работа идет, Лева со своими бойцами ищут и потихоньку выводят заразу. Рядовых торговцев никто не трогает, пусть себе работают. А голову этому непослушному телу нужно рубить...

И с охраной вопрос решен. Семья разорвала договор с фирмой «Гарант», и теперь все принадлежащие ей рынки охраняются собственными силами. После того, что произошло с Пауком, его людям доверять никак нельзя. В исчезновении Шестакова новое руководство «Гаранта» обвиняет Семью. И хотя доказать никого ничего не может, смутное недовольство все-таки наблюдается. И еще неизвестно, чем все закончится...

— Семен Савельевич, ваш кофе!

Бурыбин отошел от бронированного окна, опустился в директорское кресло и только тогда посмотрел на секретаршу, которая ставила на стол фарфоровую чашку с «капуччино».

Симпатичная девушка. Хоть и худенькая, но весьма аппетитная. Блузка, правда, скромная, без декольте, и юбка длинная, но все это можно было бы снять... Можно было бы, если бы Семен был полноценным хозяином этого кабинета. Но директором Северного рынка официально числилась его дражайшая супруга. И Лиза, что так мило сейчас улыбалась ему, была ее секретаршей. К тому же при всей своей доброжелательности она так просто в руки ему не дастся. И с ней сладить будет очень трудно: у девчонки черный пояс по karate. И пистолет у нее в ящике секретарского стола. А еще у Татьяны — два телохранителя, представители женского, но отнюдь не слабого пола...

Татьяна сейчас обходила территорию рынка. Обычное для нее дело, но душа у Семена была почему-то неспокойна. Вроде бы все в порядке. «Гарант» покойного Паука, можно сказать, под контролем, азербайджанская мафия также под пятой, но ведь и те и другие точат ножи на Семью. И он сам пострадать может, и жена... Может, потому последнее время он пропадает на рынке. И все его люди с ним...

— Спасибо, Лиза, — кивнул Семен.

Хороша девушка. Но, если честно, не до нее. Что-то неспокойно на душе, и сны в последнее время плохие снятся.

Только он сделал глоток кофе, как зазвонил мобильный. На дисплее высветилось «Стас». Не ответить на такой звонок нельзя.

— Семен, брат, беда! — тревожной сиреной прозвучал голос Стаса. — В Леву стреляли!

— Живой?

— Да. Но ранение серьезное. Пуля прошла в двух-трех сантиметрах от сердца.

— Снайпер?

— Похоже на то.

— Взяли?

— Нет, ушел.

— Кто?

— Думаю, «Гарант». Собираться надо, решать.

— Где?

— Я не знаю... Что-то мне хреново, брат, — с нездоровыми хрипами в голосе еле слышно сказал Стас. — Голова закружилась... Ты погоди, я перезвоню, — как будто на последнем издыхании пробормотал он.

В трубке послышались короткие гудки, но Семен сразу же перезвонил брату. И не зря. Трубку взял теплохранитель Стаса. Надрывным от суматошных переживаний голосом он сообщил, что босс в туалете и его выворачивает наизнанку в унитаз.

— «Скорую» вызывай, а я сейчас!

Но Семен даже из кабинета выйти не успел. Двери распахнулись перед самым его носом, и в кабинет вошел полковник Харчев, начальник Старобоярского РУБОПа. Его сопровождали два оперативника в штатском и несколько бойцов СОБРа.

— Какого черта? — рассвирепел Семен.

С каким удовольствием он вынул бы из кобуры пистолет и пристрелил полковника. Его не пугал сам арест, его злило, что РУБОП встал серьезным препятствием на пути к брату, который, возможно, доживал последние минуты.

Лева с пулей в груди, отравление Стаса и его собственный арест воспринимались Семеном как лошадки с одной карусели, которую закрутила некая враждебная сила.

— Гражданин Бурыбин, вы арестованы, — безапелляционно сообщил Харчев. — Вот постановление на ваш арест. Будьте добры — ваши руки!

Никто не спешил прийти Семену на помощь. А сам в одиночку против спецназа он выступить не решился. И позволил обыскать себя и арестовать с покорностью человека, уверенного в том, что в самое ближайшее время он будет на свободе.

— Может, все-таки скажете, почему на мне наручники? — спросил Семен.

— Ну, начнем с незаконного предпринимательства, — насмешливо сказал Харчев. — Сейчас на складах рынка будет произведен обыск. При наличии контрафактной продукции произведем арест и изъятие...

— Дерзайте... Только как бы потом убытки не пришлось возмещать. Через суд, разумеется.

— Вы так уверены, что вам ничего не грозит? — пристально посмотрел на Семена Харчев.

— Абсолютно.

Семен знал, что Паука поддерживал РУБОП. Поэтому заранее подготовился к проверке, вывез со складов незаконный товар. Но не было бы в том большой трагедии, если бы вдруг Семью смогли уличить в незаконном предпринимательстве. РУБОП, конечно, сильная организация, но есть еще мэр Стабоярска, который очень сытно кормился с обоих рынков. И в городской прокуратуре тоже есть свои люди...

— Что ж, тогда вам будет немного легче, — язвительно усмехнулся Харчев. — Немного.

— Легче мне на толчке будет, начальник. А тебе — на пенсии... Сегодня стреляли в одного моего брата, — сказал Семен, четко проговаривая каждое слово. — Другого брата отравили. А ты арестовал меня. Это заговор, полковник. Ты — заодно с убийцами. Ты за это ответишь.

— Кто стрелял в твоего брата? — нахмурился Харчев.

Ему явно не понравилась картина эшафота, которую нарисовал для него Семен. Несдобровать ему, если прокуратура обвинит его в причастности к покушению на убийство... Может, не только в покушении? Может, убийство уже произошло?

— Твои люди в него стреляли... Мне брату позвонить нужно. Ему плохо, его отравили. Если он умрет, виноват в этом будешь ты.

Харчев был сильным человеком, и Семен не мог этого не признавать. Но все же полковник отвел глаза, не выдержав его лютый взгляд.

— Увести! — распорядился он.

Под усиленной охраной Семена вывели из административного здания, усадили в машину и отправили в изолятор временного содержания.

* * *

Газонокосилка работала сравнительно негромко, но все равно казалось, что уши опухли от ее тарахтения. Павел неторопливо катил шумную тележку вдоль тротуарной дорожки, жалея о том, что не догадался защититься наушниками плеера.

Так не бывает, чтобы в своем доме не было работы. Водослив подправить, забор подкрасить, кустар-

ник подровнять, масса других мелких дел. Словом, всегда есть чем заняться. И хорошо, когда дом свой в полном значении этого слова.

А Юлин дом для Павла своим не был. И во дворе он работал только потому, что должен был хоть чем-то занять себя. И чтобы хлеб не зря есть... У него еще были свои деньги, но скоро они закончатся, и тогда Юля, по сути, будет содержать его. И эта мысль его угнетала.

Семен обещал приобщить его к охранной деятельности, организовать лицензию и оружие. Но дело двигалось медленно, а о зарплате речь вообще пока не шла...

Кто-то тихонько тронул Павла за плечо. Он обернулся и увидел Юлю. Она была в модном домашнем костюме. Волосы распущены, на лице косметика. На губах веселая улыбка, но в глазах угадывалась печаль.

Павел выключил мотор.

— Зову тебя, зову, а ты не слышишь.

Позавчера Юля взяла отпуск, послезавтра они отправятся в Турцию. Впереди целых две недели отды ха на море и под пальмами. Но Павла это совсем не радует. Он даже попытался отказаться, но Юля расплакалась, и ему ничего не оставалось делать, как сдаться.

— Косилка шумно работает.

— Шумно, — кивнула она.

Взгляд ее вдруг затуманился, губы подернула обида.

— Что-то не так? — напрягся Павел.

Ему очень не нравились эти перемены в ее настроении. Он старался быть примерным мужем, но, увы, Юлю в нем устраивало не все.

— Да нет, все так. Просто иногда мне кажется, что ты меня вообще не слышишь. И косилка здесь ни

при чем... Извини! — спохватившись, натянуто улыбнулась она. — Сама не знаю, что говорю...

— Знаешь ты все, — невесело вздохнул Павел.

Как всякая женщина, Юля тонко чувствовала его. И понимала, что не в состоянии заменить ему Лену. Хотя и надеялась, что со временем сможет занять достойное место при нем. Павел и сам на это надеялся.

— Я недостаточно уделяю тебе внимания, — заученно сказал он. — Но мне просто нужно к тебе привыкнуть...

— Да, я понимаю, — уныло согласилась она. — Пошли, обед уже на столе.

— А сто грамм? — по пути в дом спросил Павел.

— А может, не стоит? — напряглась она.

— Ну, как скажешь...

Он в принципе мог обходиться без спиртного, но все же ощущал потребность выпить. И если Юля нальет ему, он будет только рад... А она нальет. Не сейчас, так вечером. Если, конечно, захочет, чтобы ночь для нее окрасилась в романтические цвета. Он сможет поднять ей настроение, но для этого его самого нужно привести в тонус.

В холле надрывался телефон. Юля взяла трубку.

— Да... Этого не может быть, — бледнея, всплеснула она рукой. — Как же так?.. Да, хорошо... Конечно... Да...

Она положила трубку и потрясенно посмотрела на Павла.

— Стас умер... Лева в больнице в тяжелом состоянии... Семен арестован... Ждан звонил, сказал, чтобы мы оставались дома. Сказал, сейчас охрана подъедет...

Павел озадаченно покачал головой. Похоже, се-

мья Бурыбина пропустила ответный удар. Все-таки случилось то, о чем он в свое время предупреждал Семена. И самое плохое в этой ситуации то, что может пострадать Юля. А она не последний для него человек. Ее детям тоже грозила опасность, Павел уже стал привязываться к ним...

— Но я не хочу здесь оставаться, — продолжала она. — Я хочу в больницу, к Леве. Я же врач, я могу ей помочь...

— Нет, ты останешься здесь, — твердо сказал Павел.

— Но я не могу! — растерянно посмотрела на него Юля.

— А я сказал, ты останешься здесь!

Она удивленно смотрела на него. Ей не понравился его командный тон, но, как женщина, должна подчиняться любимому мужчине, она радовалась.

— Да, как скажешь...

В калитку позвонили.

— Кажется, охрана, — решила Юля.

Но она ошиблась. На экране монитора Павел увидел капитана Ныркова из РУБОПа, а с ним еще двоих в штатском.

— Что вам нужно? — по громкой связи спросила Юля.

Им нужен был Павел, а зачем, они отказались отвечать.

— Но его нет здесь, — почуяв неладное, схитрила Юля.

Но Павел не позволил ей вводить в заблуждение своих бывших коллег. Он вышел к Ныркову, закрыв за собой калитку.

— А нам сказали, что вас нет, — ехидно усмехнулся Нырков.

— А мы что, с тобой на «вы»? — удивленно посмотрел на него Павел.

— Можно и на «ты». Только делу это не поможет, — пожал плечами капитан.

— Какому делу?

— А ты не догадываешься, бывший майор? — с оттенком презрения спросил Нырков.

— Не надо со мной темнить. Говори все, как есть.

От волнения и дурного предчувствия Павла слегка затошило. И от предобеденного аппетита не осталось и следа.

— Арестован ты, Павел Михайлович.

Нырков взял Павла за руку, достал из кармана наручники.

— Это интересно.

Руку он не отдернул. В конце концов, он не уголовник, чтобы сопротивляться представителям власти.

— Ты даже не представляешь, как мне это интересно, — съязвил Нырков, защелкивая браслет на его и своем запястье. — И обидно... Помнишь убийство Крыжова? Мы носом землю рыли, а ты Бурыбину позвонил, он тебе убийц сдал, ты галочку на этом срубил.

— Вообще-то меня на этой галочке чуть не убили, — напомнил Павел.

— Да, но факт остается фактом. На Бурыбина ты работал. И с его дочерью сейчас живешь, — кивком головы Нырков показал на дом.

— Во-первых, на Бурыбина я не работал. А во-вторых, это мое личное дело, с кем жить.

— Да, но никто не давал тебе права уничтожать вещественные доказательства. Знаешь, как это называется?

Павел растерянно промолчал. Вину свою он отрицать не хотел. Но и так просто признавать ее было глупо.

— Статья триста третья это называется. Фальсификация доказательств, — продолжал Нырков. — В твоем случае от трех до семи лет лишения свободы.

Павел удрученно склонил голову. Да, он сфальсифицировал доказательства по особо тяжкому преступлению, а это действительно от трех до семи лет. Права занимать определенные должности он лишил себя сам, но, видимо, этого было мало. Что ж, сам виноват, самому и отвечать.

— Дальше что? — угрюмо спросил он.

— А дальше тюрьма. Но сначала в отдел. Харчев хочет с тобой поговорить.

— А вещи собрать позволишь?

— Да, но только у меня на привязи. Ты уж не обессудь.

Юля плакала, помогая собрать ему вещи. Не рыдала, не билась в истерике, не кидалась ему на шею, пытаясь удержать. Но смотрела на него с пронзительным отчаянием. Как будто чувствовала, что никогда с ним больше не увидится.

— Это недоразумение, — сказал он. — Я обязательно вернусь. Ты, главное, жди...

— Я обязательно дождусь.

Она не хотела, чтобы он уходил, она боялась его потерять. И, как это ни странно, он завидовал ей. Хотя бы потому, что сам уходил от нее без особого сожаления. Если не считать дочери, то не было у него на этом свете женщины дороже, чем она. Но на том свете его ждала Лена. И пусть он думал об этом на грани помешательства, но никто не в силах был заменить ему покойную жену.

Его вывели со двора, когда к дому подъехали два черных джипа. Из первой машины выскоцил Ждан, за ним — крепкие парни в черных костюмах и с оружием. Охранники молча окружили оперативников. Ждан вопросительно смотрел на Павла. Он готов был отбить его у рубоповцев.

Никифоров мотнул головой, призывая Ждана к спокойствию. Никогда еще он не чувствовал себя так униженно.

Его посадили в «десятку», Нырков устроился справа от него, другой оперативник поджал арестанта слева. Павел сидел, низко опустив голову. Он не знал, как смотреть в глаза своим бывшим коллегам. Какой позор — бандиты держат его за своего, более того, они готовы драться за него...

К чести Ныркова, тот почувствовал его настроение и не стал его стыдить.

Зато не стал щадить его Харчев. Павла привели к нему в кабинет и, как последнего злодея, пристегнули наручниками к специальной скобе, вмурованной в стену.

— Как же так, Никифоров! — усмехнулся полковник, с пренебрежением глядя на него. — Живешь с дочерью бандита, дружишь с ее братьями.

— Живу. Потому что люблю.

— Ой ли!

— Ну, думал, что люблю...

— Вот это уже ближе. Хотел полюбить, но не вышло. Зато красивая жизнь по нраву, да?

— Какая красивая жизнь?.. Жена у меня погибла. А я убийцу ее не смог найти. Пытался, но не смог. А Юля на нее очень похожа, на жену мою покойную. Увидел, и в душе все перевернулось. Думал, вот оно,

мое счастье... А не вышло ничего. Чужое это счастье, не мое...

— Чужое счастье, — кивнул Харчев. — И ты ради него против своих пошел.

— Нет, не ради чужого. Ради своего. Я должен был за Лену отомстить. Должен был, но не мог... А тут Бурыбин. Как тот дьявол, сделку мне предложил. Я ему помогаю Лихопасова освободить, а он мне убийцу моей жены сдает.

— И что? — заинтригованно вскинулся полковник.

— Сдал... Я одного человека в свое время посадил. Гончаров его фамилия. Так вот, он в зоне жизнь в карты выиграл. Мою жизнь. Но решил, что лучше жену мою убить. Чтобы я страдал. Лучше бы меня убили...

— Что, торпеду по твоему адресу выслали?

— Да... Убийцу посадят, а заказчику срок продлят. Да вы можете посмотреть это дело, там все ясно, как дважды два.

— Да мы-то посмотрим... Ты мне лучше скажи, как Бурыбин убийцу нашел?

— Через воров.

— Что, специально ради тебя старался?

— Ну, я не думаю, что жилы рвал, чтобы мне угодить. Была возможность найти — нашел.

— А не было, и не нашел бы, — подхватил Харчев. — Что-нибудь другое придумал бы.

— Не придумал бы. Я дочь от него спрятал, а без нее меня ничем не возьмешь...

— А если бы он до твоей дочери добрался?

— А если бы завтра марсиане Африку захватили?

— Правильно, гадать не будем, — кивнул Харчев. — Тем более факт должностного преступления

налицо. И побудительные причины не так уж важны... Кстати, это хорошо, что ты сам признал свою вину. Можно оформить это как чистосердечное признание.

— Мне все равно, — пожал плечами Павел.

— Что значит «все равно»? — удивленно посмотрел на него Харчев.

— Что заработал, то и получу. От ответственности бегать не собираюсь. Сколько дадут, столько и отсижу...

— Да, но ведь можно и условный срок получить. Тем более что гражданин Лихопасов признал свою вину.

— Не понял.

— И свою вину признал, и твою. И Семена Бурыбина с потрохами сдал.

— Потому Бурыбина и арестовали?

— Да.

— А его братья? С ними что?

— Не знаю... — нервно сказал Харчев и ногтем пальца прикоснулся к верхним зубам.

Как бы ногти грызть не принялся.

— В том-то и дело, что не знаю, — продолжал он. — Череда совпадений. В одного снайпер стрелял, другого отравили... Весь отдел на ногах, а тут еще с тобой возиться...

— Я не напрашивался. Да и не ваша эта компетенция мной заниматься.

— Ну как же, не наша. Ты у нас как единица организованной преступности проходишь. А если серьезно, то нам Бурыбина нужно к стенке прижать. Лихопасов показания на него даст. И ты дашь.

— Что было, то и покажу.

— Нет, скажешь, что он тебе расправой угрожал.

— Он только намекал, что моя дочь может пострадать. Но это не прямая угроза...

— Неважно. И про дочь скажешь, и про себя.

— Мне он не угрожал, — покачал головой Павел. — Сговор был. Конкретный сговор. А угроза косвенной была, так, в воздухе летала...

— Не нужен сговор, — досадливо посмотрела на него Харчев. — Это уже благородство какое-то... Это не я так думаю, это адвокаты соловьями заливаться будут. Так, мол, и так, без Семена Бурыбина город бы давно уже задохнулся под натиском преступности. Только он может остановить этот вал... Ну, не мне тебе объяснять.

— Да, я понимаю. Но мне он расправой не угрожал.

— Ну, пускай хотя бы косвенно, — не сдавался полковник.

— Нет.

— Почему?

— Мне и так стыдно. А будет втройне стыдно, если все решат, что я испугался смерти.

— А ты ее не боишься?

— Нет.

Харчев долго смотрел на Павла, пытаясь уловить в его взгляде хоть капельку неискренности. Но смерть действительно его не пугала, и полковник, похоже, в это поверил.

— Пойми, нужно прижать Бурыбина к стенке.

— Я не против, — пожал плечами Павел. — Заступиться за него не собираюсь. Но и лишнего не скажу.

— Нет?

— Нет.

— Мы бы могли отпустить тебя под подписку.

— Не надо меня уговаривать.

— Не буду. Но ты все-таки подумай. А пока под замком посидишь.

— Чему бывать, того не миновать.

— Ну-ну...

Павлу приходилось бывать в изоляторе временно-го содержания при городском управлении внутрен-них дел, но сегодня он впервые попал туда в качестве арестанта. Он шел по гулкому коридору в сопровож-дении дежурного милиционера, не в силах поднять голову — настолько ему было стыдно. Но и ложью покупать себе свободу он не собирался. Майор Ники-форов никогда не отступал перед страхом смерти...

глава 20

В маленькой узкой камере было душно и темно. Здесь совершенно не было окна, и свет проникал сю-да через глазок в двери. Из-за ужасной вентиляции вонь от сортира была постоянной составной жаркого, насыщенного влагой воздуха. Поэтому вызов на до-прос Павел воспринял как благо.

На этот раз он беседовал со следователем проку-ратуры, который вел его дело. Павел рассказал ему все, как было. После чего последовало предложе-ние — обвинить Бурыбина в том, что он угрожал майору убийством.

— Да поймите вы, Никифоров, Бурыбина мы все равно посадим. Лихопасов даст показания, подтвер-дит их на суде, и этого вполне хватит, чтобы Бурыбин оказался за решеткой. Но ведь он даст показания против вас, — пытался запугивать его следователь.

— А разве я не признал свою вину? — удивлялся Павел.

— Да, но одно дело сговор, и совсем другое —

убийство. К тому же, если вы пойдете нам навстречу, мы будем к вам благосклонны, и суда вы будете дожидаться на свободе, под подпиской о невыезде... Поймите, дело очень серьезное. Расследование этого дела взяла под свой контроль Генеральная прокуратура. Мы обязаны добиться обвинительного приговора, и для этого должны усугубить вину Бурыбина... Скорей всего, нам удастся посадить его и без ваших показаний. Но тогда и снисхождения к вам, Никифоров, не будет. Вы же бывший сотрудник милиции, неужели вы не хотите нам помочь? Ведь из-за Бурыбина вы вляпались в эту историю. Вы поможете нам, мы поможем вам. Лично гарантирую вам, что буду просить для вас условный срок.

— А если я не соглашусь?

— Тогда мы будем считать, что вы сотрудничали с семьей Бурыбина. Тогда никакого снисхождения...

— Но Бурыбин не угрожал мне убийством. Он предложил мне сделку, я принял его условия. Могу показать, что угроза жизни была. Но в том случае, если бы я отказался от сделки...

— Забудьте о сделке, — морщился следователь. — Не было ничего. Была только угроза убийством.

— Была сделка. А угрозы убийством не было, — так же твердо стоял на своем Павел.

— Что ж, не хотите, как хотите...

Павла снова доставили в камеру, но через два часа с вещами вывели на двор изолятора, где стоял готовый к выезду автомобиль для перевозки заключенных и «уазик» патрульно-постовой службы.

К автозаку его доставили одного. Это радовало. Ведь Павел все же был бывшим сотрудником милиции, и это значило, что на этапе в «сизо» его не полагалось смешивать с основным контингентом заклю-

ченных. Но все равно начальник конвоя должен был осмотреть его — нет ли побоев или простуды, выяснить, есть ли жалобы. Но ничего такого не произошло. На него просто надели наручники и запихнули в фургон. Казалось, сделано это было с бухты-балахты, но, как выяснилось, без умысла здесь не обошлось.

В автозаке уже находился заключенный. Это был Семен Бурыбин. Он сидел в гулкой полутьме, хоть и в наручниках, но на обычной скамейке, и это при том, что в фургоне пустовали два зарешеченных отсека для перевозки особо опасных преступников. Именно под такую категорию и подходил Семен. Но почему же тогда его не закрыли в таком стакане? Этот вопрос и навел Павла на неприятные для него размышления. Что, если в фургоне установлен микрофон или даже видеокамера, чтобы следователь и рубоповцы могли наблюдать, как он пожимает Семену руку, слышать, о чем он с ним разговаривает? Может, арестанты заключат друг друга в братские объятия. Тогда бывшему майору Никифорову не отвертеться от обвинения в сотрудничестве с бандитами. Прижмут его к стенке этим обвинением, заставят дать нужные следствию показания...

Автозак — это не просто зарешеченный фургон для перевозки заключенных. Здесь все продумано, вплоть до габаритных размеров, с тем, чтобы машина могла пройти в ворота сизо или колонии. Основная камера обшита стальными листами, чтобы ничего нельзя было отломать и оторвать. И вдоль разделена она решеткой — и заключенных можно хоть как-то разобщить, и фургон не раскачают, не перевернут. Заклепки в кузове только стальные, потому что алюминиевые могут перетереться. Пол усилен стальными профилями — не пропалиши, не пропалиши. Плюс ко

всему два зарешеченных стакана для особого контингента... Но при всем при этом Павла определили в половину к Бурыбину, на одну с ним скамейку... Что-то здесь явно не так.

— Майор, ты, что ли? — насмешливо спросил Семен.

Похоже, он совсем не удивился, увидев его.

Павел молча приложил палец к сомкнутым губам. Осмотрелся — нет ли где видеокамеры.

— Расслабься, нормально все, — хмыкнул Бурыбин.

Никифоров так не считал. Поэтому продолжал хранить молчание.

— Может, тебе в падлу со мной разговаривать?

Павел пожал плечами. Мол, как хочешь, так и думай, оправдываться не стану.

— Язык тебе, что ли, вырвали?

— Разговоры! — крикнул конвой, вместе со своим напарником устроившийся в решетчатом тамбуре возле дверей.

Семен небрежно махнул на него рукой, но грубые слова оставил при себе. И замолчал, повернувшись к единственному в их половине окошку. В фургоне было душно, и Бурыбина, похоже, радовало, что он оказался в более выгодном, чем Павел, положении. Закон неволи — чем больше благ ты урвал, тем ты круче.

После того, как фургон закрыли, автомобиль еще долго стоял во дворе. Судя по разговорам сидящих в тамбуре конвоиров, должен был подъехать экипаж дорожно-постовой службы. Дождался начальник конвоя сопровождения или нет, неизвестно, но в конце концов автозак выехал со двора.

От зданий ГУВД до следственного изолятора рас-

стояние небольшое, но Павла не удивляло, что для сопровождения заключенных были назначены два экипажа постовой службы. Все-таки Семена Бурыбина везли, а Харчев должен был понимать, что его семья могла предпринять попытку напасть на конвой. И неважно, что один брат умер, а другой в реанимации. Семья еще не утратила своей силы...

Судя по тому, что где-то впереди выла сирена, экипаж дорожно-постовой службы все-таки взял автозак под свою опеку. На это же указывало и то, что машина шла без остановок, видимо, игнорируя сигналы светофоров.

Павел очень удивился, когда вдруг открылась дверь, связывающая арестантский отсек с конвойным. Инструкцией такое действие категорически запрещено, и очень странно, что конвоиру взбрело в голову нарушить закон.

Впрочем, удивляться долго не пришлось. Неожиданно Бурыбин развернулся к Павлу и схватил его за грудки. Удивительно, но его руки больше не сковывали наручники.

— Мент, падла! — без особой ярости заорал он, тряхнув его так, что Никифоров стукнулся затылком о стальную перегородку.

Павел только собирался оттолкнуть от себя Семена, но машина вдруг остановилась — их обоих прижало инерцией к стенке. И конвоир, в свою очередь, налетел на Бурыбина. Тот ударил его локтем в нос, и с такой силой, что бедняга потерял сознание. А Семен вырвался из камеры, сбил с ног второго конвоира, ударил его кулаком в лицо, вынул из кармана ключ от двери...

Это было что-то за гранью фантастики. Павел точно знал, что конвойным в фургоне ключ от двери

не полагается. Ее открывают снаружи... И еще его поразила легкость, с какой Семен расправился с охраной. И как он умудрился снять наручники?.. Вот он открывает дверь, поворачивается к Павлу:

— Ну, чего сидишь? Давай за мной!

Побег не входил в планы Павла. Но ему вдруг стало обидно за своих коллег, которых у него на глазах переигрывал бандит Бурыбин. Пусть рубоповцы вели себя не очень порядочно, склоняя его к ложным показаниям, но ведь они делали свое дело. А Семен оставил их с носом. И не только их, а само правосудие, которое предал Павел... Нет, Бурыбин не должен уйти. Его нужно было остановить...

Семен выпрыгнул из машины. Павел последовал за ним.

Автозак стоял на перекрестке, за ним в два ряда выстроились обычные машины. «Уазик» патрульно-постовой службы отсутствовал. Почему? Или он следовал впереди, за экипажем ДПС, или вовсе исчез.

Бурыбин выбежал на тротуар, Павел устремился за ним. Никто не пытался их остановить. Только водители автомобилей нервно жали на клаксоны, пытаясь привлечь к ним внимание конвойной службы. Семен свернул в узкий переулок за магазином. Бежал он быстро — чувствовалось, что парень активно занимается спортом. А Павел, увы, давно уже растерял физическую форму. К тому же он, в отличие от беглеца, оставался в наручниках, что, разумеется, значительно сковывало его движения. Словом, он понимал, что ему не осилить гонку с преследованием, но все же продолжил погоню. Пока не увидел, как Семен садится в старенький джип с затемненными окнами. Но дверь за ним не закрылась. Высунувшись из салона, он махнул рукой, подзывая Павла.

— Давай быстрей!

Неужели он думал, что Павел настолько глуп, чтобы присоединиться к побегу? Но ведь он зовет его к себе?

Еще на бегу Павел представил, как запрыгивает в джип, хватает Семена за грудки, вместе с ним вываливается из салона, заламывает его. И это при том, что руки у него скованы стальными браслетами. Уже тогда это предприятие казалось ему нереальным, а оказавшись в машине, он и вовсе отказался от своих планов. На переднем сиденье рядом с водителем сидел Ждан, на коленях у которого покоился пистолет-пулемет с глушителем. Он мог привести его в действие в любой момент. Да и Семен, сам по себе, отнюдь не легкая добыча.

— Ну, чего сел, как баран? — Семен через него потянулся к двери, закрыл.

Машина к этому времени уже была в пути.

— Как баран, — механически повторил Ждан.

Он старался выглядеть важным, сосредоточенным, но в глазах светилось детское ликовение.

— Молодец, братишка, не подвел! — бравурно похлопал его по плечу Семен.

— Э-э, а куда мы едем? — будто опомнившись, встрепенулся Павел.

Только что он был преследователем, и вдруг сам оказался в шкуре беглеца... А ведь отправляясь в погоню, он должен был понимать, что его постигнет неудача. Но ведь побежал? Почему? Может, им двигал не только разум служителя закона, но и подсознание, которое заключению предпочло свободу? Он мог отделаться условным или незначительным сроком заключения, но теперь, после побега, рассчитывать на снисхождение было глупо. Но ведь уже ничего не ис-

правишь. Хочешь не хочешь, а надо приспособливаться к новым обстоятельствам.

— На Кудыкину гору, — усмехнулся Семен. — Там нас уже ждут.

— Кто?

— Неважно... А Юльки там не будет, не жди.

— Нет, не будет Юльки, — копируя своего брата, мотнул головой Ждан.

У Павла не было особого желания встречаться с Юлей, но он предпочел об этом умолчать. Хотя бы потому, что это его личное дело.

— Я ничего не понимаю, — сказал он, опустив голову.

— Чего ты не понимаешь? В дерьме мы. В полном дерьме! — выпалил Семен. — Стаса убили, понимаешь? Стаса, брата моего! Отравили его! Кто его заказал, я знаю. А кто исполнил?.. Я должен найти эту мразь. А в Леву стреляли! В Леву! Брата моего убить хотели. Убить!.. А меня закрыли. Из игры меня вывести хотели. А черта им лысого! Все это паучье отродье подчистую выведу!.. Правильно ты говорил, что эта история добром не кончится. Да я и сам это понимал... Но ничего, у нас все на мази. У Паука свои завязки, у нас — свои. Посмотрим, чья возьмет. И его берет, и наша...

— Как ты наручники-то свои снял? — спросил Павел, приподняв свои скованные руки.

— Да просто. Ключ у меня был... И менты все куплены. Потому и дали уйти.

— Что, и все?

— А тебя что, подробности интересуют? Кому и сколько дали? — криво усмехнулся Семен.

— Нет, я думал, ты намек поймешь. Как-то неудобно в наручниках.

— Ничего, пока побудешь. Мало ли что у тебя на уме... Ты же мент, тебе доверять нельзя.

— Зачем же тогда позвал меня за собой?

— А чтобы ментам жрать меньшее... Хотя голодными они не останутся. Лихопасов, Чухарик, падла, всю малину испортил, — озлобленно, сквозь зубы сказал Семен. — Под защиту свидетелей пошел. Так просто его не взять. Ну да ничего, что-нибудь придумаем...

— А меня, выходит, ты уже взял? — внутренне напрягся Павел.

Вот, значит, как оказалось. Он преследовал Бурыбина, но сам оказался в ловушке. Именно в ловушке. Родственная солидарность здесь ни при чем. Во-первых, он Юле не муж. А во-вторых, не прошел посвящения, как это было с Лихопасовым. Он опасен для Семена тем, что мог дать против него показания, обвинить его в угрозе убийством. Потому с него и не снимают наручники. Потому и везут на заклание... Двери в машине уже заблокированы — из салона не выбраться.

— Ну, добавили ментам немного, чтобы тебя ко мне в автозак упаковали...

— А если бы я за тобой не побежал?

— Ничего, что-нибудь придумали бы. Ведь за тобой же не так строго смотрят, как за Чухариком... Придумали бы что-нибудь с тобой. Заставили бы замолчать.

— А ничего, что я и без того молчал?

— Что, и ничего про наш сговор не сказал? Прото, что я улику против Чухарика подменил?

— Про это сказал.

— Ну, вот видишь... А палец к губам чего прикладывал, когда в автозак входил? Разговаривать со мной не хотел, чего это, а?

— Думал, меня туда отправили, чтобы нас прослушать. Чтобы меня к тебе в сообщники записать...

— А разве не записали?

— Почти... Хотели, чтобы я показания изменил. Была сделка — ты мне убийцу моей жены, а я тебе — улику. А Харчев хотел, чтобы ты мне смертью угрожал. Ты меня убить грозился, а я поэтому тебе на милость и сдался...

Павлу неприятно было все это говорить. Как будто он оправдывался перед бандитом. До чего же тошнотворное чувство...

— А ты? — заинтригованно спросил Семен.

— Отказался.

— Почему?

— Хватит с меня и того, что я предатель. А они хотят меня еще и трусом выставить. Как будто я тебя испугался.

— А ты не испугался? — ухмыльнулся Семен, вкручивая в Павла пытливый взгляд.

Никифоров ничего не сказал. Отвернулся от Бурыбина, устремил взгляд в боковое окно... Нет, не боится он Семена. И никогда не боялся. Но сказать ему об этом — не поверит. Еще и посмеется над ним вдобавок... Что хочет, то пусть и думает. А ему все равно. Умирать так умирать. Устал он от этой пустой никчемной жизни. Очень устал. Ему на небо нужно, к Лене, вымолить у нее прощение... Он очень нуждался в ней. А дочь Маша проживет и без него. У нее своя жизнь, и со Славой вроде бы все хорошо. Он уже с ней и о свадьбе заговорил...

Одно не давало покоя Павлу: страх перед неизвестностью. Что, если нет никакой загробной жизни? Что, если не ждет его Лена?.. Но все равно он готов был умереть прямо сейчас.

— Вот я тебя сейчас пристрелю, — услышал он голос Бурыбина.

И тут же в ухо ему уперлось что-то прохладное и железное. Похоже на ствол пистолета?

Павел вспомнил, как он впервые прыгал с самолета. Страшно было. А вдруг парашют не раскроется, и он со страшной силой ударится об землю, насмерть разобьется... Но все же он прыгнул. И сколько удовольствия он получил от полета!.

Ему и сейчас было страшно, но вместе с тем он почувствовал азартный интерес перед неизвестностью. Вдруг нет ничего прекрасней, чем переход в мир иной? Может, это гораздо лучше, чем парение в свободном полете? А если загробной жизни все-таки не существует, что ж, так тому и быть. Что здесь пусто, что там...

Семен взвел курок, и Павел закрыл глаза. И даже улыбнулся, представив, что случится чудо и он вот-вот окажется рядом с Леной...

— Ты что, псих? — спросил Бурыбин, убирая пистолет.

— Да пошел ты!

Какое-то время они ехали молча. Первым заговорил Семен:

— Да не собираюсь я тебя убивать. Мне Юлька этого никогда не простит.

— Она ничего не узнает, — разочарованно посмотрел на него Павел.

Он уже с жизнью простился, а тут такая незадача.

— Не узнает, так почувствует...

— А то, что ты бандитом стал, она это тебе уже простила? Ты же бандит, Семен. И убийца...

— Какой есть! — резко надвинувшись на Павла,

заорал Бурыбин. — Меня уже не переделаешь, понял?.. А будешь вонять, пристрелю как собаку!

— Не надо как собаку, — покачал головой Никифоров. — Застрелить можешь, только похорони, как человека...

Да, пожалуй, рано ему еще умирать. Ведь застрелит его сейчас Бурыбин, а труп закопает где-нибудь в лесу. А Павел хотел, чтобы его похоронили рядом с Леной...

— Заткнись, — успокаиваясь, буркнул Семен.

Машина заехала в гущу городского парка, где беглецов ждал другой джип, более новый и наверняка с настоящими номерами.

— Дальше я не поеду, — выходя из машины, заявил Павел.

Сейчас его убьют, но тело забирать с собой не станут, думал он, высчитывая ситуацию. Труп найдут, после всех процедур передадут Маше, а она, конечно же, знает, где нужно похоронить отца. Так что вопрос решится сам собой.

— Ну, не хочешь, не надо, — спокойно отреагировал на его заявление Семен.

И повернулся к нему спиной, чтобы идти к машине. Но вдруг, резко развернувшись к Павлу, изо всех сил ударил его кулаком в висок. И после яркой вспышки в сознании наступила полная тьма...

глава 21

Очнулся Павел в багажнике движущейся машины. Наручники, путы на ногах, во рту какая-то масляная тряпка. Голова напоминала сосуд с твердыми, но очень чувствительными стенками, внутри которого катались железные шарики. Тряская дорога раскачи-

вала машину, и этот сосуд в голове и шарики, казалось, с треском бились о сотканные из нервов стеки, причиняя Павлу неимоверную боль... И почему Семен его не убил?

Но вот машина остановилась. Было слышно, как люди выходят из нее, с улицы донеслись голоса, а потом вдруг все стихло. Казалось, о Павле забыли.

Прошло не меньше часа, прежде чем о Павле вспомнили. Открылась крышка багажника, и он увидел, как зевает, глядя на него, Ждан. Джинсовый костюм, пистолет-пулемет свисает с плеча.

— Жить хочешь? — небрежно спросил он.

Павел согласно кивнул.

— Тогда не рыпайся, понял!

Ждан достал нож, перерезал веревки на ногах у Павла, только затем вытащил кляп из рта.

— А наручники?

— Потом.

Павел огляделся. Небольшой деревянный дом, окруженный оградой. Бревна темные от времени, но стены ровные, и фундамент крепкий. Во дворе трава, на траве дрова, а у дров — братва. Два камуфлированных охранника с автоматами. Но не в дрова. Нельзя им пить, на службе они, покой Семена Бурыбина берегут...

Здесь же, во дворе, были сарай, курятник, будка, только кудахтанья не слышно и собака не гавкает. И еще ни одной соседской крыши за оградой не видать, зато на ветру качаются ели да сосны. Похоже, дом стоял особняком, где-то на опушке леса.

Две машины во дворе, но среди них не было старого джипа, на котором сбежал Семен. Да и сам Павел тоже.

— Потом суп с котом, — буркнул он.

Руки в наручниках затекли. Как бы гангрена не случилась от недостатка крови.

— Зачем с котом? — пожал плечами Ждан. — С тушенкой суп. У нас тут месяца на два запас.

— Что, так долго сидеть собираетесь?

— Нет, Семен здесь будет. А у меня дела: отцу надо помочь. Он сейчас всем рулит. Работы много. Может, поможешь? — с наивной надеждой в голосе спросил парень.

— А что, без меня не обойдется? — усмехнулся Павел.

— Обойдемся, конечно. Но сейчас нам каждый человек дорог... Ну, Семен так сказал...

— Это Семен. А сам-то ты что думаешь?

— Голова кругом идет, чтобы думать...

— Как же ты Семена смог вытянуть, если не думаешь?

— Почему не думаю? — оскорбленно нахмурился Ждан. — Думаю. И делаю. Пока все получается... И отец думает. Он все может и все знает... А ты давай в дом. Надоел ты мне, а Семен ждет...

Семен сидел в горнице за столом, на котором дымилась кастрюля с ароматным, пахнущим тушенкой варевом. Чем-то он напоминал крестьянина, вернувшегося в дом после сенокоса. Голова чуть наклонена вперед, но на шее сидит мощно, основательно, в глазах усталость, а на губах довольная улыбка, как у человека, исполнившего свой долг перед семьей. В комнате не было жарко, но лоб у Семена был мокрым, и лицо красное, как будто распаренное.

В соседней комнатке, за распахнутыми дверями, на старом продавленном диване сидели двое, с оружием. Судя по джойстикам в их руках и глупо вытянутым лицам, а также по взрывам и автоматным оче-

редям, доносившимся с их стороны, они вели бой на игровой приставке.

— Двери закройте, бараны! — чуть повернув к ним голову, небрежно бросил через плечо Семен и, обращая взгляд к Павлу, показал на свободный стул.

— Ужинать давай.

Он сам зачерпнул из кастрюли, чуть ли не до краев наполнив глубокую тарелку, даже подал Павлу хлебницу. Себе наливать суп не стал.

— А сам? — спросил Никифоров.

— Да я уже... Ну, может, чуть-чуть, — немного подумав, Семен снова взял в руки черпак.

Плеснул себе в тарелку остывающую гущу из давленого картофеля и тушеного мяса, взялся за ложку. Удивленно глянул на Павла, который по-прежнему держал руки на коленях.

— А ты чего?

— Наручники бы снять.

— А дергаться не будешь? — благодушно спросил Бурыбин.

— Нет.

— Слово даешь, что не сбежишь?

— Даю.

Семен поднялся, подошел к Павлу, достал из кармана ключ от своих наручников, им и разомкнул его браслеты, утопил их в своем кармане.

— Смотри, ты слово дал, — возвращаясь на свое место, напомнил он.

— Выпить нет ничего? — спросил Никифоров.

Набраться бы до полной невменяемости да завалиться спать. Неважно, где, хоть на завалинке во дворе, хоть в погребе, можно и на полу в доме, лишь бы только не видеть бандита и убийцу, что сидел перед ним.

— Обойдешься.

— А ты?

— У меня здоровый образ жизни, — мотнул головой Семен.

— А брата помянуть?

Павел хлебнул суп. Теплый, пересоленный, но наваристый и сытный.

— Помяну. Как только убийц его накажу, так сразу и помяну.

— Кто они?

— А догадайся без шпаргалки.

— Что, Паук от вас сбежал?

— От нас?!

— А разве не вы его из дома увезли?

— Что, Харчев об этом спрашивал?

— Нет. Но я-то знаю...

— Догадываешься.

— Ну да, догадываюсь...

— А теперь знай. Не сбежал он от нас. И знаешь почему? От нас не убежишь...

— Значит, нет его больше?

— Тебе какая разница? Ты в бегах, и ментом уже никогда не будешь... А вернешься к ним, тебе все равно под меня копать не дадут. Потому что ты наш, ты с нами. Я так Харчеву и сказал: наш ты.

— Зачем? — выпустив из рук ложку, резко спросил Павел.

— А потому что судьба у тебя такая, в одном с нами корыте плыть... А что тебе не нравится? Сейчас паучат передушим и снова заживем. Если отец взялся за дело, то все в лучшем виде сделает. И с Харчевым решим проблему, и с Лихопасовым. А то, что мы из-под конвоя сбежали, так это продажные менты убийством нам угрожали... Да, продажные менты. А что,

не продажные? Если бы своих не продавали, нас бы сейчас в «сизо» принимали... Ты не дуйся, это я не про тебя. Ты — мужик нормальный. Не знаю, как на счет денег, а на страх тебя не купишь. А то, что против своих пошел, так это потому, что за жену отомстить хотел... Ты за жену мстил. И за дочку ты свою тоже трепыхался. Это все потому, что семья тебе твоя дорога... И мне моя семья дорога. Я отца своего люблю. Мать, царствие ей небесное, люблю. Юльку, будь она неладна, люблю... А за братьев своих рвать всех буду!..

— Не мешай муку с цементом, — скептически скривил губы Павел. — У меня обычная семья, а гвоя — мафиозная. Мафия вы. Потому и бьют вас, что вы мафия...

— Обидеть хочешь? — скривился Семен. — А не выйдет. Да, мы мафия. Но в лучшем смысле этого слова. Мафия и семья — это, знаешь ли, одно и тоже... Потому и биться буду до последнего, потому что за честь семьи мщу. И Ждан со мной, если надо будет, костьми ляжет...

— Оба ляжете.

— Не дождешься. Вся эта шваль паучья у меня на ладони. Думаешь, я не знаю, кому лапы вырывать? Знаю. Завтра и начну... А потом этой сучке голову скручу, — прошипел Семен, злобно сжимая кулаки.

— Какой сучке?

— Узнаешь. Если доживешь... А тебе жить надо. И желательно с нами...

— Я сам по себе. Сам родился, сам и умру.

— Ну да, ну да, принципы. Хотел бы я посмотреть, как ты слово держишь.

— Какое слово?

— Ты мне слово сейчас дашь, что не сбежишь.

— А если не дам?

— Ну и зачем ты об этом спросил? — скривился Семен. — Любишь, когда тебе отвечают гадости?.. Даешь слово, что не сбежишь?

— Даю.

— Верю. А за то, что слово дал, держи конфетку.

Бурыбин нагнулся, поднял с пола и поставил на стол бутылку водки. Павел жадно посмотрел на нее.

— Обойдусь, — сглотнув слюну, мотнул он головой.

— Чего? Ты же уважаешь это дело.

— Потому и откажусь. Я не алкаш... И не надо меня покупать.

— Гордый ты, Паша. Уважаю, — кивнул Семен. — Потому и хочу делать с тобой дела. И не надо говорить, что ты предатель. Ты не предатель, просто семья для тебя важней... Это Лихопасов, падла, только за свою шкуру переживает. Потому Юля с тобой, а не с ним... И ты с ней. А значит, с нами. Она тоже — часть нашей семьи. И если она тебе дорога, то ты должен быть с нами. Потому что не будет нашей семьи, не будет и ее. Ты это понимаешь?

Павел молчал. Ему неприятен был этот разговор, но и возражать он не хотел. Как бы ни превозносил он Лену, Юля также была ему дорога. И он должен был ее защищать...

— Давай, брат, за нашу семью выпьем. Вместе.

Семен до краев наполнил два больших граненых стакана, со стуком поставил на пол пустую бутылку.

— Я тебе не брат, — мотнул головой Павел. — Но за Юлю выпью.

— И за Юлю, и за семью, — сказал Семен, глядя, как Павел глоток за глотком осушает свой стакан. — За семью!

Морщась, со слезами на глазах он сделал то же самое.

— Ох, зараза!..

— Сам виноват, — хмуро посмотрел на него Павел. — Зачем так много налил?

— А сколько чувств у меня, столько и налил. Чувств у меня много... Одного брата убили, другого ранили... Скажи мне, где справедливость?

Павел мог бы сказать, что как раз в том и заключена справедливость, что Стасу и Льву Бурыбиным воздалось по заслугам. Но ему не хотелось больше толочь воду в ступе. Ему бы выпить и спать, ни о чем не думая...

— Молчишь?.. — соловеющим взглядом исподлобья посмотрел на него Семен. — Не знаешь, где справедливость. А я знаю. Она есть, эта справедливость. Только ее найти надо. Завтра хочу поехать... И тебя бы хотел с собой взять. Чтобы ты на равных с нами.

Не хотел Павел быть равноправным членом семьи Бурыбинах, но и говорить об этом Семену не стал. Если в ответ на непристойное предложение девушка часто повторяет слово «нет», со стороны можно показаться, что она ломается. Он не женщина и уподобляться ей не хочет. Сказал один раз «нет», на этом все. И Семен должен это понять, чтобы не быть похожим на старую деву, вешающуюся на шею приглянувшемуся мужчине.

— Не хочешь говорить... — скривился Бурыбин. — А выпить?

Павел снова промолчал, но Семен решил все без него. И выставил на стол еще одну бутылку. Снова наполнил стакан. Но после того, как Павел справился со своим, пить отказался.

— У меня подъем завтра утром. На связи нужно

быть. Может, помочь моя потребуется. Поэтому я завтра свежим огурцом должен быть. Позовут меня — поеду. А ты здесь будешь вялиться...

— Где конкретно?

Павел стремительно пьянел, и его уже клонило в сон.

— На печи... Хочешь, натопим?

— Нет, лучше баньку натопить.

— Нет здесь баньки. Только душ... Хочешь?

В летний душ Павел побрел без наручников. Но выставленный во дворе часовой не выпускал из виду дощатую кабинку с железным баком вместо крыши.

И когда он забрался в широкую, но узкую нишу между потолком и перекрышой русской печи, никто не попытался надеть на него наручники. Он лег прямо на доски, уложил голову на руку и, не обращая внимания на канонаду в телевизоре, почти мгновенно заснул.

И проснулся он под шум выстрелов. Но это была настоящая стрельба. Одна пуля закрутила воздух над самой его головой и выбила щепу из потолочной балки.

Стукнувшись головой о потолок, Павел соскочил с печи и наткнулся на лежащего парня в камуфляжной куртке. Глаза у него были безжизненно закрыты, а под голову на пол натекала темная липкая гуща. Рядом лежал автомат.

Он нагнулся, взял оружие, но кто-то вдруг налетел на него, с силой схватил за ворот куртки, утянул за собой в сени. Это был Семен, но понял это Павел, когда уже лежал на полу. В горнице грянул взрыв, содрогнулись стены, в ушах зазвенело, с потолка посыпался мусор, а из дверного проема в сени повалил едкий тротиловый дым.

— Граната, б..! — заорал Семен. — Сейчас в говно смешают!

— Кто? — поднимаясь, спросил Павел.

У него был автомат, но он не знал, в кого стрелять. Как не знал, стоило это делать или нет. Понимал только, что их атаковали, но кто? Может, бандиты. А может, спецназ. Против кого воевать?..

Дверь в сени вдруг распахнулась, и в робком утреннем свете, смешанном с дымом, Павел увидел чью-то руку. Она мелькнула и мгновенно скрылась за рамой дверного проема. А на него, поднявшись к самому потолку, по навесной траектории полетел темный комочек. Прямо в него. Медленно, неотвратимо... Если это граната, то выбор у него был небольшой. Или поймать ее, отбросив назад, или умереть...

Но что-то не хотелось ему лежать в гробу с изуродованным после взрыва лицом, если не с оторванной головой. Да и не факт, что в гробу его зароют. Как бы не сбросили куда-нибудь в карьер на съедение стервятникам... Нет, не нужна ему такая смерть. Потому и машет ему рукой Лена, мотает головой. «Нет!» — откуда-то из глубин сознания доносится ее голос...

Нет, он не сходит с ума. Он соображает. И гораздо быстрей, чем летит граната. А она летит очень медленно. Это мог быть обман восприятия. Но если она запаздывает в реальном времени, то дело дрянь. Через секунду-две грянет взрыв, и тогда все...

Граната совсем рядом, ее можно поймать. Но делать этого нельзя. Павел понимал, что не успеет выбросить ее обратно. Но шанс у него был. Дверь в горницу раскрыта, и если перенаправить гранату туда... Лишь бы не промазать.

Нет, все в порядке. Он даже не почувствовал, как холодный металлический комок соприкоснулся с его

ладонью, но зато увидел, как он влетел в распахнутую дверь. Он упал сам и прижал к полу голову Семена. В то же мгновение с громовым грохотом хлопнул взрыв. Снова содрогнулись стены, снова с потолка что-то посыпалось. И уши еще больше заложило, и дыму добавилось. Тут же в дверном проеме со двора появился силуэт человека. Видимо, он решил, что граната накрыла цель, и решил заполировать успех автоматным огнем. Но Павел первым нажал на спусковой крючок...

Противник упал. И Павлу было уже все равно, кто перед ним — спецназ или бандиты. Его пытаются убить, и он не должен сдаваться. А в его случае оборона — это смерть. Если он останется в доме, за первыми двумя гранатами последуют другие, а он вовсе не теннисист, чтобы раз за разом отбивать эти смертельные комочки.

Он был уже у двери, когда с другой ее стороны перед ним возник человек. Он был в камуфлированной куртке и джинсах. Точно, не спецназ... Но об этом Павел подумал уже после того, как снова нажал на спусковой крючок. Он успел опередить противника, и это спасло ему жизнь.

Он вышел из дома и снова увидел врага. На него бежал двухметрового роста, массивного телосложения мужчина с безумными глазами и окровавленным лицом. Он орал, как буйнопомешанный, и стрелял на ходу сразу из двух пистолетов. Но ему явно не хватало точности, зато Павел в свое время был лучшим стрелком полка. И еще есть патроны в магазине...

Мужчина грузно упал на живот, шлепнув руками по траве. Но Павел на него не смотрел. Он выискивал взглядом очередного врага. Но вокруг никого не было. И никто больше не стрелял...

Тихо вокруг. Только слышно как в ушах звенит после взрыва. И слезы из глаз текут. От едкого дыма.

Ворота закрыты, калитка в них тоже. На траве у завалинки неподвижно лежит человек, чуть дальше еще один. Похоже, оба покойники. За машиной, головой упершись в землю, на коленях стоял и стонал от боли парень в темной куртке. Он руками держался за простреленный живот, автомат валялся неподалеку, но ему сейчас не до него. А зря. К нему широким шагом приближался Семен.

Бурыбин толкнул парня ногой в бок, опрокинул на спину, окатил свирепым взглядом, вытянул руку с пистолетом и два раза нажал на спусковой крючок.

Семен огляделся и, как будто не замечая Павла, полез в джип. Машина заметно пострадала: боковые окна разбиты, в кузове виднелись пулевые отверстия, одно колесо спущено. Зато лобовое стекло целое, и мотор завелся с полоборота. Семен выбрался из машины, быстрым шагом направился к воротам. Павел стоял неподвижно, наблюдая, как занимается пламенем изба. Пожар уже не потушить. Да и какой в этом смысл? Убираться отсюда надо, пока новая волна не накатила. Тем более ворота уже открыты. И автомобиль почти на ходу.

— Ну, чего стоишь? — возвращаясь к джипу, рыкнул Семен. — Давай в машину!

— А колесо? — без особого рвения спросил Павел.

— На пустом поедем. Давай, давай, пока не наехали.

Семен сел за руль, Павел занял место сзади. Отомкнул магазин, стал выщелкивать из него патроны. Раз, два, три... На этом все и закончилось. Что называется, раз, два и обчелся.

Можно было выйти из машины, подобрать лежа-

щий в траве автомат. Или у покойника запасной магазин одолжить. Но лень шевелиться, и тоска смертная на душе. Зачем стрелял, спрашивается? Зачем убивал? Взял грех на душу. Как теперь его искупить? Как в рай к Лене попасть?.. Уж лучше бы его гранатой на части разорвало.

Семен включил автоматическую подкачку колес, и машина стала приподниматься. Не дожидаясь, когда давление поднимется до нужной отметки, тронул машину с места, стремительно набирая ход, выехал со двора. Но по дороге, которая тянулась от дома в сторону видневшейся за оврагом деревеньки, он ехать не стал. Свернул с нее в сторону леса, по бездорожью выбрался на заросшую травой и кустарником просеку, ведущую в самую гущу сосновки. Достал телефон, набрал номер.

— Ждан, как там у тебя? Говорить можешь?.. Проблема у нас. Быки наехали, всех наших положили. Еле ушел... И Паша со мной. Наш человек... Нет, сейчас нормально все. Но кто-то навел этих уродов... Да надо бы разобраться. И разберемся... Да?! — просяил Бурыбин. — Уже разобрались? Ну, нет худа без добра. В зуб за зуб — это круто. Молоток... Что там у вас осталось?.. Ага, ага... Где?.. Откуда информация?.. Отлично, отлично. Может, я сам?.. Осторожно, конечно... С тобой?.. Ну, можно и с тобой... Да. Люди мне нужны. И машина. Эта вся побита, менты сразу спалят... Ферму помнишь? У Тарасовки. Там сарай для сена, большой такой... Ну да, где гадюку поймали... Туда подъезжай. Там тебя ждать буду...

Семен отключил телефон, сунул его в карман. И какое-то время ехал молча, улыбаясь самому себе.

— Это агония была, — наконец заговорил он. — Паучата в агонии бьются. Отец к ногтю их прижал...

Я тебе говорю, если отец взялся за дело, то всем кирдык.

— Агония не агония, а мы могли бы в ящик сыграть.

— Вот я и говорю, будь на твоем месте Чухарик, гореть нам синим пламенем. В ад...

— Тебе, может, и в аду.

— А тебе что, в раю?

— Может быть. Если бы не убивал...

— Нашел, о чём жалеть! Это быдло паучье... У них все было, сила, внезапность. И что? Облажались. Как последние... Мы — первые, а они последние. Бурыбиных голыми руками не взять! Зато мы любого сделаем...

— Это все слова.

— Я же тебе сказал, отец со всеми разобрался! — рассвирепел Семен. — И не надо мне тут каркать!

Он выехал на разбитую узкую дорогу, все дальше углубляясь в лес.

— И куда мы едем? — спросил Павел.

— Уже приехали!

Семен так резко ударил по тормозам, что Павла едва не впечатало в лобовое стекло. И автомат, скользнув с колен, упал под ноги. Он попытался его поднять, но в шею вдруг уперся ствол пистолета.

— Все, мент, приехали! — взбешенно заорал Семен. — Молись!

Но времени на молитву он ему не дал. Сразу же нажал на спусковой крючок. Сухо щелкнула собачка спускового крючка.

— Все, ты убит, мент! — убрав пистолет, нервно хохотнул Семен.

Павел резко поднял с полу автомат, направил ствол на Бурыбина. Но тот даже бровью не повел.

— Тогда почему я живой, если убит?

— Ты живой, а мент в тебе мертвый... Все, Паша, забудь, что ты ментом когда-то был. Сейчас ты такой же беглый уголовник, как и я. И кровь на тебе... Ты троих, Паша, убил. Троих! И ты сам знаешь, что ментов не будет колыхать, по какой причине ты их сделал. Защищался ты там, нападал — им по барабану. Они же не террористы арабские. Они обычные люди. Жены у них, дети. И закон их, сам понимаешь, защищает. Никто тебе, Паша, спасибо за это дело не скажет. А я скажу. И семья наша скажет... Ты наш, Паша, наш. Хочешь ты этого или нет, а наш ты. А ты должен этого хотеть. Потому что выбора у тебя нет. Только мы можем тебя из дерьяма вытащить. Паучат уже, считай, добили. Осталось там кое с кем разобраться, но это не за горами... Потом на дно с тобой ляжем. А там и с Лихопасовым разберутся. С тебя обвинение снимут, с меня... Нормально жить будешь. Мы уже рынки свои охраняем, а скоро весь город под себя возьмем. Паука нет, а свято место пусто не бывает. Теперь мы его «Гарантом» заправлять будем, теперь нам все за охрану платить будут. А тебя, Паша, на «Гарант» поставим. Будешь там рулить. Деньги будут, особняк себе построишь, с Юлькой там будешь жить. А то не дело, Паша, от нее зависеть. Да, Паша?

Павел молча кивнул. Он действительно не хотел зависеть от Юли... Но предложение семьи он не примет. Потому что не хочет уподобляться тому же Семену, чьи руки по локоть в крови. Но говорить он об этом не стал. И Бурыбин решил, что он согласился с ним... Ладно, пусть что хочет, то и думает.

Семен продолжил путь по лесной колее, затем выехал на проселок, тянувшийся через поля.

— Я эти места наизусть знаю, — сказал он. —

В Тарасовке бабушка наша жила, царствие ей небесное. Мы к ней каждое лето ездили...

Разгоняемый машиной воздух упругими лапами врывался в салон через разбитые окна, шумел в ушах, но Семен говорил громко, и ветер не мог заглушить его голос. Да и Павел слушал его внимательно. Может, Бурыбины и преступники, но что ни говори, а семья у них уникальная. И ему интересно было слушать истории из семейного архива...

Семен рассказывал, как они с братьями дрались с местными пацанами, как потом дружили с ними, как потом вместе нагоняли страх на округу. Оказалось, для Бурыбинах уже в детстве главным критерием их силы стал страх, который они могли внушить окружающим.

— А дед с бабушкой не жил, — продолжал Семен. — Он с ней разошелся, на хуторе жил... Это его дом сегодня сожгли...

— А сам дед где?

— Умер. Лет пять уже назад. А дом остался.

— И ты там решил спрятаться?

— А почему нет?

— Нельзя у родственников прятаться, это закон.

Об этом доме и в милиции могли узнать...

— Нет. Этот дом ни по каким документам не проходит. Мы даже наследство не могли оформить. Да мы, в общем, не пытались. Лера правильно рассудила: кто его возьмет, если он под нашей крышей?.. Лера. Сука, — сквозь зубы процедил Семен. — Ну, конечно, кто ж еще это мог сделать! Она, тварь, знала про этот дом!.. Ну, я баран!..

— Лера — жена Стаса? — спросил Павел.

— Хорошо, что ты в курсе... Плохо, что я про нее не подумал. Я же знал, что это она Стаса траванула.

Знал же. Ну почему же тогда к деду сунулся? Почему?.. И почему Стас не задушил эту гадюку?

— Это ты у меня спрашиваешь или у себя?

— У себя... Потому что проглядели тварь... Она семью предала. Азики ее купили, дезу ей скормили, ну, вроде Паук против нас пошел. Купили ее, а купились мы... Мы ее на чистую воду вывели, осталось только утопить. А у Стаса любовь. Он ей все простил. Азики с ней в два ствола, а он ее простил. Такая вот любовь... Она ему клялась, что будет верной до гроба. Он ее сначала в подвале на цепи держал, как бешенную суку. А потом в дом взял... Мы ее из семьи вычеркнули, но Стасу все равно было. Знал бы он, чем ему его доброта обернется... Лерка его траванула. Стопудово она, больше некому. Потому и слиняла... Одного только не пойму — она же на азиков работала. Почему с паучатами тогда связалась? Может, азики с паучатами снюхались?.. А через кого? Диму-то мы того...

— Это ты о чем?

— Да так, тихо сам с собою... Лерка, тварь, дедов дом сдала, а себя не уберегла. Братишку родной ее сдал. Дом у их дальних родственников тут недалеко, там она. Информация проверенная... Так-то вот, Паша, никому верить нельзя. Лерка среди наших баб самая крутая была, и что? Скурвилась...

— И ты после этого собираешься верить мне? — усмехнулся Павел.

— А представь себе, верю...

Но вера его оказалась непрочной. Павел убедился в этом в тот же день.

Они проехали мимо Тарасовки, маленькой деревушки на берегу реки, свернули к заброшенной ферме, через заросли бурьяна на машине прорвались к

большому покосившемуся сараю, где когда-то хранилось сено. Спустя время к ним подъехали две машины с вооруженными людьми, которых привел за собой Ждан.

Братья долго говорили между собой о чем-то на мажорных тонах, ликующие улыбались. Рядом с ними вертелся чернявый паренек, не атлетического сложения, но резкий, жилистый. Насколько понял Павел, это был шурин Семена, брат его жены. Судя по всему, он был посвященным членом семьи Бурыбина, поэтому ему позволялось участвовать в важном разговоре. А Павел мог наблюдать за братьями только со стороны. Потому что ему не доверяли.

А потом был долгий путь по Самарскому шоссе, поворот на проселочную дорогу, большое село с многокупольной церковью, деревенька за ним, бревенчатый домик на отшибе. Семен не стал открывать дряхлую калитку, он просто ударил по ней ногой и вышиб ее с первого раза. Вслед за ним в дом устремились Ждан и шурин. Павла же оставили в машине. Он не должен был становиться свидетелем расправы, которую Семен собирался устроить над своей невесткой. К делам семейным Павла не допускали.

глава 22

Казалось, Лера не понимала, что происходит. Видимо, она настолько была уверена в своей безопасности, что появление Семена стало для нее полной неожиданностью. Растрепанная, ненакрашенная, пьяная... От нее тянуло перегаром, но ствол пистолета, направленный на нее, казалось, уже втянул в себя весь ее хмель.

— Что, совесть гложет? — презрительно скривил-

ся Семен, кивком головы показав на бутылку, стоявшую на столе. — В стакане хочешь ее утопить?.. Что ж, я тебе помогу. Закопаем, тварь, твою совесть. Вместе с тобой... Зачем Стаса отравила?

— Это не я! — в ужасе мотнула головой Лера.

— Ты, наверное, не знаешь, что в землю закапывают только облегченную совесть. А если совесть не облегчить, ее приходится сжигать. Знаешь, почему ведьм на костре сжигали? Потому что совесть у них неочищенная... Вот и тебя придется сжечь. Огонь, говорят, очень хорошо совесть очищает... Степок!

Семен глянул на двоюродного брата своей жены, и тот ловкой подсечкой сбил Леру с ног. После чего так же ловко связал ее...

За последние два дня Степок высоко поднялся по семейной лестнице. Был просто сочувствующим, но в непростой для Семьи ситуации принял предложение отца и вместе с братом Леры отработал сразу двух пачуков — так Семен называл членов команды почившего Паука. И сделано это было вполне грамотно — один деятель вывалился из окна, другой застрелился...

Напрасно наследники Паука думали, что смогут справиться с Семьей. Сокрушающий удар они продумали грамотно, подготовить его смогли втайне от Семена и нанесли очень удачно. Но не учли они, что Семья все про них знала. И все цели были заранее распределены. И сил на ответный удар хватило. Поэтому и нет больше паучьего гнезда. Вчера ночью Ждан со своей командой уничтожил Илью Денисова, главного преемника Паука. И до этого было много сделано. Сейчас оставалось только зачистить всякую мелочь вроде Леры...

Ждан облил связанное тело бензином... А ведь ко-

гда-то был без ума от своей невестки. Считал ее самой лучшей девушкой на свете. Потому и не женился до сих пор, что всех своих подруг сравнивал с Лерой, и ни одна из них не подошла под этот эталон... Но все, эта дрянь уже морально умерла для него. Сдохла, как бешеная собака, недостойная доброго слова на вечную память. Осталось только раздавить ее физически.

— Ну что, хочешь узнать, что такое ад? — откинув крышку зажигалки, спросил Семен.

В комнате остро пахло бензином, но его это совсем не смущало. В этих запахах он чувствовал себя так же естественно, как сатана — в клубах серного дыма.

— Не-ет! — запаниковала Лера.

— Тогда покайся. Может, в рай попадешь. Там, говорят, на сегодня еще остались вакантные места. Так что поспеши, пока не заняли... Зачем Стаса убила?

— Я... Я не хотела... Они сказали, что поговорить с ним хотят. Капли дали... Сказали, чтобы я его усыпила. Я ему в чай накапала, а он не засыпает... Я должна была его к ним привезти, а он не заснул... А через два дня умер...

— Ты идиотка?

— Да, наверное.

— Кто тебе дал капли?

— Ну, те же, что и раньше... Вадим, Радик... Вы же их не нашли, а они снова появились...

Семен сумрачно посмотрел на Ждана.

— Как же мы могли прозевать этот момент?

— Момент, — кивнул он.

— За всем не уследишь, — тихонько сказал Степок.

— Жизнь по морде бьет — учит. Впредь умней будем... Только Стаса уже не вернешь. Не вернешь! — взбесился Семен.

Он набросился на связанныю Леру и бил ее до тех пор, пока не выбился из сил. Будь на ее месте мужчина, он бы, возможно, уже испустил дух, настолько мощными были удары. Но Лера даже не потеряла сознание.

— Из-за тебя, тварь, мы осиротели. Как нам теперь без Стаса?

— Я не хотела, — затравленно глядя на него, мышкой пропищала она.

— Хотела ты все... Я знаю, ты хотела Северным рынком рулить. А не вышло. Потому что моя жена там встала. А Центральный рынок ты бы точно не потянула. Там дядя Костя рулит... А зачем тебе это? Ты жена Стаса — он был круче всех нас, он бы после отца встал... Почему ты такая жадная?

— Я не жадная... Меня подставили...

— Подставили? Да ты сама в позу встала! Как та проститутка, которая сама рада подставиться. Да ты и есть проститутка... И ведьма ты... Сжечь тебя надо. И сожжем.

— Ну, не надо! Прошу тебя!..

— Ты про дедов дом рассказала?

— Да, я.

— Кому?

— Радику.

— Ты как его больше любила, спереди или сзади?.. Мразь! Почему ты ему про дом рассказала?

— Потому что он спрашивал.

— Когда?

— Вчера вечером звонил.

— Что-то я не пойму, он же вроде бы на азиков работал?

— Да, на них... Он и сейчас на них работает. А те с Пауком сейчас...

— Объединились, значит. Ну, ничего, мы и с азиками разберемся... Радик тебе на мобильный звонил?

— Да.

— Ты можешь с ним связаться?

— Не знаю, наверное...

— Сейчас позвонишь ему и скажешь, что очень-очень по нему соскучилась. Типа пьяная, типа сильно чешется... Ты же любишь, когда он спереди. И он любит... Давай, звони... И смотри, без глупостей. А то ведь голую в деревню выпустим. Подожжем и выпустим. Хочешь?

— Нет.

— Тогда будь умницей.

Степок высвободил ей одну руку, а Ждан подал телефон.

Это был шанс поквитаться с убийцами брата. И Семен готов был ждать Радика и Вадима в этом доме сколько угодно, лишь бы дождаться их. Но ему, как оказалось, повезло вдвойне. Мало того, что Радик ответил на звонок, он еще, как выяснилось, был уже в пути. Вместе со своим дружком ехал к Лере на огонек. Сказал, что соскучился. Но у Семена было и другое предположение, и даже не одно. Возможно, ребята поняли, что их покровители накрылись песцовой шубой. Поэтому решили спрятаться у Леры. А одно сделать так, чтобы та навсегда забыла о них; пулья, как известно, лучший для этого инструмент.

— Убить они тебя хотят, — сказал Семен. — Полюбить и убить... Но я им помогу. Надо же иногда помогать своим врагам...

Он выстрелил ей в голову. Жалея о том, что не сделал это тогда, когда Стас был еще жив.

Облитый бензином труп сбросили в погреб. Машину убрали подальше от дома вместе с Никифоровым. В доме устроили засаду, в которую спустя пару часов пожаловали Вадим и Радик.

Семен избил сначала в кровь одного, потом другого. Ждан стал задавать им вопросы, ответы на которые мало кого волновали. Они признались, что работали на азиков, конкретно на Сафара, потом им предложили поработать на Денисова. Лера здорово им помогла, но Семен это знал и без них. Еще выяснилось, что Вадима на самом деле звали Сергеем, а Радика — Иваном. Но это, разумеется, не могло спасти их от смерти.

Одного застрелил Семен, другого задушил Ждан. А потом из погреба был вытащен труп Леры. Ее развязали, раздели, уложили на кровать, рядом с ней бросили Вадима-Сергея, с которого также сняли одежду. Семен тщательно протер свой пистолет, даже про патроны не забыл, чтобы на них не остались отпечатки его пальцев. Пистолет вложили в руку покойного Радика-Ивана, после чего бросили на пол. А труп за шею подвесили к потолку. Сюжет складывался простой — жили-были два парня и одна девушка. Она спала с одним, а другой застрелил обоих, после чего влез в петлю...

Дом полили бензином изнутри, затем снаружи. Но Семен не торопился его поджигать. Он стоял спиной к дому, и ветер дул ему в лицо. Этот ветер и навеял ему интересную мысль.

Ветер дул на дом и уносил прочь запах бензина. Может, Никифоров и не поймет, что изба обречена...

Вскоре подъехала машина, в которой находился

Павел. Семен позвал его к себе. Тот откликнулся сразу, но подошел к нему неторопливо, с чувством собственного достоинства.

Никуда не делась его внутренняя сила, которая чувствовалась сразу, с первого взгляда. Семен помнил, как впервые встретился с ним. Он разговаривал с Лихопасовым в его кабинете, когда появился Никифоров. Уже тогда его впечатлила мощная мужская энергетика Павла... Уже тогда он захотел подчинить себе этого человека. Нет, не на правах раба подчинить, а как своего партнера. Пусть и неравноправного, но партнера. А потом на горизонте замаячила возможность принять Павла в члены Семьи. И Семен такую перспективу рассматривал всерьез. Во-первых, Семье нужен был такой человек. А во-вторых, он так и не отказался от своей идеи доминировать над Никифоровым. И даже не стал его убивать, хотя не мешало бы. Как-никак, Никифоров мог усугубить его вину своими показаниями на следствии, ну и в суде...

— Молодец, Паша, держи слово, — широко улыбнулся Семен. — А мог бы и деру дать, пока в машине сидел.

— Так смотрели за мной, — словно бы нехотя ответил Никифоров.

— Кто? Две хромые водилы? Ты меня насмешил.

— Не знаю, не видел, чтобы они хромали. Да и стволы у них... Что здесь такое было? — сначала Павел кивнул на дом, а затем на темно-серую «Мазду», на которой приехали Вадим и Радик.

— Да так, гости у Леры.

— И где они?

— В хате. Водку кушают... И мы сейчас поедем водку кушать. Или не хочешь?

Никифоров любил выпить. Но не потому, что ал-

коголик. Семен знал, чувствовал, что у него большие проблемы в личной жизни. Проблемы, которые не смогла решить Юля. Пока не смогла... Маётся он, страдает, потому и тянется к водке. Ничего, Семен выбьет из него эту дурь. Нагрузит его работой, в спортзал затащит... Все нормально будет. Надо только со своими проблемами сначала разобраться.

— Нарочно дразнишь? — неприязненно сощурился Павел.

Он полез в карман куртки за сигаретами, закурил. Этого и ждал Семен. Сигарета у него в правой руке, в ту же сторону он ее и бросит. Не сейчас, чуть позже.

— Да нет. Просто самому вдруг выпить захотелось. Столько дел сделано. И еще сколько надо сделать.

— Сколько?

— Может, много, может, мало. С Лихопасовым надо проблему решить. И с РУБОПом.

— Мне бы не хотелось знать, как ты будешь решать эту проблему, — поморшился Никифоров.

Он курил быстро, нервно. Что ж, короче будет разговор.

— Да?! Тебя это не касается? А мне кажется, касается. Не только я один в бегах...

— Я могу и вернуться.

— Не вернешься, — покачал головой Семен. — Ты уже наш. И сам это понимаешь.

Павел поджал губы. Хоть и с горечью, но все же он осознавал, что это действительно так.

— Да пошел ты!

Он с чувством бросил горящую сигарету на землю, как раз туда, где был разлит бензин.

Павел повернулся к дому спиной, чтобы идти к машине, но хлопок вспыхнувшего бензина остановил

его. Он оглянулся и увидел, как потянулась к избе дымчатая змейка.

— Ой! — манерно хлопнул в ладоши Семен, когда язык пламени лизнул сухие бревна, через открытое окно влез в дом, превращаясь там в красно-желтые клубы пламени.

Павел дернулся, шагнул в сторону дома, но вырвавшийся из окна огненный джинн пыхнул жаром в его лицо. Да и Семен крепко схватил его за руку.

Степок не жалел бензина, почти весь бак «Мазды» опустошил вдобавок к той канистре, которую принес из джипа. Поэтому пожар очень быстро обрел ураганную силу. Возле дома уже невозможно было стоять. И еще казалось, что сама изба вот-вот взлетит на воздух...

— Ты уже там никого не спасешь, — мотнул головой Семен. — Пошли!

Он потянул Павла к машине, и тот покорно пошел за ним.

В джипе тихонько работал двигатель и шелестел кондиционер.

— Поехали! — захлопнув дверь, велел водителю Семен.

Павел сидел рядом и потрясенно смотрел на пылающий дом. Машина отъезжала, а он смотрел, выкручивая шею.

— Кто там был? — спросил он, глянув на Семена.

— Лера.

— Еще кто?

— Ее друзья. Такие же уроды... Из-за них умер мой брат. А ты воздал им по заслугам. Все-таки есть на этом свете справедливость.

— Ты нарочно разлил бензин?

— Нет.

— Врешь!

Казалось, Павел вот-вот набросится на него с кулаками. Сила в нем есть, можно и под пресс попасть. Но Семен смотрел на него невозмутимо, вкладывая во взгляд сдерживающую силу. И Никифоров начал успокаиваться.

— Нет, не вру.

— Они были живые?

— Не совсем.

— Что значит, не совсем?

— Побили их крепко. До полусмерти. А ты их сжег.

Машины ехали по деревенской улице, люди с подозрением смотрели на них. Некоторые уже обращали свои взгляды к черному столбу дыма, поднимающемуся в небо. В деревне начинался переполох. Но Семена это не волновало. Вряд ли в этой деревне найдется человек, который захочет подтвердить, что видел два джипа, отъезжающих от горящего дома... Может, кто-то из деревенских видел, как избу обливали бензином, как Павел бросал сигарету. Если так, то у следствия будут показания, но страх заставит свидетелей отказаться от них. Страх, который создаст Семен. Возможно, придется пристрелить кого-нибудь из местных жителей. Но ведь это во славу Семьи...

— Ты меня подставил?

— Нет, я тебя еще крепче привязал. К нашей семье. А ты что, против?

— А как ты сам думаешь?

— Я думаю, что тебе надо расслабиться. И думать о будущем. А твое будущее — это мы.

— Мне надоело это слушать.

— А мне надоело это объяснять...

Семен замолчал. Действительно, чего он заладил, как попугай. Никифоров не дурак, и он и сам прекрасно понимает, что деваться ему некуда...

глава 23

Щелкнул замок, открылась дверь, послышался шальной девичий смех. Семен представлял, как разгоряченный прапорщик обнимает за талию распутную красавицу, предвкушая лучшую ночь в своей жизни. И невдомек ему, что эта роскошная развратница — всего лишь миф, который вот-вот растает в полусумраке гостиной.

Парочка зашла в комнату, и на этом сказка для надзирателя и закончилась. Прапорщик увидел сидящего в кресле человека, а в тыл к нему беззвучно вышел Ждан, приставил к затылку пистолет. Девушка даже не пискнула. Она прекрасно знала свою роль, поэтому поспешила исчезнуть.

— Ну, здравствуй, товарищ Угримов, — небрежно бросил Семен.

— А-а, вы кто такие? — в смятении пробормотал надзиратель, худощавый мужчина средних лет, с усами, похожими на щетку для мытья бутылок.

— Мы — твоя судьба, Угримов.

Семен наслаждался растерянностью прапорщика. Он в бегах, его ищет и РУБОП, и ГУИН, а он здесь, в центре города. Вроде бы должен находиться в следственном изоляторе за решеткой и бояться надзирателя. Ах нет, тюремщик сам трястется от страха.

— Как же так, Угримов, жена у тебя, трое детей, а ты с блядями развлекаешься. Нехорошо. Надо бы в жилсовет сообщить, чтобы тебе, гаду, на вид поставили.

— Вы... Вы не за этим пришли...

— Догадливый ты, Угримов. Или меня узнал?

— Нет... А должен узнать... Ну да, ну да, что-то знакомое...

— Я тебе не что-то, прапор, — скривился Семен. — Я — Бурыбин. И пришел к тебе потому, что ничего не боюсь. Не я тебя боюсь, а ты меня должен бояться. Знаешь, почему?

— Вы... Ты людей убиваешь...

— И тебя убить мне ничего не стоит. И тебя, и жену твою, и детей... А может, и не буду тебя убивать. Жену твою сделаю, детей, а ты потом мучайся...

— З-зачем?.. Что тебе нужно? — с бессильной ненавистью посмотрел на Семена тюремщик.

— Поговорить с тобой хотел. Чтобы ты знал, насколько хрупок этот мир. Вроде бы живешь, живешь, а потом раз — и ты уже кусок мертвый плоти. Лежишь себя в морге с бирочкой на пальце. А ведь можно лежать в шезлонге, под пальмой, жена рядом, дети в песочке ковыряются... Я видел твою жену, Угримов. Ну, немолодая, но так — ничего себе. Лицо подтянуть, кожу омолодить, грудь силикончиком немножко заправить, и никаких шлюх не нужно. Понимаю, с деньгами напряженка. Но мы тебе заплатим. Очень хорошо заплатим. И паспорт тебе заграничный сделаем, и визу откроем, и билет купим... Все у тебя будет, Угримов. Если, конечно, поможешь нам. А если нет, я тебе лично бирку на палец надену. Ты меня понимаешь?

— А-а... что нужно сделать?

— Родина ждет от тебя благородных дел.

— Не понял.

— Ты должен свершить правосудие. Расправиться с убийцей. С человеком, который оставил двоих детей без отца. Меня интересует Лихопасов Эдуард Михайлович. Он у вас на спецу сидит...

— Да, я знаю, — надзиратель, казалось, сейчас расплачется от отчаяния.

— Потому я к тебе и обращаюсь, что ты знаешь.

Потому ты и можешь его убить, что имеешь к нему доступ.

— Но там ведь такая охрана...

— Какая такая? Ты сам — часть этой охраны.

— Да я всего лишь контролер. А там спецназ дежурит — наш гуиновский, два человека на смене. Мы за ними смотрим, они за нами, чтобы ничего такого...

— У него деньги есть?

— Что?! Деньги?! Ну, есть вроде.

— Он что-нибудь покупает? Ну, пожрать там, выпить?

— Да, но вполне официально. Он как бы заключенный, но с правами. Там у него и телевизор в камере, кондиционер, и даже ковер на полу, чтобы ноги зимой не мерзли. И кормят его из офицерской кухни. А если колбасы там захочется, сыра, — это из нашего ларька. Ему даже водку пить разрешают.

— А кто это ему все приносит?

— Ну, я, бывает, хожу. Костя может сходить, он из моей смены...

— Костя твой пусть под себя ходит. А ты стой ровно. И водку покупать не надо. Деньги у Эдика возьмешь, а водку ему нашу дашь. Мы ее у Кашпировского зарядим, чтобы лучше усваивалась...

— Вы что, ее отравите?

— Да тебе не все равно? Твое дело Эдика напоить. И деньги получить...

— Н-не нужны мне деньги... — затрясся прaporщик. — Меня же посадят, если узнают... А узнают. Там очень строго...

— Не посадят. Он долго подыхать будет, ты к этому времени уже за границей будешь. Вместе с семьей... На Балканы езжай, там к русским хорошо относятся, и дом на берегу моря можно купить. И еще на

ресторанчик останется... Ты же знаешь, кто я такой. И должен понимать, как мне важно избавиться от Лихопасова. Ради такого дела мне совсем не жалко пожертвовать миллионом. Если поедешь в Штаты, получишь миллион долларов. Если в Европу, то миллион евро... Наверное, в евро лучше, да?..

В голове у тюремщика запустился калькулятор. Но работал он очень медленно, на грани зависания, потому что его мозговую деятельность угнетал страх перед возможным наказанием.

— Пойми, я тебя не уговариваю. — Семен умел давить на психику. — Не потому, что у тебя нет выбора, а потому, что выбор этот очень маленький. Не буду же я уговаривать тебя, чтобы ты выбрал смерть? Нет, не буду. Потому что ты должен выбрать жизнь. Или смерть, или богатая жизнь. Одно из двух. Есть, конечно, варианты. Можно убить тебя, можно твою жену. Но это не принципиально. Или смерть, или деньги, третьего не дано... Пойми, ты у меня на крючке, и ты с него не слезешь, пока не поможешь мне. И ты сделаешь то, что я тебе сказал. Сделаешь. А обратишься за помощью к своим, я заплачу еще один миллион тому, кто пристрелит тебя. Но сначала мои люди вырежут твою семью. Ты меня понимаешь?

Угримов все понимал. И поэтому он согласился исполнить волю Семена. Не мог не согласиться. Потому что страх был сильнее него...

* * *

Семен находился в розыске, но это нисколько его не смущало. Дела шли хорошо, лучше некуда. Семья в очередной раз доказала свою жизнеспособность, и все конкуренты были сметены в архив уголовной хроники. Паука с его паутиной больше нет, верхушка

азербайджанской диаспоры сменилась, воровская община по-прежнему живет спокойной жизнью, в дела Семьи не вмешивается, чиновничий клан все также лоялен к притязаниям отца. Один только РУБОП мутит воду — эти борцы за справедливость из кожи вон лезут, чтобы вернуть Семена за решетку, осудить и этапом отправить в морозную даль. Именно поэтому он не может жить у себя дома, а вынужден скрываться в загородном коттедже, о существовании которого в милиции знать не могут.

Хотя можно ли сказать, что Семен скрывался? Ведь он постоянно находился в разъездах, постоянно чем-то занимался. Вот и сегодня у него по плану полковник Харчев. Обуздать нужно этого скакуна, поставить в стойло.

Все уже сделано. Осталось только посмотреть, как полковник будет бить копытом под опасным седоком.

Вот он выходит из своего дома, открывает дверцу своей «Волги». Семен ничего не делает, он всего лишь наблюдает за полковником из своей машины. Кнопку пульта привел в действие Степок.

«Волга» могла бы взлететь на воздух, будь под ней заряд тротила. Но взрывное устройство представляло собой обычный фейерверк. Семен громко захотел, глядя, как Харчев отпрыгивает в сторону, напуганный искрящимися струями, с визгом хлынувшими из-под днища машины. И его водитель выскакивает из салона, сломя голову бежит к детской площадке. Видимо, решил, что сейчас грянет взрыв. Харчев присел на полусогнутых ногах, в руках уже пистолет. Страшно ему, поэтому и сканирует он стволом пространство.

Семен велел водителю ехать, а сам достал мобиль-

ный телефон, набрал номер, тайна которого была вскрыта вчера, для комплекта с шоу, прошумевшим только что.

— Ну что, полковник? Как тебе салют в твою честь? — злорадно спросил он.

— Бурыбин?! Да я ж тебя!

— Это не ты, это я тебя. Это мой город, полковник. И если ты хочешь нормально служить, то должен договариваться со мной.

— Не о чем мне с тобой договариваться.

— Да, но с Пауком ты договаривался. С Пауком все спокойно в городе было, да? Так и с нами тоже спокойно все будет. Мы не беспредельщики. Мы бизнес делаем. Ты нас не трогаешь, мы тебя не трогаем. А если не поймешь, больше фейерверка не будет. Тогда мы по-крупному зажжем. Ты думай, полковник, думай...

Харчев напряженно молчал. В точности, как делал это Никифоров, когда ему нечем было крыть доводы Семена.

Майор уже фактически признал его власть. Живет с ним в одном доме, бежать не пытается. А куда ему бежать? Да и зачем? Он уже понял, что Семья — это его единственный шанс... Для кого-то это недостижимая мечта, а для Никифорова всего лишь шанс. Ничего, со временем он поймет, как это здорово — быть членом Семьи, владеть городом.

А Семья уже, кажется, поняла, что у отца может быть только один наследник — это он, Семен Бурыбин. Стаса больше нет, а в глазах Левы после ранения поселился страх. И если он не сможет с ним справиться, то какой он после этого лидер. А Семена ничем не испугаешь. Он твердо знает, что ему нужно, и нет на этом свете ничего такого, что могло бы напугать его и сбить с выбранного пути.

* * *

Полковник Харчев нервно перебирал пальцами по столу. Если бы это были клавиши пианино, то слух бы сейчас резала скорбная, лишенная всякой надежды музыка. Во всяком случае, так казалось Эдуарду. Полковник хоть и пытался бодриться, но было ясно, что дело дрянь.

— Мы думали, все кончено, сожрут их, раздавят, а они снова на коне. И мы ничего не смогли сделать. Жаль. А сейчас Бурыбины снова в силе. В большой силе. Мы, конечно, будем пытаться их остановить, но мы, увы, не всесильны.

— Зачем вы это мне говорите? — тоскливо спросил Эдуард.

— Чтобы ты знал, насколько сложное у нас положение.

— Меня могут убить?

— Ну, не-ет! Уверен, что этого не произойдет. Я распорядился усилить охрану. А она и без того, сам знаешь, не маленькая... Просто я думаю, что тебя нужно перевести в Москву. Я уже звонил в главк. В принципе мне дали добро. Вот думаю, как это лучше оформить. Наверное, самолетом тебя отправим, так надежней.

— До аэропорта еще добраться надо.

— Ничего, охрану надежную организуем.

— Бурыбина тоже, наверное, охраняли, когда в «сизо» везли, — с горечью во взгляде усмехнулся Эдуард. — А он все равно сбежал.

— Виновные установлены и наказаны.

— Меня убют, а виновных накажут. Мне от этого не будет легче... Я знаю Бурыбина, он такой, что и самолет взорвет, чтобы от меня избавиться...

— Тогда в поезде.

— В бронированном?

— Ну, бронированные поезда только в музеях остались... Может, лучше отказаться от показаний? — спросил полковник и отвел в сторону глаза.

— Что?! — встрепенулся Эдуард. — Я не ослышался?

— Ну, может, и ослышался. А может, и нет... Хотелось бы Бурыбина посадить. Но ведь скользкий, гад...

— А что со мной будет, если я от показаний откажусь?

— Ну, дело мы закрыть уже не сможем. Но ты можешь отказаться от всех показаний. Не убивал ты Блинкова, и точка. Улик против тебя нет, судья освободит тебя из-под стражи, как и в прошлый раз. А мы документы тебе новые организуем. Внешность сменить не сможем, но паспорт у тебя настоящий будет. Даже легенду тебе создадим. И увезем далеко-далеко. Можно на Дальний Восток...

— А за границу?

— А есть на что?

— Да, есть счет небольшой.

— Ну, в принципе можно и за границу...

— А с Никифоровым как быть?

— Что, с Никифоровым?

— Ну, его тоже надо посадить.

— Надо. Но это не принципиально.

— Не знаю, может быть... Значит, если я откажусь от показаний, то вы поможете мне скрыться?

— Без особого желания, — честно признался полковник. — Но точно поможем...

Эдуард очень хотел жить. И ему все равно, сядет Бурыбин или нет, лишь бы только самому спастился. Тем более свободы, может быть, уже совсем рядом.

Пока найдут Семена, пока будет длиться следствие, затем — судебный процесс. А так он завтра же откажется от своих показаний, и в самое ближайшее время его выпустят на волю и помогут скрыться за границей. Не так уж много денег у него на зарубежном счету, всего двадцать тысяч долларов, но лучше что-то, чем ничего...

А в кармане из тех денег, что были у него в бумажнике, почти ничего не осталось. Каких-то семь-восемь сотен. Эдуард их берег, но сегодня он должен выпить, заглушить страх перед Бурыбиным и приласкать робкую радость по поводу своего возможного спасения...

Полковник Харчев ушел, а Эдуард попросил усатого контролера сходить для него за бутылкой водки. А за ужином выпил, чтобы облегчить душу. Но почему-то после первой стопки у него как-то затяжелела голова. И еще очень сильно потянуло в сон.

Засыпая, он вдруг понял, что никогда больше не проснется. Он попытался вырваться из объятий Морфея, но тот не позволил ему поднять головы...

* * *

Семен чувствовал себя маленьким ребенком. Отец не разрешил ему идти на кладбище, где сегодня хоронили Стаса. Он утверждал, что там его будут ждать рубоповцы. И напрасно Семен пытался убедить его, что полковник Харчев значительно смягчил свою позицию по отношению к нему. Все бесполезно. У отца железный принцип — сказано «нет», значит, иных вариантов не может и быть.

— И ты знаешь, что было бы, если бы я сунулся сейчас на кладбище? — разливая по стопкам водку, спросил Семен у Никифорова.

Все, Стаса уже предали земле, и он обязан его помянуть. Да и душа что-то просит. Так просит, что язык уже заплется. А вроде и выпили немного. Что такое пол-литра на двоих?..

— Думаешь, меня бы пристрелили? Нет! Отец бы Ждана позвал... Нет, Лева в больнице... Стаса нет... — Семен почувствовал, как снова на глаза наворачиваются слезы. — Нет Стаса! Ты понимаешь, Паша, что это такое? Стаса — нет!!! Да я бы сам штаны перед отцом снял, сам бы на пузо лег. Пусть лупит по заднице... Он умеет это делать... Вот если бы я сейчас на кладбище пошел, он бы меня, как последнего, отпустил... И все равно, что мне двадцать шесть лет... Знаешь, как это унизительно? Тебя лупят, а Стас, Лева, Ждан — стоят, смотрят... Лучше бы застрелил.

— Но ты же не пошел на кладбище. И не пойдешь. Незачем тебя стрелять, — насмешливо сказал Павел.

— Вот потому и не пошел... Ну да ладно, потом схожу. Нас когда реалиби... ребиали... В общем, когда нас с розыска снимут...

— А снимут?

— Снимут. Сам Харчев на попятный пошел, да. Вчера информация прошла, он к Лихопасову в «сизо» ходил. Вроде бы не хочет с ним больше возиться, задний ход вроде бы дает. Все правильно, он понимает, от кого теперь порядок в городе зависит. А у нас, поговорь, все будет в лучшем виде. Специальный отдел при «Гаранте» создадим, по борьбе с беспределом. Тебя командиром назначим...

— А с кем бороться? С тобой?

— А я что, на беспредельщика похож?

— Нет, на пай-мальчика...

— А ты целку из себя не строй, не надо. Сам тро-

их завалил. А потом еще троих сжег... Да ты не переживай, я — могила. Никому и никогда...

Павел ничего не сказал. Разлил водку по стопкам, не чокаясь, выпил. Все как положено на поминках.

На столике свирелью прозвенел телефон.

— Да, — отозвался Семен.

— Лихопасова больше нет, — лаконично сообщил Степок.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Отправили до востребования. А правитель у меня. Наложенный платеж требует.

— А ты не сказал, что у меня сейф в лесу находится? — спросил Семен.

— Нет. Да это и не требуется. Он поедет куда угодно.

Семен и не собирался отдавать миллион долларов какому-то прапорщику. Слишком большие это деньги, чтобы ими швыряться. Поэтому Степок уже знал, куда везти жадного глупца.

— Вот и давай его к сейфу. А мы сейчас подъедем.

Семену хотелось развеяться. К тому же у него родилась замечательная мысль. Никифоров уже не сопротивляется судьбе, но все же не мешало бы его по-крепче привязать к ней. В любом случае рано или поздно он должен был пройти обряд посвящения.

— Ну, вот и все, нет больше Лихопасова, — бросив трубку на стол, сказал Семен. — Приказал долго жить. Отдал жизнь за наше с тобой счастье.

— Врешь? — недоверчиво посмотрел на него Никифоров.

— Но ты же помог мне однажды. И в «сизо» нашелся такой же помощник. Водку ему паленую купил. Ох, и отрава, скажу тебе!.. Вот скажи, он челове-

ка отравил, а я ему сто тысяч зеленью отдать должен. Скажи, это справедливо?

— Не тяни вола.

— Я вот тут подумал, может, мы эти деньги пополам с тобой поделим, а? Тебе пятьдесят штук, и мне... Машину себе продвинутую возьмешь, кум королю, сват министру...

— Его убить, а деньги себе? — задумался Павел.

— Ну да.

— Нет, так не пойдет.

— Ну, хочешь, все сто штук — твои... Я себе еще нарисую. Шучу, конечно. Деньги реальные, как с куста.

— Нет, деньги я за такое дело не возьму, — мотнул головой Павел. — Но дело сделаю... Может, вину свою смою.

— Какую вину?

— Сам своих предал. И этот предатель, который Лихопасова убил... Убью предателя, хоть часть вины смою...

— Ну, ты, Паша, голова! — фальшиво восхитился Семен.

— Когда едем?

— Да прямо сейчас.

— На посошок?

— Ну да, в дорожку... Только когда вернемся, продолжим. Ты уже в доску своим сюда, Паша, вернешься. Мы с тобой по-свойски зажжем... Ну что, дернули?

Семен взял с собой только водителя и одного телохранителя. И оружие взял — для себя и для Павла.

Ехали долго, не меньше часа; но вот, наконец, на дороге показалась ржавая, побитая картечью табличка «Племхоз. 12 км». Еще пара километров пути по

узкому, малоезженому проселку, до серебристого «Паджеро», на котором Степок привез жадного прaporщика.

Степок также не утруждал себя людьми. С ним был всего лишь один боец, который держал на прицеле тюремщика. Бедолага уже давно понял, какая участь его ждет. И трясущимися от страха руками копал себе могилу. Почти на метр в землю врылся.

— Ну что, нашел клад, Угримов? — презрительно спросил Семен.

— Зачем ты так? — рухнул перед ним на колени прaporщик. — Я же все как надо сделал!.. Не нужны мне деньги, только не убивай...

— Он тебя не убьет, — презрительно посмотрел на него Павел. — Я тебя убью. Потому что ты своих предал. А предателям — смерть.

— Вот, слушай, что тебе умные люди говорят! — засмеялся Семен.

И поощрительно похлопал Павла по плечу. Ему нравился его настрой. И еще он мог праздновать победу. Хотел приручить Никифорова и добился своего. Лихопасов ушел, но его место в Семье займет более достойный...

ЭПИЛОГ

Тучи неслись по небу серебристо-серыми дирижаблями, в оболочках которых не хватало летучего газа, отчего их контуры принимали волнистую форму. Но летели эти воздушные суда быстро — на юг и вверх. Может, в их гондолах возносятся к небесам души новопреставленных? Может, где-то там, высоко-высоко, за стратосферой, на вершине огромного молочно-пушистого облака раскинулся вокзал, где святой Петр со своей небесной свитой принимает души людей, отбывших свой срок на земле. Может, где-то там, в тихой сторонке на скамейке, сплетенной из тумана, сидит Лена и ждет своего мужа...

А мужу предлагают новую жизнь. Много денег, роскошный дом, престижную должность. И жена у него будет, и дети... А нужно ли это Павлу? Соблазн, конечно, был. Но цена для вступления в этот клуб для него неприемлема. Уж лучше воздушный замок там, на небесах, рядом с Леной, чем особняк здесь, на земле. Гораздо лучше...

Прапорщик Угримов, это глупое животное, уже выкопал для себя яму. Забился в дальний угол, подобрав под себя ноги, жалко смотрит на Семена, как загнанная лошадь, знающая, что пули не миновать...

— Зачем ты своих предал? — обращаясь к нему, зло спросил Павел.

Семен заулыбался, глядя на него. Определенно, ему по нраву, что Павел целиком перешел на его сторону.

— Я... мне сказали...

— А ведь я сам Лихопасова на чистую воду выводил, — продолжал Никифоров. — Искал его, старался... А ты его взял и убил... Что ж, придется за это ответить.

— Придется, — кивнул Семен, протянув ему вороненый «ТТ».

Павел неторопливо вынул обойму. Полная. Это хорошо. Вставил магазин на место, передернул затвор.

Он направил ствол на Угримова, движением спускового крючка снял его с предохранителя. И выстрелил. Прапорщик дернулся, инстинктивно скрестив руки над головой. Но пуля прошла мимо.

— Это предупредительный выстрел, — сказал Павел. — Чтобы ты понял, как это подло — предавать своих... И я это понял... Я Лихопасова посадил. Я его и вытащил. А ты, прапор, его убил. Может, и правильно... Но Лихопасов — пешка. Всего лишь исполнитель. Я должен был найти заказчика. И я его нашел...

Никифоров продолжал держать Угримова под прицелом, но голову повернул к Бурыбину.

— Хороший ты парень, Семен. Знаешь, мне с тобой интересно... Но ты — убийца. Убивал, убиваешь и будешь убивать. Будешь, если тебя не остановить...

Наконец-то до Бурыбина дошло, что задумал Павел. Его лицо исказила свирепая гримаса, он дернул рукой, чтобы выхватить пистолет.

Но Никифоров опередил его. Он должен был завершить свою, когда-то начатую работу. Убийца

Блинкова наказан, осталось разобраться с заказчиком... Бах! Бах!

Еще две пули достались Степку. Такая же мразь, убивающая людей без всякого зазрения совести...

Остались еще трое. Но они только-только сообразили, что произошло. Все они стояли рядом, в одной горстке, и Павлу очень удобно было держать их на прицеле.

— Оружие на землю! — потребовал он. — И очень-очень осторожно.

Семен Бурыбин лежал на спине, устремив к небу безжизненный взгляд, Степок в конвульсиях дергал ногой, будто исполнял предсмертный ритуальный танец... Достаточно было глянуть на них, чтобы охота сопротивляться отпала сама по себе.

Парни послушно сбросили свои пистолеты на землю. Из ямы уже вылез несостоявшийся кандидат в покойники.

— Ну, чего стоишь? — обращаясь к Угримову, спросил Павел. — Собрал оружие. И со мной.

Он отправил напуганную троицу в яму, чтобы сидели там, не высовываясь. А сам вместе с прaporщиком направился к машине.

У кого-то из оставшихся позади парней мог оказаться запасной пистолет. Но Павел совершенно не боялся выстрела в спину...

* * *

Лена тихонько сидела в ногах у Павла, касаясь его рукой. Он даже почувствовал ее прикосновение...

Он вернулся к себе домой. Позвонил дочери и еще раз получил подтверждение, что свадьба со Славой — дело решенное. Попросил у нее прощения за все мыслимые и немыслимые прегрешения. Принял

душ, надел чистое белье. В одиночестве напился. В темноте лег на диван. И вот его надежды сбылись. К нему пришла Лена. Она молча сидела рядом с ним, гладила его. И он ничего не говорил. Зачем? Она и так понимала, что нет для него женщины дороже, чем она. Не смог он найти свое счастье в объятиях Юли. Не смог и никогда не сможет...

За головой, на журнальном столике зазвонил телефон. Трезвон разбил тишину, как молоток хрустальную вазу. Но странное дело, Лена не исчезала. Мало того, движением головы показала ему на телефон. И печально улыбнулась, как будто знала, что звонит Юля.

— Паша! — встревоженно вскрикнула она. — Я знаю, ты у себя дома! Они к тебе идут! Беги! Пожалуйста, беги!

— Ты прости меня за все, — невозмутимо, как-то противоестественно спокойно сказал он. — Я правда любил тебя. Ты для меня единственная. Из тех, кто на этом свете...

Он посмотрел на Лену. Она все так же печально улыбалась, но кивала ему, соглашаясь. Она не ревновала его к живым. Но хотела, чтобы он был с ней, мертвой. Только с ней...

— Паша! Ты не понимаешь! Они хотят тебя убить!

Юля взывала к его благородству, но Никифоров даже не шелохнулся. Только повернул голову, когда со стороны входной двери колыхнулся воздух.

Он видел, как в комнату расплывчатой тенью прокрался человек. Но он всего лишь нажал на кнопку, отключая телефон.

Лена тоже заметила опасность. Но не исчезла. Она легла на Павла, накрыв его своим бесплотно-прозрачным телом.

Она понимала, что не сможет защитить его от пули. Она прижималась к нему, чтобы обнять его душу, которая вот-вот должна была отделиться от тела. Поэтому что Павел даже и не пытался защищаться.

Человек подошел ближе, в отсветах уличных фонарей Павел смог разглядеть его. Ждан. И он уже жмет на спусковой крючок...

Ждан выстрелил ему в голову. Земная смерть наступила мгновенно. Но жизнь продолжалась. В объятиях любимой Лены. Вместе с ней Павел взмыл в звездное небо, с неведомой на земле легкостью помчался с ней в немыслимую даль по Млечному Пути.

Никогда он еще не был так счастлив, как сейчас...

Литературно-художественное издание
МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

Колычев Владимир Григорьевич
СЕМЬЯ В ЗАКОНЕ

Ответственный редактор *А. Дышев*
Редактор *Г. Калашников*
Художественный редактор *С. Власов*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.07.2010.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 12000 экз. Заказ № 850.

Отпечатано в типографии ООО «Самарский дом печати»
443052, г. Самара, пр. Кирова, 24.

ISBN 978-5-699-43706-1

9 785699 437061 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksмо-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрязерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., д. 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-11.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

8572 020000 048

6.99 ₽

Владимир Кольчев словно метеор ворвался в обойму лучших российских писателей криминальной интриги. Острожюжетные сериалы "Брат", "Мент в законе", "Русский шансон" сделали его имя известным в среде самых притязательных любителей детективного жанра. Суровые жизненные перипетии, захватывающие "шекспировские" страсти, простота изложения и правдивость произведений Владимира Кольчева держат в напряжении с первой до последней страницы.

Суммарный тираж книг автора превысил 10 миллионов экземпляров.

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

Весь город подмяла под себя сплоченная, жестокая семья Савелия Бурбина по кличке Бурбон. Ни сам папаша, ни четверо его сыновей отступать не умеют, никому ничего не прощают, деляться ни с кем не хотят – все у них схвачено, куплено, завязано. А с теми, кто не хочет жить по их законам, разговор короткий – туля или удавка. Так бы победно и катилась мафиозная колесница, подминая под себя все, если бы не строптивый майор милиции Павел Никифоров. Криминальная семейка убила его жену, нажив таким образом себе лютого кровного врага.

Теперь он как кость в горле у всемогущей Семьи – ничего не боится, взятки не берет, от своих принципов не отрекается. Что ж, Бурбон приготовил для мента такой хитроумный крючок, с которого простому смертному вовек не сорваться. Вот только Павел оказался отнюдь не простым смертным...

ISBN 978-5-699-43706-1

9 785699 437061 >